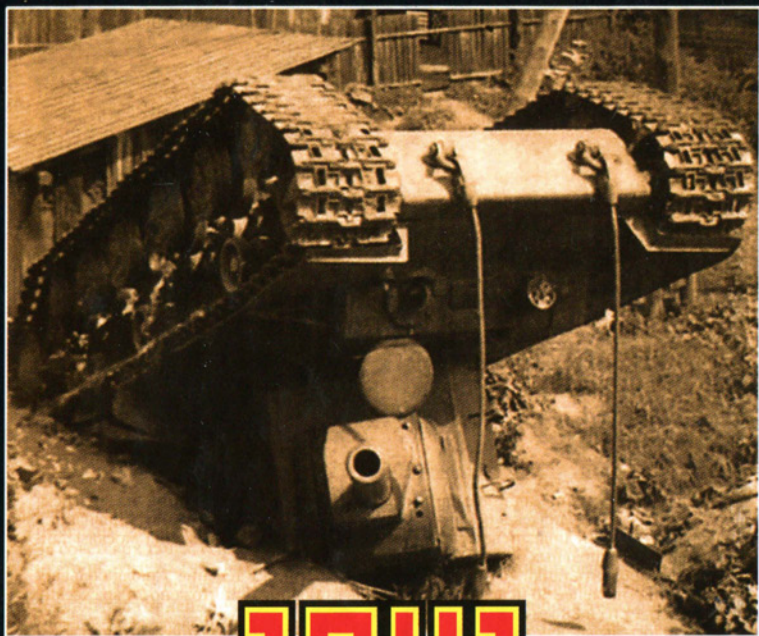

ВОЙНА И МЫ

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

1941

В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Алексей ИСАЕВ

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
АЛЬТЕРНАТИВА**

1941

В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2011

Оформление серии *П. Волкова*

Исаев А. В.

И 85 Великая Отечественная альтернатива. 1941 в сослагательном наклонении / Алексей Исаев. — М. : Яуза : Эксмо, 2011. — 288 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-699-52235-4

Что, если бы Гитлеру не удалось застать Сталина врасплох, будь Красная Армия своевременно приведена в полную боевую готовность, — имелись ли у нас шансы выиграть Приграничное сражение и избежать катастрофы 1941 года? Что, если бы Советский Союз нанес удар первым — могли ли наши войска в считанные недели разгромить Вермахт, как утверждает скандально известный Виктор Суворов, или потерпели бы еще более страшное поражение, чем в текущей реальности? Что, если бы в СССР удалось создать собственный вариант «блицкрига», доведя до ума теорию «стратегических танков» и превратив монструозные, почти неуправляемые мехкорпуса 1941 года в хорошо сбалансированные, мобильные и эффективные элитные соединения, способные изменить ход Великой Отечественной?

НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка поднимает изучение исторических альтернатив на подлинно НАУЧНЫЙ уровень, превращая игру в «если» из досужей забавы писателей-фантастов в профессиональное исследование!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-52235-4

© Исаев А.В., 2011
© ООО «Издательство «Яуза», 2011
© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Однако следует заметить, что расчет альтернативных вариантов развития событий не такая простая вещь, как может показаться на первый взгляд.

Многим хорошо знакома расхожая фраза, которая обычно ставит точку в обсуждении разного рода альтернативных сценариев развития исторических событий: «История не знает сослагательного наклонения». С одной стороны, с ней не поспоришь. Однако небезынтересно проследить, откуда она взялась изначально. Часто эту фразу приписывают И. В. Сталину, который был в первую очередь действующим политиком, а не ученым. С политической точки зрения это утверждение действительно аксиома: вернуться в прошлое и что-то изменить невозможно. Во всяком случае, в реалиях обозримого прошлого и в наше время, до изобретения машины времени. Что сделано, то сделано, и политикам приходится расхлебывать именно ту кашу, которую заварили они или их предшественники.

Историки находятся в несколько других условиях. Разумеется, отвечая на вопрос «Как?» («...произошли те или иные события»), они придерживаются принципа «история не терпит сослагательного наклонения». Совсем другая ситуация при ответе на вопрос «Почему?» («...произошли эти события»). Собственно, нет ничего криминального в ответе историка на вопрос: «А что случилось бы, если...?» Вольно или невольно исследователи и так отвечают на

этот вопрос на страницах вполне серьезных и безупречных с точки зрения канонов исторической науки работ. Например, редкая книга, посвященная японской атаке на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., обходится без обсуждения вероятных последствий налета гипотетической третьей волны самолетов с японских авианосцев. Фактически обсуждение вопроса о третьей волне атакующих позволяет лучше понять, что произошло в пресловутый «день позора» в ходе налета двух реальных волн. Оно становится полезным упражнением для закрепления материала и понимания возможностей ПВО американской военно-морской базы. «Сослагательное наклонение», появляющееся у истории в процессе обсуждения, вовсе не мешает вдумчивому и серьезному ее изучению.

Пример с Перл-Харбором вовсе не является исключением из правила. Скорее наоборот. Самые разные войны и конфликты дают нам примеры ситуаций, заставляющих спустя десятилетия задаваться вопросом: «Что, если бы...?» В случае с Цусимой предметом обсуждения становится гипотетическое перестроение новейших броненосцев эскадры Рождественского в строй фронта и атака совершающей поворот японской эскадры. В случае с «Битвой за Британию» обсуждается стратегия германских налетов, ошибки и просчеты в выборе целей командованием Люфтваффе. При этом неизбежно просчитывается развитие событий в отсутствие этих промахов германской стороны. Таких примеров можно привести еще не один десяток. Богатые возможности для рассуждений «Что было бы, если...?» дают судьбы великих людей. Безвременная гибель той или иной яркой исторической личности неизбежно заставляет задуматься о том, что было бы, если бы этот человек прожил еще год, два или десятилетие. Одним словом, «сослагательное наклонение» так или иначе вторгается в историю. При этом язык не поворачивается сказать, что это вмешательство в данном контексте носит негативный характер.

Поврежденные и потопленные в Перл-Харборе американские корабли. События 7 декабря 1941 г. являются популярной темой для рассуждений «Что, если...»

Одновременно сложившаяся традиция ответов на вопрос «Что, если...?» задает определенные «правила хорошего тона» в обсуждении сослагательного наклонения тех или иных уже произошедших событий. Во-первых, расчет предполагаемого хода боевых действий возможен на небольшую глубину, на протяжении сравнительно короткого периода времени. Во-вторых, ветвление (уход в альтернативную линию развития событий) целесообразно сугобо в рамках тех условий, которые имелись в реальности.

Возвращаясь к приведенному выше примеру: если изучение реальных событий приводит к выводу, что японцы технически не могли поднять третью волну самолетов со своих авианосцев 7 декабря 1941 г., то от «сослагательного наклонения» третьей атаки на Жемчужную гавань нужно и должно отказаться. Всегда есть некий «потолок», выше которого прыгнуть невозможно. Например, изобретение пулемета потребовало определенного технического и технологического уровня развития цивилизации. Массовое производство пулеметов в Наполеоновскую эпоху просто невозможно технически. Дело вовсе не в отсутствии в Европе времен Нельсона и Наполеона своего Хайрема Максима. Если игнорировать эти реалии, то «сослагательное наклонение» становится не более чем беллетристикой, сказкой по мотивам исторических событий.

В приложении к 1941 г. таким «пулеметом «максим» у Дениса Давыдова» являются шапкозакидательские настроения. «Вот если бы не генералы, мы бы тевтонов уже в первые недели гнали до Берлина...» Убаюкивающих сказок о «малой кровью, могучим ударом» не ждите. Автор не первый год занимается историей 1941 г., и поэтому ему, например, и в голову не придет ставить знак равенства между танковой группой (численностью 150—200 тыс. человек) и советским механизированным корпусом (30—35 тыс. человек) просто потому, что в них по тысяче танков. Разница между 1941 и 1945 г. не только и не столько в генералах, командирах и боевом духе. Существовало множество объективных факторов, таких, как соотношение сил. Впрочем, всему свое время.

СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Весной и летом 1941 г. нарушения границы совсем не были из ряда вон выходящим происшествием в Генерал-губернаторстве. Однако обычно заблудившиеся красноармейцы стремились как можно быстрее покинуть территорию чужого государства. Этот же солдат со знаками различия Красной армии, напротив, сразу же бросился навстречу немецкому патрулю. Он повторял только одно слово: «Ангриф! Ангриф!» (наступление — нем.). Солдат промок до нитки: было понятно, что он вплавь преодолел Буг. Перебежчика доставили в штаб. Добровольный помощник Вермахта с белой повязкой на рукаве, сбиваясь, торопливо переводил офицеру слова нежданного гостя из СССР. Однако, при всех недостатках перевода, основная мысль была понятна: Красная армия скоро перейдет границу и ударит по Германии. Перебежчик был призван в недавно присоединенных к СССР западных областях Украины и отнюдь не горел желанием принимать участие в войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии. Еще до окончания допроса последовал звонок в вышестоящий штаб. Нельзя сказать, что там эти сведения вызвали удивление: донесения разведки в последние дни были все тревожнее. Однако в готовившихся к операции «Барбаросса» штабах эти доклады воспринимали лишь как вполне ожидаемые контрмеры Красной армии перед лицом возможного нападения. Теперь же события принимали неожиданный оборот. Вскоре сотни тысяч людей пришли в движение. Солдаты и офицеры пехотных частей Вермахта занимали позиции в пригранич-

ных укреплений. Томительное ожидание длилось недолго: буквально на следующее утро загрохотала артиллерийская подготовка. Война началась...

Здесь и далее я буду описывать такими вставками курсивом эпизоды войны, которой никогда не было, альтернативные варианты развития событий. Прошу не забывать, что реальные события были куда страшнее и трагичнее. Однако прошу отнестись к этому снисходительно: анализ альтернативных вариантов развития событий является одним из инструментов изучения истории. Это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые факторы реальных событий. Лирические отступления с моделированием событий лишь призваны иллюстрировать анализ ситуации и вариантов развития боевых действий. Представьте, что это строки из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Большая политика

Удар по Гитлеру первыми традиционно негативно оценивается в отечественной литературе. Впрочем, нельзя сказать, что эта точка зрения является доминирующей. Тем не менее иногда даже звучат слова о том, что Сталин правильно сделал, что дождался нападения Гитлера и не стал нападать сам. Это якобы дало неоспоримые моральные преимущества. Однако это представляется попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Никакого перевешивающего все и вся морального преимущества этот факт не давал.

Германия себя уже достаточно дискредитировала и в достаточной мере сама проявила себя как агрессор. Поэтому вступление в войну против нее с большим трудом можно было бы интерпретировать как агрессию. Ситуация

Картины поражений похожи друг на друга. Разбитые немецкие автомашины в Белоруссии летом 1944 г.

с Финляндией в 1939 г. была все же принципиально другой. Сомнения относительно адекватной оценки вступления в СССР в войну ударом по Германии проистекают не в последнюю очередь ввиду демонизации Запада.

Однако демонизированный Запад имеет примерно такое же отношение к действительности, как и голливудский советский генерал, пьющий водку из samovar в промежутках между играми с дрессированным медведем. У Запада были свои интересы, и изничтожение как «первого в мире государства рабочих и крестьян», так и России в том или ином виде никогда не было *idée fixe* западных стран. Я веду здесь речь не об отдельных политиках, а об общих тенденциях европейской и англо-американской политики. Более жесткое разделение на два противоборствующих лагеря произошло только с началом «холодной войны».

Политические и военные реалии 1941 г. все же принципиально отличались от реалий 1947 г. или 1950—1960 гг. На внешнеполитическом фронте вступление СССР в войну с Гитлером в любом случае было бы воспринято как возвращение в клуб Сил Добра. Из которого он оказался ис-

ключен сначала ввиду пакта Молотова — Риббентропа (но это еще было полбеды), а затем ввиду нападения на Финляндию и силового присоединения прибалтийских государств.

К слову, о Финляндии. Вполне возможно, что в случае первого удара Красной армии Финляндия заморозила бы свои планы по вступлению в войну совместно с немцами. Впрочем, если бы даже финское руководство сохранило бы свой прежний курс, вряд ли бы это оказало немедленное воздействие на ход боевых действий.

С точки зрения внутренней пропаганды объяснение «почему мы начали первыми» будет, разумеется, простым делом. Однако в определенной степени это будет соответствовать слоганам предвоенной агитации о «малой крови» и «чужой территории» (в их поп-восприятии). Кроме того, лучшей пропагандой правильности выбранного курса всегда были военные успехи. Или же, скажем мягче, отсутствие крупных провалов. Потеря сначала вновь приобретенных в 1939—1940 гг. земель, а затем и Минска, Смоленска, Киева была куда более значимым ударом по общественному сознанию, чем гипотетические моральные терзания относительно бремени ответственности за первые выстрелы. Если положить на одну чашу весов удар первыми, а на другую — потерю большой территории и бомбежки городов в глубине страны, то вторая чаша однозначно перевешивает. Многие люди попросту теряли веру в победу, начинали сомневаться в целесообразности жертв. В концентрированном виде это выглядело примерно так: «Если мы все равно проиграем (проигрываем), то кому будет нужна моя гибель?» Также крупные и очевидные неудачи неизбежно порождали сомнения в эффективности высшего руководства страны. На всякий случай подчеркну: «крупные и очевидные неудачи». То есть те, которые невозможно скрыть средствами военной цензуры и которые придется признавать публично в прессе и на радио голосом Левитана. Провал масштаба окружения армии Сам-

Пленные румыны, захваченные в ходе операции «Уран» в ноябре 1942 г. Операции Вермахта в южном секторе советско-германского фронта в 1942 г. в значительной степени опирались на союзников Германии. Это в немалой степени стало причиной их провала

сонова в 1914 г. советская пропаганда смогла бы без труда скрыть от широкой общественности. В отличие от Николая Второго, у Сталина не было в столице парламентского балагана, в котором малосведущие люди учили бы его, что делать, и морально осуждали его реальные и мнимые просчеты. Слухи и сплетни в армейской среде также можно было без труда подавлять средствами цензуры и нажимом со стороны политорганов.

На бытовом уровне люди все же понимали, что превентивный удар может быть вызван военной необходимостью. Несмотря на паузу с осени 1939 г. по весну 1941 г. фашизм (принятое в СССР наименование нацизма) был вполне успешно позиционирован как абсолютное зло. Превентивный удар по такому врагу был бы, несомненно, воспринят населением СССР в целом благожелательно. На фоне сообщений ровным голосом Левитана о боях в районе Ломжи, Перемышля, а то и Седлеца решение руководства ударить первыми получило бы поддержку общества. В СССР чувствовали приближение войны, ее на-

чало хотя и было неприятным известием, но, по большому счету, никого не удивило и не поразило как гром среди ясного неба.

Первые выстрелы быстро делят мир на своих и чужих. Слова известной песни «Киев бомбили» наверняка останутся на своем месте даже в случае «начинаем первыми». И Минск, и Киев, и многие другие города наверняка подвергнутся немецким бомбардировкам с воздуха вне зависимости от того, кто будет инициатором войны. Разрушенные здания, убитые мирные жители будут вызывать к мщению. Одним словом, на внутривосточном фронте удар первыми был бы также воспринят скорее благожелательно, нежели однозначно отрицательно.

«Могла бы произойти катастрофа...»

Если с политическими последствиями и перспективами ситуация практически очевидная, то оценка возможностей Красной армии в «первом ударе» является куда более сложным делом. Неудачи лета 1941 г. — это достаточно серьезный аргумент против возможности успешного ведения советскими войсками наступательных операций против германской армии. В сущности, когда мы рассуждаем о возможном исходе сражения полностью развернутой и отобилизованной РККА с Вермахтом, мы должны ранжировать причины поражений в реальном 1941 г. Что было главным в длинном списке причин неудач? Упреждение в развертывании и мобилизации? Низкие профессиональные качества командного состава? Неудовлетворительная тактическая выучка бойцов и младших командиров? Посредственные характеристики боевой техники?

Как многие, наверное, и так знают, я придерживаюсь мнения о преобладании стратегических причин неудач 1941 г. По моему мнению, по своей значимости и весу фактор «упреждение в мобилизации и развертывании» значительно превосходит все остальное. Причем дело не только

в ближайших последствиях упреждения Красной армии Вермахтом, но и в долгосрочных последствиях этого события. Разгром армий особых округов ухудшал условия вступления в бой для остальных соединений и объединений Красной армии. Соотношение сил, в котором в бой вступали армии из внутренних округов, было заведомо хуже, чем в отсутствие разгрома многих дивизий и корпусов в Приграничном сражении. Соответственно, после разгрома армий внутренних округов новые формирования опять же вступали в бой в худшем соотношении сил с немцами, нежели в отсутствие поражения (и исключения из боевого состава Красной армии) своих предшественников. Поэтому фактор «упреждение в развертывании» оказывается весьма значимым и «долгоиграющим». Фактически вся летне-осенняя кампания 1941 г. была для Красной армии преодолением печальных последствий упреждения в мобилизации и развертывании.

Однако было бы непростительной ошибкой приравнять к нулю значимость и вес всех остальных факторов поражения советских войск. Серьезные проблемы с боевой подготовкой и отсутствие полноценных механизированных соединений тоже играли свою роль. Также будет влиять на исход многих сражений недостаточный опыт советских командиров и командующих.

Серьезной проблемой Красной армии в 1941 г. были бронебойные снаряды. Производство технологически сложных 76-мм бронебойных снарядов столкнулось с большими трудностями. План выпуска снарядов основного на тот момент типа, известного как «черт. №2-03545», систематически срывался и оказывался выполнен всего на 18%. Объяснялось это как объективными, так и субъективными причинами. Также негативно повлияли на отношение промышленности к заказам военных «чемоданные настроения», когда всем было понятно, что в обозримое время находящийся в производстве снаряд будет сменен на какой-либо новый образец.

Немецкий истребитель ВР09 перед взлетом. Эти самолеты были серьезным и опасным противником советских ВВС

Все это поставило Красную армию в сложное положение в условиях массированного применения противником танков. Имевшиеся в войсках в избытке 45-мм броневые снаряды не гарантировали поражения немецких танков последних серий выпуска и САУ «Штурмгешюц». Можно даже сказать, что они были практически бесполезны при стрельбе по ним в лоб. Даже 40-мм броня «современного качества» поражалась под углом 30° только с дистанции 150 метров. Как позднее выяснилось на испытаниях немецких трофейных танков и САУ, их 50-мм лобовая броня высокой твердости пробивалась 45-мм броневым снарядом только с дистанции 50 метров. На больших дистанциях снаряды разрушались, не пробивая броню. 76-мм броневых снарядов, которые хотя бы обеспечивали поражение САУ «Штурмгешюц» и немецких танков новых типов на приемлемых дистанциях, остро не хватало.

В варианте «Красная армия начинает» все вышеперечисленные факторы сохраняются и будут влиять на развитие событий. Весь вопрос в том, насколько сильно будет

Бомбардировщики Б-17 над Германией. Налеты авиации союзников заставляли Люфтваффе в 1944 г. держать большую часть истребителей на Западе

это влияние? Приведет оно или нет к поражению советских войск в первой операции?

Надо сказать, что нам в какой-то мере повезло. Относительно перспектив такого сражения есть мнение, безусловно, авторитетного человека — маршала Г. К. Жукова. Причем он высказывался на эту тему даже дважды. В первый раз это был не опубликованный при жизни Георгия Константиновича отзыв на статью Василевского. В нем Жуков сформулировал свою мысль следующим образом:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году».

Формулировка, надо сказать, предельно жесткая. Вместе с тем следует отметить, что главные силы Красной армии и так были разгромлены в первые недели войны. Произошло это, правда, последовательно, в Приграничном

сражении и в боях на рубеже Западной Двины и Днепра. Жуков это прекрасно знал.

В 1965 г. он снова высказался на эту же тему в разговоре с историком В. А. Анфиловым о проекте «Соображений...» от 15 мая 1941 г. Георгий Константинович тогда сказал: «Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе, при том состоянии наших войск, могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом».

Обычно этими двумя фразами Жукова размахивают в качестве оценки возможностей Красной армии противостоять Вермахту даже в самых благоприятных для нее условиях. Звучат грозные слова: «Вот и ответ тем, кто ныне считает, что, напади Красная Армия первой в 1941 г., то она бы показала Рейху «кузькину мать»...» Фактически здесь получается продолжение спора о роли различных факторов в поражении Красной армии. С опорой на слова Жукова выдвигается тезис о доминировании таких факторов, как боевая подготовка войск и штабов, в трагедии 1941 г.

Однако так ли очевидны и однозначны оценки советского военачальника? Должен сказать, что Георгий Константинович был человеком неглупым, а местами даже ехидным. В тех случаях, когда он не мог по цензурным соображениям высказаться прямо, он вполне успешно использовал эзопов язык, понятный посвященным. Человеку, знакомому со статистикой войны, в глаза сразу бросится сравнение с Харьковом 1942 г. Собственно, упомянутая Жуковым катастрофа Юго-Западного фронта была далеко не самым крупным поражением советских войск. Киевский «котел», поражение под Вязьмой и Брянском на начальном этапе битвы за Москву оставляют харьковский провал далеко позади. Тогда, в мае 1942 г., в окружение попало 250 тыс. человек. Под Киевом немцы окружили более 500 тыс. человек, окружение трех фронтов в октябре 1941 г.

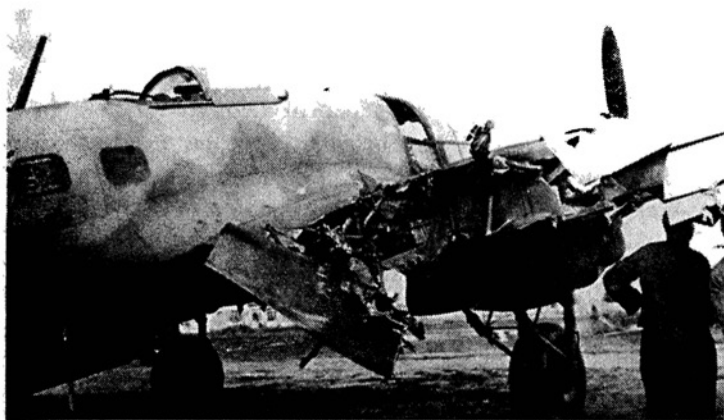

План советского наступления по «Соображениям...»

поглоштило почти 600 тыс. человек. Харьков вполне уверенно занимает промежуточное положение между разгромами одной-двух армий (Умань, Мелитополь, Белосток, Смоленск) и окружением сразу целых фронтов.

Это означает, что два высказывания Жукова ни в коей мере не являются эквивалентными друг другу. В первом случае оценки предельно жесткие и перспективы мрачные, во втором — Жуков достаточно оптимистично оценивает масштабы возможной катастрофы. Это заставляет сделать вывод, что Георгий Константинович откорректировал свое мнение и значительно смягчил оценку ситуации. От «Москва и Ленинград были бы заняты» он пришел к сравнению с Харьковом мая 1942 г. Можно также предложить еще одну интерпретацию слов маршала. Как известно, выстоять в 1941 г. позволила «перманентная мобилизация», т.е. формирование новых соединений вразрез с МП-41. В случае начала войны с главными силами Красной армии на границе решение о новых формированиях могло быть принято с опозданием, а то и не принято вовсе. Это могло привести к печальным последствиям. Впрочем, скорее всего Жуков просто изменил свое мнение и смягчил оценку ситуации.

Так или иначе, у нас есть только самая общая оценка перспектив первой операции войны без упреждения Красной армии в мобилизации и развертывании. Что же можно сказать о ходе боевых действий? Хорошо известный многим английский публицист оценил перспективы советского наступления как радужные и даже блестящие. Он написал о «Войне, которой не было» так: «В августе 1941 года Второй стратегический эшелон завершил Висло-Одерскую операцию, захватив мосты и плацдармы на Одере. Оттуда начата новая операция на огромную глубину». То есть, по его расчетам, с 6 июля по август 1941 г. была бы пройдена вся территория от новой границы до Вислы с захватом плацдармов, а в августе — повторен успех реального января 1945 г.

Поврежденный советской зенитной артиллерией немецкий бомбардировщик Хейнкель-111

Одно можно сказать определенно: проецирование на «альтернативный 1941 г.» таких блистательных операций реальной войны, как Висло-Одерская, Львовско-Сандомирская, Ясско-Кишиневская и «Багратион», совершенно безосновательно. Обстановка на земле и в воздухе в период проведения этих безусловно успешных операций была принципиально другой, чем та, которая могла возникнуть в альтернативном 1941 г. без упреждения в мобилизации и развертывании. Дело даже не в очевидных частностях, например, в отправке в реальном декабре 1944 г. IV танкового корпуса СС в Венгрию. В альтернативном 1941 г. такое решение вряд ли будет принято. Просто ввиду того, что времени на прорыв к Будапешту просто не будет. В реальности к нему шли всю осень 1944 г. и даже большую часть декабря 1944 г. В альтернативе «Красная армия бьет первой» берлинско-варшавское направление будет для немцев главным изначально, его ослабление представляется крайне маловероятным.

Каковы же перспективы наступления Красной армии на запад в таких условиях? Прежде всего необходимо об-

ратить внимание на общее соотношение сил противников на Восточном фронте. В период побед Красной армии в 1944—1945 гг. оно было иным, нежели возможное соотношение сил в ходе гипотетического «первого удара». Так, на 1 июня 1944 г. Германия имела в составе действующей армии на Восточном фронте 2,62 млн человек против 6,7 млн человек в составе советских действующих фронтов и отдельных армий. Иногда называются даже меньшие цифры. По данным Мюллера-Гиллебранда, на 1 июля 1944 г. в действующей армии на Востоке было 2,16 млн человек, включая полевые части Люфтваффе и войска СС. Это был достаточно низкий показатель. Для сравнения: на 1 июля 1943 г. на Востоке было 3,14 млн человек, на 22 июня 1941 г. — 3,3 млн человек. Неудивительно, что летом 1944 г. Красная армия быстро и успешно наступала, а летом 1943 г. наступление шло с большим трудом и немалыми потерями, а на некоторых участках (Мгинские операции под Ленинградом, Изюм-Барвенковская операция и наступление на Миус-фронте в июле 1943 г.) и вовсе оказывалось неуспешным. Одним словом, было бы странно думать, что победы 1944—1945 гг. не опирались на тяжелые бои 1942—1943 гг. Они были подготовлены в тех боях, разгром группы армий «Центр» был не в последнюю очередь следствием снятия с нее стружки в предыдущие годы войны.

Разумеется, в случае отсутствия упреждения в мобилизации и развертывании численность действующей армии Советского Союза будет иной, нежели в реальном 1941 г. Поэтому оперировать реальным соотношением сил летом 1941 г. в оценке возможного развития событий по сценарию «бьем первыми» будет грубой ошибкой. Отмобилизованная и развернутая Красная армия сможет выставить против Вермахта куда более внушительные силы, чем слабосильные армии прикрытия особых округов. Согласно февральскому 1941 г. мобилизационному плану (извест-

Танк Т-34, подбитый сразу после того, как раздавил немецкую 50-мм противотанковую пушку ПАК-38

ному также как МП-41) общая численность Красной Армии, не считая формирований гражданских наркоматов, должна была составить 8 682 827 чел. военнослужащих и 18 880 чел. по вольному найму. Это весьма близко к 9 млн общей численности Красной армии к лету 1944 г. Если 9-миллионная армия 1944 г. выставила на фронт 6,7 млн человек, то 8,7-миллионная армия, поднятая по МП-41, должна выставить на фронт не менее 6,5 млн человек. Это приводит нас к реалистичной оценке общего соотношения сил для сценария «бьем первыми». Скорее всего это будут 6,5 млн человек с советской стороны и 3,3 млн человек со стороны Германии плюс 326 тыс. человек румынских войск «группы Антонеску». Это дает нам соотношение сил сторон на советско-германском фронте в отсутствие упреждения в развертывании примерно 1:1,79. Заметим, в этом соотношении 90% составляют немецкие войска.

С этой точки зрения гипотетическое соотношение сил в расчетном 1941 г. (без упреждения в мобилизации

и развертывании) будет весьма далеко от реального июня 1944 г. Можно даже сказать больше: позади будет оставлен даже июль 1943 г. с его тяжелым преодолением «Цитадели». В июле 1943 г. германская армия на Восточном фронте вместе с войсками СС и полевыми частями Люфтваффе насчитывала 3,138 млн человек, в августе 1943 г. — даже 2,958 млн человек. Армии союзников по приказу Гитлера были выведены с Восточного фронта. Однако, строго говоря, к этим цифрам можно прибавить 107 тыс. человек румынских войск, по-прежнему находившихся к востоку от Буга. Среднемесячная численность советских действующих фронтов и отдельных армий в III квартале 1943 г. составила 6,818 млн человек. То есть соотношение сил сторон составляло около 1:2,1...1:2,2.

С чем же можно сравнить гипотетическое соотношение сил отобилизованной Красной армии и Вермахта с союзниками летом 1941 г.? На июль 1942 г. германская армия на Восточном фронте насчитывала 2,847 млн человек. Румыны выставили 382 тыс. человек, Венгрия — 209 тыс. человек. Итальянская 8-я армия насчитывала 227 тыс. человек. В действующих фронтах и отдельных армиях Советского Союза в III квартале 1942 г. насчитывалось 5,665 млн человек. Однако, строго говоря, поступление армий союзников на фронт происходило не одновременно. Даже до их прибытия на фронт на Дону в группу армий «Б» немцы смогли обрушить весь южный сектор советско-германского фронта, дойти до Волги и Кавказа. В сентябре 1942 г. Вермахт насчитывал 2,8 млн человек, к которым прибавилось 648 тыс. человек войск союзников Германии (румынских, итальянских и венгерских армий). В октябре 1942 г. численность Вермахта подросла до 2,9 млн человек. Однако действующая армия СССР подросла в IV квартале 1942 г. до 6,343 млн человек. Соотношение сил — 1:1,84. При этом немецких войск в этом соотношении 77% (23% — союзники Германии). Этим была создана почва для успе-

Экипаж бомбардировщика Пе-2 уточняет боевую задачу. За изящество обводов этот самолет немцы поначалу принимали за французский «Потез»

ка «Урана». При этом надо помнить, что помимо «Урана» имел место неудачный «Марс».

Ожидать при схожем соотношении сил хуже, чем во времена отступления лета 42-го и даже «Урана» и «Марса», стремительного проведения Висло-Одерской операции силами КВ-2 и Т-34 с Л-11, очевидно, не приходится. Конечно, Красная армия летом 1942 г. страдала от нехватки вооружения и боеприпасов ввиду эвакуации промышленности. Однако и Вермахт был уже изрядно потрепан зимней кампанией 1941/42 г. К тому же большая часть истребительной авиации Люфтваффе уже была на Западе. В июле 1942 г. 29 групп немецких истребителей были на Западе и Средиземноморье, 20 — на Восточном фронте и 4 — в Норвегии.

Здесь, вспомнив об авиации, мы плавно переходим от общего соотношения сил к частностям. Еще одним принципиальным отличием реального июня 1944 г. и января 1945 г. от расчетного лета «первого удара» 1941 г. будет соотношение сил в воздухе. Причем как на количественном, так и на качественном уровне. На 31 мая 1944 г. из 4475 самолетов Люфтваффе на Восточном фронте в составе 1, 6 и 4-го воздушных флотов было 1693 самолета (317, 688 и 688 самолетов в соответствующих флотах). Меньше половины общей численности германских ВВС, как мы видим. Еще 193 самолета было в 5-м воздушном флоте в Финляндии и Норвегии, действовавшем на востоке и западе одновременно. Самым многочисленным был воздушный флот «Рейх», ответственный за ПВО Германии — 1348 самолетов. Из 1051 одномоторного истребителя в Люфтваффе в целом в воздушном флоте «Рейх» было 444, в 6-м воздушном флоте в центральном секторе советско-германского фронта — всего 66. Пропишью: шестьдесят шесть. К началу «Багратиона» это количество даже снизилось и упало до 40 машин. Хотим мы этого или нет, но воздушное наступление англо-американских ВВС оттягивало значительные силы с Восточного фронта. В случае «первого удара» в 1941 г. такого жесткого прессинга с воздуха на западе, разумеется, не будет. Люфтваффе смогут без особого ущерба сосредоточить все свои силы для борьбы за небо на Востоке. На 21 июня 1941 г. в Люфтваффе было 4882 боевых самолета, в том числе 1440 одномоторных истребителей. Нетрудно догадаться, какой воздушный флот будет самым многочисленным в случае «первого удара». Это будет один из воздушных флотов на Восточном фронте, скорее всего на направлении главного удара Красной армии — на Украине (точнее, в Южной Польше). Авиации Юго-Западного фронта будет противостоять отнюдь не 40 истребителей, как трем фронтам в «Багратионе», а куда большее их число.

Немецкие танкисты готовятся к танковому бою: в танк PzJQ 14-й танковой дивизии загружаются бронебойные снаряды

С позиции ВВС Красной армии ситуация также выглядит не блестящей. Боевых самолетов в советских ВВС в 1944 г. было все же больше, чем в июне 1941 г. Кроме того, в 1944 г. авиация объединялась в воздушные армии, позволявшие более гибко и эффективно ее использовать. На 22 июня 1941 г. фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой авиацией. В современном понимании этого термина к «фронтовой авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтовую авиацию 1941 г. фронтовой группой авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непосредственно армиям, точнее, командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтовая группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация — это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

Подобная схема фактически распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в наступлении могла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события, и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиадивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне. Командование фронта через штаб воздушной армии могло массировать усилия авиации на ключевом направлении. Это также улучшало качество управления авиации. Отнюдь не все общевойсковые командующие были достаточно компетентны для правильной постановки задач ВВС. Армейская авиация в реальном 1941 г. далеко не всегда использовала свой потенциал именно по этой причине.

Развитие событий в воздухе над «первым ударом» в свете вышесказанного нетрудно спрогнозировать. Первый удар, скорее всего, будет достаточно результативным. Какое-то время советские летчики будут даже господствовать в воздухе. Однако вряд ли этот удачный дебют будет длиться бесконечно. Успешное наступление войск Красной армии на том или ином направлении, словно магнит, будет притягивать к себе группы и даже целые эскадры немецких истребителей. Действующие в интересах наступающих механизированных и стрелковых корпусов советские бомбардировщики и штурмовики будут встречать плотные группы немецких истребителей. Собственно, будет повторяться сценарий атак на «механизированные колонны» лета 1941 г., только в несколько откорректированном виде.

Немецкая 88-мм зенитка была одним из главных противников танков новых типов летом 1941 г.

Ареной ожесточенных воздушных боев станут узловые пункты советского наступления.

Специфика организационной структуры ВВС КА сыгрывает здесь свою отрицательную роль. Авиация армий на направлении главного удара будет быстро перемолота в таких боях. Усилить ослабевшие армейские авиадивизии фронтовому командованию будет, строго говоря, нечем. Одновременно наступающие мехкорпуса подвергнутся ожесточенным бомбардировкам. Вообще говоря, я здесь даже не просчитываю некое гипотетическое развитие событий, а описываю в общем виде их реальный ход в некоторых советских операциях 1942—1943 гг. Точно так же, как массированные бомбардировки останавливали контрудары мехкорпусов в реальном 1941 г., а также в 1942 и 1943 гг., они будут останавливать наступление мехкорпусов «первого удара» в глубине немецкой обороны.

Если летом 1943 г. немецкая авиация остановила наступление 1-го танкового корпуса под Орлом, то что ей мешает останавливать мехкорпуса в «ударе первыми»? Особенно с учетом того, что как 37-мм автоматические зе-

нитные пушки, так и боеприпасы к ним реальным летом 1941 г. были в большом дефиците. Заметим также, что в 1941 г. советские легкие танки были все же куда уязвимее к ударам с воздуха, чем летом 1943 г. Советские танковые командиры, участвовавшие в контрударе под Лепелем в июле 1941 г., едва ли не в один голос говорят о высоких потерях от авиации.

С тактической точки зрения ситуация будет практически одинаковой с контрударами реального 1941 г. Наступающий советский мехкорпус будет встречен наспех построенной обороной немецкого резерва где-то в глубине обороны. Сломать оборону этих резервов помешает авиация, которая будет расчищать воздух от советских «мигов» и СБ, а также наносить удары по боевым порядкам мехкорпусов. Это будет повторение атак 6-го мехкорпуса под Гродно 25 июня или 8-го мехкорпуса под Лешневым и Берестечко 26 июня 1941 г. В обоих этих случаях советские танковые части были принуждены к отходу мощными авиаударами.

На этом сравнение сил сторон можно пока завершить. Общее соотношение сил на земле и в воздухе, безусловно, важно, но в начальный период войны на него накладывалась своя специфика. Войны еще нет, стороны еще только разворачивают свои вооруженные силы на общей границе. В реальном 1941 г. мы были упреждены в мобилизации и развертывании. Рассматривая альтернативные варианты, нужно прежде всего определиться с тем, в каком положении окажется Германия и ее вооруженные силы. Она вполне может оказаться упрежденной в развертывании. В этом случае соотношение сил в Приграничном сражении может оказаться куда более выгодным для Красной армии, чем рассчитанное выше, исходя из фактической численности и МП-41. Очень многое зависит от «градуса» упреждения, т.е. от того, на каком этапе своего развертывания германская армия попадет под удар советских войск. Вышеприведенное соотношение сил — это количество войск, кото-

рое стороны могут выставить на общую границу в наилучшем для себя варианте. Другими словами, это численность войск на общей границе в случае, если и Вермахт, и Красная армия успевают завершить развертывание. Такой вариант тоже нельзя исключать, хотя он представляется далеко не самым вероятным.

Наилучшим с точки зрения соотношения сил представляется вариант, когда Гитлер вовсе отказывается от проведения «Барбароссы» в 1941 г. Например, получив новые разведданные о численности советских Вооруженных сил, количестве танков и самолетов в Красной армии. Эти данные могли заставить пересмотреть наряд сил для проведения операции по выходу на линию Архангельск — Астрахань. Соответственно, подписание Директивы №21 в декабре 1940 г. могло не состояться. Теоретически в этом случае к июню 1941 г. могла остаться неизменной группировка войск на границе с СССР по состоянию на начало года. Это, напомним, всего 26 дивизий. В этом случае Вермахт в Генерал-губернаторстве (оккупированной Польше) мог ждать действительно эпический разгром в стиле Висло-Одерской операции января 1945 г. Эти 26 были бы просто сметены советским ударом.

Однако сдвиг «Барбароссы» на 1942 г., ввиду осознания военной мощи Советского Союза, скорее всего привел бы к наращиванию группировки на Востоке в оборонительных целях. На 26 дивизий надеяться не приходится. Красную армию встретила бы развитая система инженерных заграждений, севшие в плотную оборону 70—80 пехотных дивизий с двумя-тремя моторизованными корпусами во втором эшелоне. Учитывая проблемы взаимодействия с инженерными частями, продемонстрированные Красной армией в Финляндии, прогрызание такой обороны могло стать достаточно долгим делом. Это дало бы немцам время на переброску резервов из фатерлянда и с Запада.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда советский удар застанет германские войска на одном из

завершающих этапов развертывания для «Барбароссы». Например, если советское руководство примет решение запустить процесс мобилизации и развертывания, а Вермахт будет задержан Балканской кампанией. В этом случае Красной армии на Западе будут противостоять от 70 до 90 немецких пехотных дивизий. Основные силы танковых групп, включенные, как известно, в последний эшелон для выдвижения к границе с СССР, будут еще в пути.

Первый раунд. «Разя огнем, сверкая блеском стали...»

Итак, предположим, что в начале июня 1941 г. Вермахт оказывается упрежден в развертывании. Танковые группы находятся на ранних стадиях перевозки на Восток. Подвижные резервы трех групп армий сравнительно немногочисленны, и основным противником перешедшей в наступление Красной армии становится пехота. Германская разведка вряд ли останется слепой и глухой, особенно в последние дни советских приготовлений. Поэтому вряд ли советские дивизии встретят на границе пустые позиции. Подготовленные для «Барбароссы» соединения будут, скорее всего, в последние дни и часы подтянуты к границе и займут пограничные укрепления.

Однако пехотные соединения германской армии в 1941 г. были «крепким орешком». Это еще были девятибатальонные дивизии, т.е. из девяти батальонов в трех пехотных полках. Переход на характерные для немцев во второй половине войны шестибатальонные пехотные дивизии (по два батальона в полку) наметился в 1942 г. и состоялся окончательно во второй половине 1943 г. Немецкая пехота июня 1941 г. была хорошо укомплектована, и взломать ее оборону было бы не так-то просто. Это, скорее всего, удастся Красной армии лишь на направлениях, где имеется общее двойное-тройное численное превосходство над

Подбитый и сгоревший в лесу танк Т-34. Лето 1941 г.

противником, с внушительным перевесом на направлении главного удара. Такое превосходство было у Красной армии на Украине, на Юго-Западном фронте.

Согласно справке Н. Ф. Ватутина, в составе Юго-Западного фронта предполагалось сосредоточить:

«5 А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

20 А — сд-7;

6 А — 16 дивизий, из них: сд — 10, тд — 4, мд — 2;

26 А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

21 А — 13 дивизий, из них: сд — 8, тд — 2, сд — 1, кд — 2;

12 А — сд — 4;

18 А — 8 дивизий, из них: сд — 5, тд — 2, мд — 1;

9 А — 12 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1;

резерв фронта — 7 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1»¹.

Как могли быть использованы эти силы и с каким результатом?

¹ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 350.

Целью перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта были классические «канны» для немецких войск в Южной Польше: 5-я армия генерала Потапова из района Ковеля была на Люблин с востока. Ее эшелонам развития успеха были два мехкорпуса: 22-й Кондрусева и 9-й Рокоссовского. В них были в основном легкие танки, только в 22-м мехкорпусе был 31 неповоротливый КВ-2. 6-я армия генерала Музыченко перешла в наступление на Люблин с северного фаса львовского выступа. Ее танковый кулак был не в пример мощнее: 4-й и 15-й механизированные корпуса генералов Власова и Карпезо с сотнями новых танков. Первые потери они понесли уже при прорыве вражеской обороны — танковые части пришлось вводить в бой, а не в чистый прорыв. Однако, вырвавшись на оперативный простор, мехкорпуса Власова и Карпезо уверенно продвигались вперед, к Люблину. Казалось, что до замыкания кольца окружения остаются считанные часы. Центр «канн» образовывала 20-я армия Курочкина. Поворот на Люблин открывал левый фланг двух советских мехкорпусов. Однако это было предусмотрено планом. С «макушки» львовского выступа через Перемышль на Тарнов и далее к Висле прорывались войска 26-й армии Костенко. Ее главной ударной силой был 8-й механизированный корпус генерала Рябышева. За ним шел 16-й мехкорпус комдива Соколова. Под их ударами немецкие части отходили дальше на запад, к Висле. Тем самым дальше на запад сдвигалась угроза флангам 4-го и 15-го мехкорпусов. Поначалу настроение в частях было приподнятое. Однако по мере продвижения к Люблину новые КВ и Т-34 все чаще оставались на обочинах дорог. Горели фрикционы, ломались коробки передач, выходили из строя двигатели. Также все чаще над колоннами грузовиков стали появляться самолеты с крестами на крыльях. Поначалу их атаки успешно отражали остроносые «миги» 15-й авиадивизии. Но самолетов с крестами становилось все больше, а краснозвездных истребителей — все меньше. «Юнкерсы» и «Хейнкели» все чаще атаковали колонны с горючим

и боеприпасами. Нередко немецкие бомбардировщики появлялись над полем боя, обрушивая град бомб на артиллерийские позиции и даже атакующие танки и пехоту.

Какие контрмеры можно будет ожидать от немецкого командования? История войны дает нам обширный материал для построения возможной стратегии и тактики Вермахта в гипотетическом оборонительном сражении лета 1941 г. Типовым приемом германской армии в такого рода операциях было стягивание на опасное направление крупных сил авиации. Более того, чаще всего именно авиация прибывала к полю сражения первой и наносила первые удары по наступающим советским частям. Люфтваффе обладали достаточно гибкой структурой в лице воздушных флотов и авиакорпусов. Также немецкие командующие не стеснялись дробить даже такие структуры, как бомбардировочные и истребительные эскадры, по группам (примерно по 40 самолетов). Одна группа могла защищать Рейх в ПВО, другая — действовать под Ленинградом, третья — под Курском.

Авиация Юго-Западного фронта в реальном июне 1941 г. насчитывала около 2 тыс. самолетов в 46 авиаполках. Истребительная авиация насчитывала 1166 боевых машин (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153). Как мы видим, истребителей новых типов было меньшинство, 20% от общей численности. Однако не следует думать, что в варианте «Красная армия бьет первой» эта группировка будет неизменной. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Жуков широким жестом отписал Юго-Западному направлению 91 полк авиации. Разумеется, нужно учитывать, что этот наряд сил включает в себя полосу Одесского округа, позднее отданную Южному фронту. Тем не менее в бой Юго-Западный фронт должен был пойти не с 46 полками авиации, а с несколько большим их количеством. Нарастить группировку авиации фронта предполагалось за счет авиации внутренних округов. Вместе с армиями

внутренних округов в штатном варианте прибывала также их авиация. На 1 июня 1941 г. внутренние округа (АрхВО, МВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО и СибВО и др.) насчитывали 1856 боевых самолетов, в том числе 1613 исправных. Новые истребители были только в Московском округе — 67 МиГ-3 и 69 Як-1. По понятным причинам новые машины шли в первую очередь на укомплектование приграничных округов. Так что заметной качественной прибавки парка истребителей ожидать не приходится, только количественной. Однако отобилизованный и развернутый Юго-Западный фронт пойдет в бой не менее чем с 2500—2700 самолетами.

Однако группировка ВВС противника также не останется неизменной. В реальном июне 1941 г. Украина не была для немцев точкой приложения основных усилий. Против ВВС Юго-Западного фронта действовала всего одна эскадра одномоторных истребителей — JG3 со 109 боеготовыми самолетами в трех группах на 21 июня 1941 г. Всего же в 4-м воздушном флоте в южном секторе советско-германского фронта было около 600 самолетов. Если же немцам придется реагировать на советский удар, то в Южную Польшу будут брошены куда большие силы. Скорее всего, на юг будет перенацелен VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгофена, в реальном 1941 г. действовавший в составе 2-го воздушного флота в Белоруссии. Помимо ударных «Штук» в его составе также были одномоторные истребители в количестве трех групп (123 Bf109E/F). Наверняка этим дело не ограничится, и на усиление 4-го воздушного флота будет направлено еще несколько групп «Мессершмиттов».

Не будет большим преувеличением сказать, что германское командование уверенно соберет против авиации наступающего Юго-Западного фронта кулак из 1400—1600 самолетов всех типов (не считая авиации в Румынии). Соотношение сил 2500—2700 советских самолетов против 1400—1600 немецких отнюдь не обещает бли-

Немецкие танки Pz-III на марше. Лето 1941 г.

стательных перспектив в воздушных боях для «сталинских соколов». В 4-м воздушном флоте будет около трех-четырёх сотен Me-109, в основном Bf109F. Это очень много, особенно с учетом высокой интенсивности использования своих самолетов немцами, до шести боевых вылетов в день. Даже если предположить, что самолеты 4-го воздушного флота будут летать всего в два раза чаще, количество самолето-вылетов германской авиации будет больше, чем у ВВС ЮЗФ. Соответственно больше будет влияние на оперативную обстановку.

В истории войны достаточно примеров для аналогии. Например, в операции «Цитадель» на северном и южном фасах Курской дуги в июле 1943 г. немцами было задействовано 339 одномоторных истребителей. Они, как известно, создали серьезные проблемы трем советским воздушным армиям, и ни о каком завоевании господства в воздухе речи тогда не было. При этом в июле 1943 г. в ВВС КА уже не было такого серьезного технического отставания, как в 1941 г. К тому же часть авиации ЮЗФ в разгар боев останется мертвым грузом в авиадивизиях армий на вспомогательных направлениях. Так что кулака из трехсот-че-

тырехсот немецких истребителей более чем достаточно для разгрома воздушного «зонтика» над мехкорпусами Юго-Западного фронта в Южной Польше.

Отрицательно скажется на обстановке в воздухе над вырвавшимися вперед механизированными корпусами необходимость продвигать аэродромное хозяйство вслед за ушедшими вперед войсками. С этим были серьезные проблемы даже в успешном 1945 г. Вырвавшиеся на излете Висло-Одерской операции вперед советские части говорили даже о господстве немцев в воздухе. И это конец января — начало февраля 1945 г. Впрочем, точно так же Люфтваффе не всегда поспевали за наступающими моторизованными корпусами. Одним словом, мехкорпуса ожидает град ударов с воздуха, замедляющий их продвижение вперед.

Разумеется, авиация станет не единственным аргументом германского Верховного командования. Против успешно наступающего Юго-Западного фронта наверняка были бы развернуты моторизованные корпуса сразу двух танковых групп — 1-й ТГр Клейста и 2-й ТГр Гудериана. Это шесть моторизованных корпусов, около 1800 танков и САУ. Однако танки были не единственным средством борьбы в составе танковых групп. Помимо танков, они могли похвастаться многочисленной моторизованной артиллерией, вплоть до самой тяжелой. Также они обладали весьма внушительной общей численностью — 160—180 тыс. человек каждая. Для сравнения: советские механизированные корпуса даже по штату насчитывали всего по 30 тыс. человек. Поэтому превосходство мехкорпусов в числе танков было, пожалуй, их единственным преимуществом.

Столкновение со свежими силами немцев произошло неожиданно. Разведывательная авиация Юго-Западного фронта состояла всего из двух разведывательных авиаполков. Они не могли эффективно освещать обстановку. Кроме того, в первые дни боев они понесли тяжелые потери от истребите-

лей противника. Поэтому мехкорпуса двигались вперед почти вслепую. Вырвавшиеся вперед механизированные корпуса 5-й армии Потапова встретили упорное сопротивление. Вскоре они напоролась на немецкие танковые части. Танковый бой превратился в настоящее избиение Т-26 и БТ. Следующим ходом стал мощный контрудар во фланг. 1-я противотанковая бригада Москаленко сдержала первый удар «панцеров». На подбитых танках советские артиллеристы обнаружили белую литеру «G». Пленные сказали, что это означает «Гудериан» — так звали командующего их танковой группой. Вскоре на позиции противотанковой бригады обрушились пикирующие бомбардировщики. Они разбивали громоздкие зенитки, сжигали тягачи и автомашины. Противотанковая бригада дрогнула, и немецкие танки вышли к дороге, по которой осуществлялось снабжение мехкорпусов Кондрусева и Рокоссовского. Остаткам мехкорпусов пришлось отходить на восток.

Рокоссовский впоследствии написал в мемуарах:

«...на КП нашего корпуса прибыл пешком командир танковой дивизии 22-го мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглазгольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним»¹.

¹ Приведен с сокращениями фрагмент из настоящих мемуаров Рокоссовского.

Машина с литерой «G»: танк Pz.IV из 10-й танковой дивизии.
Лето 1941 г.

План окружения главных сил немецкой 6-й армии ударами по сходящимся направлениям на Люблин начал рассыпаться. Более того, на правый фланг советской ударной группировки начали выходить подвижные соединения 2-й танковой группы.

В этих условиях можно было вынудить противника отказаться от контрудара своим стремительным наступлением, вынуждающим латать рассыпающийся фронт и хоть как-то сдерживать прорывающиеся в тыл подвижные соединения. Однако продвижение на Люблин 6-й армии замедлилось. Переброшенные по железной дороге немецкие пехотные дивизии заняли оборону на широком фронте и при поддержке авиации сдержали натиск советских мехкорпусов. Они были вынуж-

Буквой «Г» обозначались все машины 2-й танковой группы.
На снимке: «кюбельваген» и мотоцикл артиллерийской части
17-й танковой дивизии

дены остановиться и ждать подхода стрелковых соединений. Однако повторного наступления на Люблин не состоялось. Авиационная разведка предупредила о сосредоточении крупных сил танков противника на флангах, но было уже поздно. Мощные удары в основание вбитого армией Музыченко в построение группы армий «Юг» клина быстро создали кризисную обстановку. Первой реакцией советского командования стало выдвижение к участкам прорыва противотанковых бригад. Но эта мера уже запоздала, оснащенные тягачами СТЗ-5 бригады просто не успели вовремя. Ясным летним днем немецкие танки с буквами «К» и «Г» на броне встретились. Их встреча привела к отсечению и окружению обоих мехкорпусов и двух стрелковых корпусов 6-й армии. В окружении также оказался выехавший в передовые части член Военного совета Юго-Западного фронта Вашугин.

Командование Юго-Западного фронта было вынуждено принимать срочные контрмеры. Однако деблокирующие удары снятого с наступления на Тарнов 8-го мехкорпуса результата не дали. Более того, часть сил корпуса Рябышева

сама попала в окружение. Снабжение по воздуху не могло обеспечить почти 100-тысячную группировку, оказавшуюся в «котле». В этих условиях пришлось давать окруженным войскам приказ на прорыв. Лидерами прорыва стали остатки двух механизированных корпусов. Им удалось ненадолго пробить коридор к своим, через который вышла часть окруженных соединений. Большую часть своей техники окруженные мехкорпуса были вынуждены уничтожить или просто бросить. Оказавшись под угрозой плена, комиссар Вашугин застрелился.

После ликвидации «котла» под Люблином две германские танковые группы перешли в наступление против остатков 6-й армии, а также 26-й и 21-й армий. Ударом 1-й танковой группы в направлении Карпат был образован еще один «котел». Для деблокирования пришлось вводить в бой прибывшую из Забайкалья 16-ю армию и 5-й мехкорпус. Однако все попытки пробиться к окруженным частям были безуспешными. 5-й мехкорпус был пополнен Т-34 и КВ за счет свежего выпуска с заводов, но основную массу его техники составляли легкие танки. Все их атаки потерпели неудачу.

Отступление войск Юго-Западного фронта остановилось только на линии государственной границы. Незаконченная постройка линии Молотова дала опору отходящим войскам. Потрепанные дивизии стали полевым заполнением УРОВ. Несмотря на потери и окружение, плотность заполнения укреплений в полосе Юго-Западного фронта была достаточно высокой. Все атаки немцев на линию Молотова потерпели неудачу. Шаровые установки советских ДОТов легко выдерживали атаки с применением огнеметов. Установленные в ДОТах 76-мм казематные пушки Л-17 уверенно поражали немецкие танки. Однако возникший кризис был преодолен, и на фронте наступила оперативная пауза.

В то время как на фронте постепенно стихала канонада, постепенно сползая к вспыхивавшим то там, то здесь перестрелкам, загремели громы и засверкали молнии в штабах. Командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпо-

Картины поражений похожи друг на друга. Брошенные и сожженные на шоссе Белосток—Слоним грузовики и тракторы Красной армии.

нос по требованию прибывшего на место погибшего Н. Н. Васьугина Л. З. Мехлиса был отстранен от командования фронтом и арестован. Вскоре последовал суд, и генерал был расстрелян. Вместе с М. П. Кирпоносом был арестован и предан суду командующий 6-й армией И. Н. Музыченко. С большим трудом Жукову удалось отстоять начальника штаба фронта М. А. Пуркаева. Новым командующим Юго-Западным фронтом стал маршал С. К. Тимошенко¹.

Таким образом, оценка Жукова относительно возможности повторения Харькова мая 1942 г. в увеличенном масштабе представляется достаточно обоснованной. Скорее всего, без окружения выдвинутой вперед ударной группировки не обошлось бы. Отметим, кстати, очень тонкий намек, сделанный Жуковым в разговоре с Анфиловым. Он не стал использовать в качестве аналогии окружение главных сил Западного фронта в районе Белостока и Новогрудка.

¹ Как нетрудно догадаться, это аналогия ареста руководства Западного фронта после катастрофы в Белоруссии в реальном 1941 г.

По количеству окруженных оно было вполне сопоставимо с окружением под Харьковом в мае 1942 г. Однако Жуков взял для сравнения именно Харьков, указывая не только на количественную оценку масштабов возможной катастрофы, но и направление, где она произойдет, — Юго-Западный фронт.

Второй раунд. Тень «Барбароссы»

Острый вкус интриги в последующие события добавляет то, что оба противника выйдут из Приграничного сражения недовольные сами собой. Более того, и для Красной армии, и для Вермахта станет холодным душем сила сопротивления противника. «Колосс на глиняных ногах», как его представляли себе немцы, внезапно оказался способен на сильные и энергичные удары. По другую сторону фронта неожиданностью станет эффективность авиации противника и быстрое перемалывание мехкорпусов немецкой обороной и контрударами. Если умеренная эффективность пехоты Красной армии уже стала очевидна советскому руководству в ходе Финской кампании, то противодействие финских ВВС было слабым. Напротив, в столкновении с Германией советские ВВС и наземные войска подвергнутся ударам многочисленного и хорошо подготовленного противника.

Что же станет почвой для продолжения боев? С одной стороны, обе стороны явно не добьются решительного результата, с другой — у них еще останутся силы на продолжение борьбы в летней кампании 1941 г. Отмобилизованные армии сторон, вступившие в бой с соединениями, в штатах военного времени имеют высокий запас прочности. Это не 5—7-тысячные советские дивизии лета 1943 г., быстро терявшие свои ударные возможности. То же самое можно, впрочем, сказать и о шестибатальонных дивизиях Вермахта. Вступив в Приграничное сражение в численности стрелковых дивизий около 14 тыс. человек, Красная

Подбитый и разрушенный взрывом боекомплекта танк ВТ-7. Советские легкие танки обладали низкой живучестью под огнем противотанковой артиллерии. 1941 г.

армия сохранит достаточный наступательный и оборонительный потенциал. Точно так же сохраняют потенциал для обороны и наступления пехотные дивизии противника, вступившие в бой в численности около 16 тыс. человек. Поэтому отражением советского наступления летняя кампания 1941 г. в варианте «Красная армия начинает первой» явно не закончится. При этом на стороне Красной армии будет фронт с нормальными плотностями и дивизии в штатах военного времени. На стороне Вермахта же будет преимущество в выборе направления удара — на быстрое возобновление наступления после цепочки неудач рассчитывать явно не приходится.

В то время как Юго-Западный фронт прорывался к Люблину, его северный сосед пытался взломать оборону противника на варшавском направлении. Однако Западный фронт не преуспел на этом поприще. Взломать немецкую оборону на рубеже Буга севернее Бреста 4-й армии не удалось. Несколько захваченных плацдармов остались изолированными островами, пробиться с которых дальше на Запад не удалось.

Гораздо успешнее для Красной армии развивались события на правом фланге Западного фронта. Совместными усилиями 3-й армии Западного фронта и 11-й армии Северо-Западного фронта удалось срезать сувалкский выступ. Окружения крупных сил немцев не произошло, они своевременно оттянули свои войска из выступа. Однако на общем фоне невыполнения планов первой операции это было несомненным успехом.

Благодаря удаче под Сувалками генерал Павлов не был даже отстранен от командования фронтом. Один из триумфаторов Сувалок — командир 11-го мехкорпуса Д. К. Мостовенко — был назначен командующим конно-механизированной группой из 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов. Командующий 4-й армией Коробков был также отстранен от командования, и его место занял еще один герой сражения за Сувалки — ранее командовавший 3-й армией генерал Кузнецов. В целом, несмотря на скромные результаты наступления, Западный фронт оказался в более выгодном положении. Масштабных маневренных боев в его полосе не было. Поэтому после немецких контрударов сотни танков Западного фронта не остались навечно стоять в полях и на обочинах дорог Генерал-губернаторства. Срезание сувалкского выступа стоило больших потерь, но подбитые танки в итоге остались на контролируемой советскими войсками территории. Большинство подбитых машин, особенно новых типов, было благополучно эвакуировано с поля боя. Исключение составляли только выгоравшие дотла бэтэшки. В ходе оперативной паузы Павловым были предприняты titанические усилия по восстановлению подбитых машин и по обучению экипажей правильному вождению и тактическому применению Т-34 и КВ. Через три недели его конно-механизированная группа практически полностью восстановила силы.

Однако восстановление сил и подготовка к новым боям происходили и по другую сторону фронта. Германское командование решило в несколько измененном виде повторить «Барбароссу». Однако, ввиду неудач на юге, от наступления на Украине было решено отказаться. Группа армий «Юг» пе-

Подбитый и севший на вынужденную посадку «на брюхо» советский бомбардировщик СБ-2

решила к жесткой обороне. В полосе Северо-Западного фронта были сосредоточены две танковые группы — 3-я и 4-я. 2-я танковая группа Гудериана была усилена XXXXVIII моторизованным корпусом из 1-й танковой группы Клейста и сосредоточилась к востоку от Варшавы. Немецкие подбитые танки остались на контролируемой Вермахтом территории, и их восстановление шло достаточно быстро.

Перегруппировка коснулась также воздушных сил. Из 4-го воздушного флота во 2-й воздушный были переданы авиасоединения, действовавшие в полосе Юго-Западного фронта. Теперь почти 1500 немецких самолетов было собраны против Западного фронта. Одновременно немцами была реанимирована идея удара по аэродромам, заложенная в «Барбароссу». Данные высотных разведчиков «команды Ровеля» были существенно уточнены и дополнены в ходе Приграничного сражения. Система базирования авиации Западного фронта была в целом вскрыта. Скрытности первого удара способствовало выдвижение аэродромов вперед, ближе к границе. Это было сделано командующим ВВС ЗФ Коппом на основе опыта Испании. В Приграничном сражении аэродромы Западного

фронта авиаударам практически не подвергались. Главные силы Люфтваффе были задействованы против Юго-Западного фронта и советских войск на поле боя.

Как ни странно, но советскому командованию показали уголок нового плана. В атаках против плацдармов на Буге были задействованы пикировщики и танки с белыми буквами «G» на броне. Удар по плацдарму севернее Бреста был сильным и неожиданным. Быстрый прорыв немецких танков к переправам вслед за шквалом бомб «Штук» заставил спешно эвакуировать плацдарм. Однако до отхода советские части успели не только зафиксировать характерные опознавательные знаки танков противника, но и солдатские книжки вражеских танкистов и пехотинцев. Это подтвердило принадлежность введенных в бой частей к тем же дивизиям, что фиксировались ранее в полосе Юго-Западного фронта. Павлов доказывал, что появление танковых соединений, ранее действовавших против соседнего фронта, однозначно свидетельствует в пользу версии о смене планов противника. Однако Ставка ВГК продолжала считать, что Украина станет главной целью следующего наступления противника. Поэтому усиливались в первую очередь потрепанные дивизии фронта Тимошенко. Выпады против плацдармов на Западном фронте были сочтены отвлекающим маневром.

На аэродромы в белостокском выступе обрушился конвейер ударов немецкой авиации. ВВС Западного фронта оказались не готовы к такому развитию событий. ПВО аэродромов была слабой, самолеты располагались скученно. Все это привело к большим потерям на аэродромах. Люфтваффе в Белоруссии завоевали если не господство, то ощутимое преимущество в воздухе. Мощные удары по войскам Северо-Западного фронта также стали неприятной неожиданностью. Две танковые группы сравнительно быстро пробились через оборону 8-й и 11-й армий и устремились к Западной Двине и Минску. В районе Бреста на укрепления линии Молотова обрушились авиация и тяжелая артиллерия. Буг был преодолен танками подводного хода. Под шквалом ударов оборона по-

трепанной неудачными наступательными боями 4-й армии дрогнула. Тем не менее командарм Кузнецов твердо держал управление войсками в своих руках.

Командующий фронтом Д. Г. Павлов, помня об атаках на плацдармы в районе Бреста, развернул на это направление конно-механизированную группу Мостовенко. Она достаточно успешно сдерживала наступление 2-й танковой группы вдоль шоссе Брест — Минск. Однако глубокий обход войск Западного фронта с севера и уверенное продвижение танков противника к Минску вынуждали думать об отходе. Павлов несколько раз настойчиво требовал разрешить его войскам отход на старую советско-польскую границу. Москва такой отход не разрешала, приказывая держаться любой ценой.

Но не следует думать, что Ставка полностью игнорировала угрозу Белоруссии. С Украины началась перевозка находившихся в резерве армий. Однако промедление с приказом на отход вскоре привело к трагедии. Не добившись успеха в продвижении вдоль Минского шоссе, Гудериан развернул один из своих корпусов от Слонима на север, в междуречье рек Щара и Зельвянка в направлении на Лиду. Это быстро привело к перехвату коммуникаций советских частей, находившихся в белостокском выступе. Павлов немедленно дал приказ на отход. Войскам 13-й и 10-й армий пришлось пробиваться на восток вдоль Немана. Отходящие колонны подвергались непрерывным ударам с воздуха. Отходящие части понесли тяжелые потери, обочины дорог были густо усеяны брошенной и сожженной техникой.

Стремительное развитие событий в Белоруссии заставило Ставку вместо приказов «немедленно восстановить положение» отдать приказ на отвод войск к старой границе. Отошедшие из Белостока остатки 13-й и 10-й армий заняли позиции на Минском УРе. 4-я армия отошла через Барановичи к Слуцкому УРу. Ее отход успешно прикрывала конно-механизированная группа Мостовенко. Армии Западного фронта были усилены за счет переброшенных с Юго-Западного фронта соединений. Немецкие танковые дивизии понесли

чувствительные потери. На фронте вновь наступила пауза. Ставкой ВГК были отданы первые приказы на формирование новых соединений вразрез с довоенным мобилизационным планом.

Оптимальный вариант

Анализ возможных сценариев развития событий неизбежно заставляет задуматься о выборе оптимального варианта. Нельзя сказать, что различные «летние» варианты, т.е. альтернативы, привязанные к маю — июню — июлю 1941 г., внушают оптимизм. Нет, они, конечно, не так плохи, но все равно остается червячок сомнения: «А можно ли добиться лучшего результата?» Если сформулировать искомый ответ в общем виде, то он будет звучать примерно так: лучший для нас вариант — это максимально возможное упреждение Германии в развертывании. Этот тезис быстро приводит нас к зиме 1940/41 г., когда на границе с СССР у Германии было всего 26 дивизий. А почему нет? Красная армия в ходе войны традиционно действовала зимой лучше, чем летом. Крупные успехи, такие, как контрнаступления под Москвой и Сталинградом, Корсунь-Шевченковский «котел» и Висло-Одерская операция, проводились в зимнее время.

Представим себе, какова могла быть цепочка решений, приводящих к этому варианту. Итак, Сталин летом 1940 г., после разгрома Франции и эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, принимает решение атаковать Германию первым в ближайшее время, т.е. зимой 1940/41 г. Советский военный план, т.е. так называемые «Соображения об основах стратегического развертывания», к реальному сентябрю 1940 г. уже существовал. Он уже был подготовлен Б. М. Шапошниковым применительно к новому профилю границы. Этот план был вполне пригоден для ввода в действие для решения политической задачи удара по Германии.

Подбитый и сгоревший (обратите внимание на сгоревшие резиновые бандажы опорных катков) летом 1941 г. танк Т-34

Допустим, решение напасть принято. Последним прощупыванием политической обстановки становится поездка Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Молотов, как известно, вернулся ни с чем. После этого начинается обратный отсчет до начала советского наступления, назначенного на январь 1941 г. Наиболее сложной задачей является отмобилизование войск. Задача в какой-то мере облегчается тем, что летом 1940 г. Красная армия достигает одного из максимумов своей численности на отрезке времени 1939—1941 гг. На 1 июня РККА насчитывала 4 млн человек. Если не проводить демобилизацию после советизации Прибалтики и Бессарабии и Буковины, то можно сохранить некий резерв для проведения мобилизации.

Проведения общей мобилизации с доведением численности Красной армии до 8,6 млн человек в случае проведения операции только против Германии, по большому счету, не требуется. Вполне достаточно отмобилизования западных округов: АрхВО, ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ОрВО, ХВО, СКВО, ПриВО, УрВО. Их численность будет составлять 6 503 223 человека при

общей численности РККА около 8 млн человек. Этого будет вполне достаточно для первого удара, а с началом боевых действий можно будет уже открыто объявлять мобилизацию. Проведение мобилизации до первых выстрелов возможно будет только в скрытом виде, без ее открытого объявления. Частично она может быть прикрыта учебными сборами, проводящимися под лозунгом усвоения опыта, полученного в Финской войне.

Одним из важных преимуществ «зимнего» варианта является снижение эффекта от воздействия Люфтваффе. Реальной зимой 1944/45 г. плохая погода существенно сдерживала активность советской авиации. Поэтому наступление в Восточной Пруссии было не таким успешным, как «Багратион», — разгрома отходящих немецких колонн с воздуха не произошло. В тех реалиях, с которыми пришлось бы столкнуться Красной армии в 1941 г., нелетная погода была бы скорее союзником, нежели противником. Она бы уменьшила эффект от ударов с воздуха по наступающим советским войскам, а также снизила бы темпы выбивания СБ и ДБ-3 в воздушных боях.

Еще одним важным преимуществом наступления в январе-феврале 1941 г. представляется более сбалансированная структура советских танковых войск. Реорганизация с формированием 30 (29) механизированных корпусов началась весной 1941 г. До этого существовали девять мехкорпусов и отдельные танковые бригады, которые могли использоваться для непосредственной поддержки пехоты. Такая структура была более жизнеспособной и, в отсутствие упреждения в мобилизации и развертывании, обеспечила бы лучшую выживаемость танков на поле боя. Практически все Т-26 действовали бы в боевых порядках пехоты, увеличивая ее пробивную силу. Соответственно, по крайней мере восемь механизированных корпусов были бы уже в мирное время достаточно хорошо укомплектованы для действий в качестве самостоятельных соединений.

Здесь самое время задать сакраментальный вопрос: «А как же Т-34 и КВ?» Действительно, к началу 1941 г. их было немного, причем это были машины ранних серий, пораженные «детскими болезнями». Погоды бы они действительно не сделали. Ситуация реального июня 1941 г. была принципиально лучше: новых танков было уже довольно много для влияния на ход боевых действий. Отказываться от такого козыря действительно сложно. Тем не менее у зимнего варианта вполне достаточно достоинств, чтобы ради них пожертвовать полутора тысячами новых танков.

Серьезным преимуществом зимнего наступления является возможность реализации так называемого «северного» варианта стратегического развертывания. Он, напомним, предусматривал сосредоточение основных сил к северу от Бреста и Припятских болот. Авторы советских «Соображений...» справедливо указывали: «Разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Действительно, Восточная Пруссия была осиным гнездом, из которого в реальном 1941 г. наступали две танковые группы, добившиеся наибольших успехов. Поэтому изоляция Восточной Пруссии быстрым ударом действительно серьезно меняла обстановку на советско-германском фронте. Кроме того, «северный» вариант был более быстрым, для него быстрее собиралась группировка войск ввиду лучшего развития дорожной сети на Западном направлении.

В этом случае возможно повторение (в некоторой степени) Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций 1945 г. После первой схватки наступило бы традиционное затишье на период весенней распутицы. Следующая проба сил последовала бы в начале лета. Тогда бы и понадобились полторы тысячи КВ и Т-34.

Некоторые выводы

Вариант «мы в 1941 г. мобилизуемся, развертываемся и бьем первыми» представляется куда более выигрышным, нежели реальное лето 1941 г. Хорошо известные сегодня и даже очевидные недостатки Красной армии, разумеется, оказывали бы свое влияние на ход боевых действий. Однако в условиях нормальных плотностей построения войск (близких к уставным) и своевременном отмобилизовании армии ситуация выглядит гораздо лучше реального лета 1941 г. Громких успехов от Красной армии ожидать не приходится, однако была бы сохранена территория, спасена от эвакуации промышленность, да и потери людей и техники были бы заметно меньше.

ИСКУССТВО НЕ БЫТЬ ВАРРОНОМ

Помимо карфагенского полководца Ганнибала к разгрому, произошедшему в 216 г. до н.э. у города Канны, в немалой степени приложил руку его оппонент — консул Гай Теренций Варрон. Именно он двинул свою пехоту вперед и подставил фланги под два охватывающих удара, приведших к окружению и разгрому. В последующие столетия Канны стали именем нарицательным и повторялись неоднократно. Почти всегда помимо своего «ганнибала» находился свой «варрон». На всякий случай подчеркну — «почти всегда». Далеко не всякое сражение на окружение развивалось строго по сценарию Канн. Можно привести немало примеров, когда окружаемый делал все, чтобы избежать мышеловки, но становился жертвой непреодолимой силы обстоятельств. Однако список сражений, в которых одна из сторон «проварронила» фланговые удары противника, оказывается куда длиннее.

Во Французской кампании 1940 г. «варроном» стал французский главнокомандующий Гамелен. Именно он загнал крупные силы союзников в Бельгию, на рубеж реки Диль. Причем в Бельгию была брошена даже 7-я французская армия, которая первоначально должна была находиться в резерве в тылу. Причем не просто в тылу, а на пути спланированного немцами наступления через Арденны к Ла-Маншу. Французское командование и сам Гамелен ни сном ни духом не предполагали, что через лесистые Арденны будет нанесен мощный удар танковой группой.

Поэтому 7-я армия с легким сердцем была отправлена в Бельгию. Когда кампания началась, союзники, словно загипнотизированные, сами направились в ловушку, к реке Диль. Немецкие танки прорывались через Арденны в обход фланга и тыла войск союзников в Бельгии. Французская армия была разгромлена за несколько недель.

Под Харьковом в мае 1942 г. командование Юго-Западного фронта до последнего момента держало в резерве свой главный козырь — танковые корпуса. Они не участвовали в боевых действиях на начальном этапе сражения, хотя их своевременный ввод мог качнуть чашу весов битвы в пользу советских войск. Они были брошены в бой только тогда, когда наступление почти выдохлось. Два танковых корпуса были направлены в обход Харькова с юга, в то время как у них в тылу, в основании барвенковского выступа, начала наступать танковая группа Клейста. Они могли стать спасительным резервом в руках Тимошенко, но оба корпуса уже ввязались в бой под Харьковом. Их вывод из боя запоздал, и командование Юго-Западного фронта стало коллективным «варроном».

Такие примеры можно множить. Объединяет их одно: действия одной из сторон вольно или невольно облегчают задачу другой. Если бы Гамелен просто оставил подчиненные ему армии на границах Франции, если бы 7-я армия осталась в резерве, результат кампании 1940 г. мог быть совсем иным. Если бы танковые корпуса ЮЗФ остались в тылу, в резерве, их можно было бросить в бой против группы Клейста. Дивизии Клейста были изрядно измотаны зимней кампанией 1941/42 г., два танковых корпуса могли стать для них серьезным препятствием.

Задачу настоящего исследования можно сформулировать кратко: как не быть Гаем Теренцием Варроном? Проще говоря, как создать выполнению немецких планов максимально возможное количество препятствий. Длительные размышления о закономерностях развития событий реального 1941 г. привели меня к выводу, что радикально

«Проварронили». Брошенные в кювет горы снаряжения перед капитуляцией под Дюнкерком стали одним из символов провала французской военной машины в 1940 г.

изменить результат сражения в том положении войск, которое имелося на 22 июня 1941 г., практически нереально. То есть можно добиться частных успехов на отдельных направлениях, но общая обстановка все равно будет крайне неблагоприятной для Красной армии. Поэтому наиболее перспективным является корректировка принятого курса за несколько дней или даже недель до начала «Барбароссы». Также хотелось бы уйти от очевидного послезнания, т.е. принятия решений с использованием знаний о реальных направлениях ударов противника, распределения сил немцев по фронту и т. п. вещей.

Смена всей стратегии Красной армии и ее командного состава — это очевидная утопия, возможная только на страницах художественной литературы про «попаданцев» в прошлое. Нужно отдавать себе отчет, что есть определенные разумные пределы любых изменений. Без накопления боевого опыта многие решения попросту нереализуемы. Так, например, глупо предлагать в апреле 1941 г. формирование воздушных армий. Чтобы прийти к этой идее, советскому командованию нужно было набить шишки в летней 1941 г. и зимней 1941/42 г. кампаниях. Столь же бессмысленны какие-либо реформы политической системы без объективных к тому предпосылок. «Отпустить из лагерей всех осужденных по 58-й статье и объявить об отмене колхозов» — это идея в некоторой степени заманчивая. Однако ее военный эффект будет скорее всего околонулевой, а политический эффект — более чем сомнительный. Хочется найти решение с минимальными изменениями того положения, которое было в реальном июне 1941 г. Одним словом, реалистичный вариант радикального изменения хода летней кампании.

Что же могло стать толчком для принятия необходимых мер перед лицом германского нападения? Допустим, что советское высшее военное руководство прислушалось к предупреждению В. И. Тупикова, которое он подкрепил пространной аналитической запиской в апреле 1941 г.

Брошенный в районе Харькова танк Т-34 из танкового корпуса (см. надпись W12-KC на башне). Май 1942 г. Несвоевременный ввод в бой танковых корпусов стал одной из причин харьковской катастрофы

Советский военный атташе в Берлине написал: «Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года». Подготовка к нападению немцев «в пределах текущего года» могла внести несколько существенных коррективов в советское военное строительство. Тупиков направил свою аналитическую записку в Москву 25—26 апреля 1941 г. Соответственно в начале мая, после анализа других разведданных, мог быть дан старт мероприятиям по приведению Красной армии в повышенную боевую готовность.

Итак, 1 мая 1941 г. на Красной площади состоялся традиционный парад войск, 5 мая Сталин выступил перед выпускниками военных академий. До начала войны остается меньше двух месяцев. Что можно успеть сделать за эти несколько недель? При планировании летней кампании 1941 г. «за РККА» у многих сразу же возникает искушение отнестись назад рубеж развертывания. Чаще всего в качестве такого рубежа предлагается линия старой (1939 года) границы. Действительно, расстояние, на которое в этом слу-

чае потребуется везти войска внутренних округов, будет заметно меньше. Соответственно на выдвижение армий из САВО, ПриВО, УрВО, ОрВО потребуется меньше времени. Напротив, теоретически противнику придется затратить немалое время на преодоление пространства между новой и старой границами.

Кроме того, выбор в качестве рубежа развертывания войск на линии старой границы развязывал советскому командованию руки в таких вопросах, как занятие укреплений и их подготовка к боям. Занятие позиций непосредственно на границе сравнительно крупными массами войск неизбежно привело бы к разного рода инцидентам со стрельбой. Этот вопрос мы еще обсудим ниже. В случае же заполнения УРов линии Сталина в 300 км от границы инциденты практически исключены. Перестреливаться попросту не с кем. Случайные же выстрелы в глубине своей территории никому досаждать не будут. К тому же противник, возможно, останется в неведении относительно занятия оборонительных сооружений в глубине страны. Точнее, эта информация поступит к нему с некоторым опозданием.

С началом военных действий на старой границе собираются армии особых, внутренних округов, а в пространстве между старой и новой границей ведутся сдерживающие действия. К моменту, когда противник подойдет к старой границе, на ней теоретически уже может быть образован сплошной фронт с достаточной плотностью построения войск. Одним словом, идея отнесения рубежа развертывания в тыл выглядит весьма заманчивой. Однако относительно этого плана есть мнение авторитетного советского штабиста М. В. Захарова. Позволю себе привести пространную цитату, тем более что она содержит исторические примеры:

«Целесообразно хотя бы коротко остановиться еще на одном плане обороны страны, выдвинутом накануне войны якобы Б. М. Шапошниковым.

В полете МиГ-3 15-й авиадивизии. Летом 1941 г. советские летчики использовали устаревшее построение звеньями из трех самолетов

Суть этого плана (как это трактуется в некоторых военно-исторических и мемуарных трудах) заключается в том, что основные силы приграничных округов рекомендовалось держать на старой государственной границе за линией укрепленных районов. На новую границу предлагалось выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. По мнению некоторых авторов, наше командование, отвергнув такой план, совершило чуть ли не роковую ошибку.

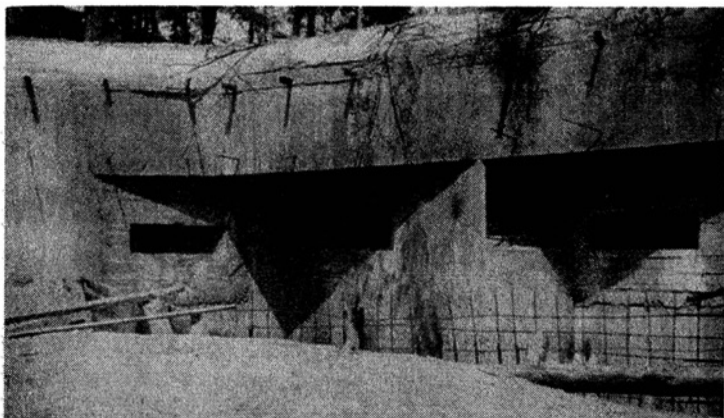
Достоверность выдвинутого плана выглядит по меньшей мере просто-напросто надуманной, сомнительной гипотезой. Чтобы установить всю несостоятельность и нереальность его основных стратегических положений, не потребуется глубокого анализа.

В военной истории уже имели место подобные прецеденты. Накануне Отечественной войны 1812 года прусский авантюрист генерал Фуль пытался навязать русскому царю Александру I нечто подобное для обороны русского государства от наполеоновского нашествия. По его мысли,

армия Барклая де Толли должна была, медленно отойдя за реку Западная Двина, обороняться, опираясь на укрепленные позиции Дрисского лагеря, а армия Багратиона, маневрируя и нанося короткие удары, должна была изматывать противника на обширных пространствах между границей и полосой укреплений. Приведенный план еще в начале XIX века представлял собой обветшалый курьез, взятый из эпохи наемных, вербовочных армий с магазинной системой снабжения.

Не менее печальный пример «маневренной» обороны можно привести из Первой мировой войны. Оборона на реке Марна была поручена немецким войскам генерала Марвица. Последний решил оборону осуществить на свой манер. Выставив наблюдение и небольшое прикрытие вдоль реки, он сосредоточил остальные силы в стратегическом резерве за линией укреплений. Когда англичане и французы начали переправу на северный берег Марны, то они почти не встретили никакого сопротивления. Проведенные в последующем немецкие контратаки не могли остановить англо-французского наступления. Такая «дубовая активность» немецкого генерала стала причиной серьезной неудачи.

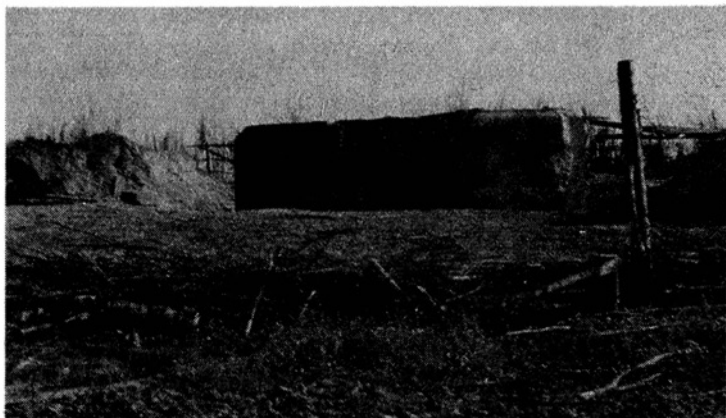
По плану, автором которого якобы являлся Б. М. Шапошников, выходило, что часть территории советских республик, расположенной от Балтики до Карпат и от Западного Буга до 27-го меридиана (глубиной более 300 км), должна была стать чем-то вроде гигантского предполья, зоны заграждения. Эта территория неизбежно была бы утрачена почти без серьезного сопротивления, она обрекалась на захват противником без упорной и ожесточенной борьбы. Войска прикрытия, состоящие преимущественно из танковых и механизированных войск, без поддержки сильных групп пехоты и авиации неминуемо в неравной схватке были бы уничтожены. Красная Армия в короткий срок лишалась наиболее мощных ударных средств и оказалась бы в очень тяжелом и опасном положении.

Недостроенный ДОТ Рава-Русского укрепрайона (УРа). В июне 1941 г. даже недостроенные ДОТы принимали бой. Проблемой было отсутствие полевого заполнения УРов

Нет никакого сомнения, что существо разбираемого плана выглядит стратегической нелепостью. Такие предложения не могли исходить от Б. М. Шапошникова, который глубоко знал характер современной борьбы, владел обширными знаниями в области военной истории, имел крупные военно-исторические исследования, являлся автором ряда оригинальных планов стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в различных международных условиях нашей страны...»

Заметим также, что некие сдерживающие действия были запланированы бельгийцами в Арденнах в 1940 г. Однако нацеленность именно на сдерживание, т.е. на временную остановку противника на нескольких заранее определенных рубежах, сыграла тогда злую шутку с союзниками. Отходившие после коротких стычек с немцами бельгийские части фактически образовали вакуум в Арденнах. Именно это ограниченное сопротивление позволило танковой группе Клейста пробиться к Седану через труднопроходимые Арденны.

ДОТ на линии новой границы. Это так называемый полукапонир: к противнику обращена глухая стена (правая часть ДОТа-амбразуры ведет косоприцельный огонь во фланг наступающему врагу)

Еще одним примером являются действия передовых отрядов Сталинградского фронта в июле 1941 г. Командованием фронта были созданы достаточно сильные передовые отряды, которые выдвинулись навстречу 6-й армии Паулюса. Благодаря близости танкового завода в Сталинграде 62-я армия получила несколько отдельных танковых батальонов. Эти батальоны были использованы для формирования передовых отрядов. Однако ядро передовых отрядов было пехотным, и в итоге их попытки сдержать наступление немцев провалились. Сама идея формирования этих отрядов была позднее признана далеко не самым удачным решением командования Сталинградского фронта.

Главной сложностью в реализации плана отнесения развертывания в глубину страны является сама техника сдерживания противника в пространстве между старой и новой границами. К разбросанным по дорогам небольшим отрядам предъявляются весьма высокие требования. Они должны точно оценивать момент для взрыва мостов и отхода. Очень сложной и труднореализуемой является

Сгоревший на летном поле от ударов с воздуха истребитель И-153. Отсутствие капониров отрицательно сказалось на выживаемости советской авиации летом 1941 г.

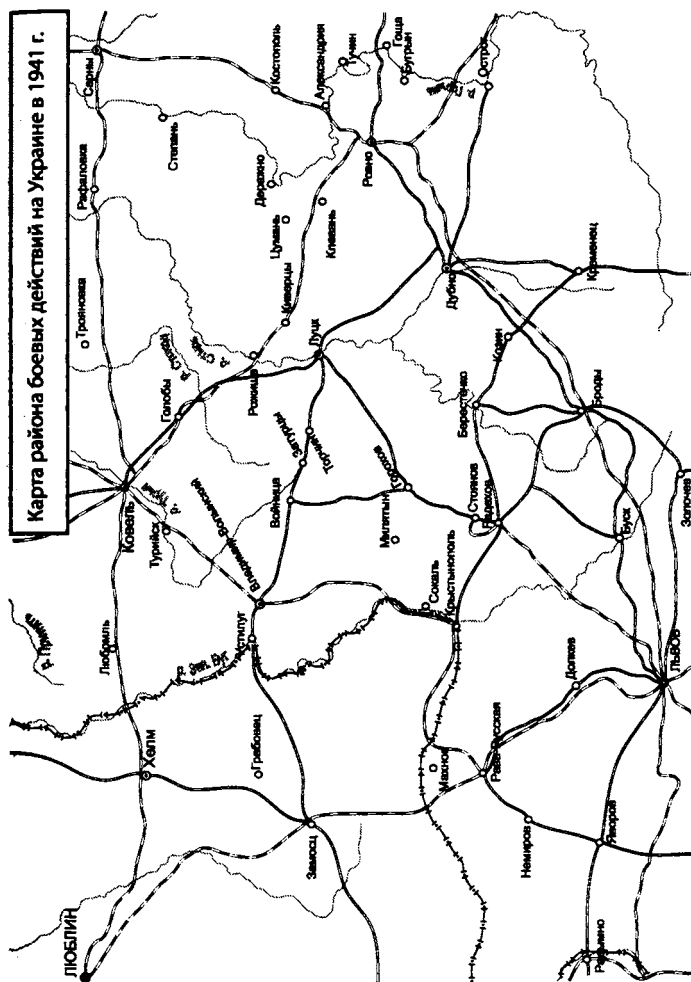
задача обеспечения отрядов полноценной связью друг с другом и командованием. Использование в качестве сдерживающих отрядов частей подвижных соединений будет бессмысленным разбазариванием ценнейшего ресурса. «Разбазариванием» оно будет, поскольку отряды будут вынуждены вести боевые действия в условиях численного перевеса противника и его господства в воздухе.

Если же использовать в качестве сдерживающих отрядов пехоту, то она будет просто обойдена и окружена подвижными частями противника. Немецкие моторизованные части в одном месте быстро сломают сопротивление сил сдерживания, вырвутся вперед и маневром в сторону флангов перехватят пути отхода остальных пехотных отрядов. Соответственно, сдерживание противника силами отрядов пехоты закончится уже на первых 50 км пространства между старой и новой границами. Оставшиеся 250 км будут преодолеваться немцами уже в маршевых колоннах, а то и в железнодорожных эшелонах.

Наконец, отнесение рубежа развертывания к старой границе обрекает войска на занятие устаревшей линии

Сталина. За оставшиеся от предупреждения Тупикова до начала войны два месяца радикально улучшить УРы линии Сталина практически нереально. Сооружения этих УРов постройки конца 1920-х и начала 1930-х гг. по своей устойчивости к артиллерийскому огню оставляли желать много лучшего. К тому же сама линия Сталина имела обширные «окна» в виде недостроенных УРов, а также простых пропусков между ними. Одним словом, рубеж старой границы не дает желаемого преимущества. Немцы могут проскочить пространство между старой и новой границами в маршевых колоннах и с ходу атаковать заранее нам неизвестную точку на линии Сталина. Учитывая посредственное качество сооружений, у немецких танковых соединений будут все шансы взломать советскую оборону с ходу. Для этого будут привлечены как тяжелые орудия калибра 210—240 мм, подтянутые скоростными тягачами, так и штурмовые группы пехоты. Практика штурма бетонных ДОТов в районе Седана 13 мая 1940 г. показала, что немцы способны преодолевать УРы силами подвижных соединений.

Попробуем просчитать сценарий развития событий с отнесением развертывания в глубину. Упреждение в развертывании все равно будет иметь место. В гигантском предполье между старой и новой границами сопротивление продвижению немецких танковых соединений будет куда меньшим, чем в реальности. Просто потому, что войск в расчете на полки и батальоны там будет меньше. Соответственно, расстояние в 300 км может быть покрыто максимум за трое-четверо суток. Причем в отличие от Седана в 1940 г. немецкие моторизованные корпуса смогут выйти к линии Сталина сразу в нескольких точках. После прорыва через УРы немецкие танковые дивизии развернутся в сторону флангов, и если даже не захватят оставшуюся часть УРов, то по крайней мере изолируют их от занятия войсками. То есть рубеж укрепрайонов будет потерян до подхода армий внутренних округов. Причем эта

потеря не даст никакого существенного выигрыша. Если в реальном 1941 г. немецкие пехотные дивизии были вынуждены преодолевать расстояние от новой до старой границы пешим маршем, то при отнесении развертывания в глубину они будут от этого утомительного похода избавлены. Как, впрочем, они будут избавлены от напряженных боев с армиями прикрытия, которые им пришлось пережить в реальности. Армейские корпуса Вермахта будут просто подвозиться по железной дороге и выгружаться на станциях прямо на подступах к линии Сталина. Полностью прекратить хозяйственную деятельность на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Прибалтики будет невозможно. Соответственно, парк паровозов и вагонов останется на этих территориях и будет захвачен противником. В условиях полного господства в воздухе немцам не составит труда разрушением путей предотвратить увод паровозного и вагонного парка. В итоге немецкие пехотные дивизии при минимальных пеших перемещениях будут пересаживаться из эшелонов в эшелоны и двигаться по железной дороге к линии Сталина.

Наихудшим вариантом развития событий будет восстание националистов на присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. территориях. В наибольшей степени эта опасность угрожает плану отнесения развертывания на старую границу в Украине и Прибалтике. Достаточно вспомнить события в Львове в июне 1941 г. в последние дни перед его захватом немцами. Прохождение через Львов маршевых колонн 8-го механизированного корпуса было воспринято местными националистами как отход Красной армии, и в городе начались волнения. Хотя 8-й мехкорпус попросту перебрасывался через Львов в район Бродов для контрудара. В итоге советским войскам пришлось, помимо боев с наступающими немцами, вести уличные бои с националистами и отвлекать на это какие-то силы. Собственно, наличие войск на приобретенных территориях это еще и гарантия их удержания в случае неожиданностей.

Горящая деревня. Смерть и разрушение были неизменными спутниками военных действий

Если на них остаются только отряды сдерживания, то непонятно, что будет с местной партийной и советской элитой, а также со сторонниками советской власти на новых территориях. Они будут спешно эвакуироваться? Их оставят на произвол судьбы? Вообще, создание «чемоданных настроений» может крайне неблагоприятно сказаться на политической обстановке в западных областях. Незначительные по своей численности отряды прикрытия просто не смогут уверенно контролировать большую территорию. Соответственно, инспирированный извне или даже стихийный мятеж националистов может привести к быстрой утрате большой территории.

Вспыхнувший в нескольких точках мятеж попросту свяжет отряды прикрытия, и ввод немецких войск на охваченную мятежом территорию пройдет в тепличных условиях. Непонятно также, что делать главным силам Красной армии в такой ситуации. Наиболее логичный вариант — это попытаться подавить мятеж вводом подвижных соединений. Однако в этом случае они могут попасть в ловушку. Немецкие танковые группы и полевые армии,

введенные в восставшие области, попросту разобьют выброшенные вперед от линии Сталина без всякой поддержки механизированные корпуса. Ни о какой эвакуации подбитой техники речи в таком сценарии быть не может. Вся инфраструктура из пространства между старой и новой границами отнесена назад. Поэтому даже танки с мелкими поломками и повреждениями, часть которых в реальном 1941 г. все же уехала на заводы на ремонт, будет брошена. Соответственно, ценнейший ресурс будет потрачен понапрасну. Оставшаяся без подвижных резервов оборона будет менее устойчивой и уязвимой для ударов танковых групп. Это, собственно, показали события осени 1941 г. — Вязьма и Брянск.

Одним словом, идея отнесения рубежа развертывания на старую границу при ближайшем рассмотрении оказывается не так хороша, как она казалась поначалу. Кроме того, если мы отсчитываем наши мероприятия от начала мая 1941 г., поспешная реализация этого плана практически невозможна. Начнем с того, что потребуются вывозить склады боеприпасов и топлива из особых округов за линию Сталина. Сам по себе отвод массы войск будет мероприятием трудным и затратным даже без воздействия противника. Еще хуже, если война застанет войска на марше. У немцев будут все шансы опередить стрелковые соединения в беге к линии Сталина и даже отрезать их от нее. Использование мехкорпусов в качестве арьергарда такого отхода также приведет их к большим и напрасным потерям. То есть опять же нам это грозит потерей сильного козыря. Мехкорпуса это не та вещь, которой можно разбрасываться.

Не следует думать, что отнесение рубежа развертывания в глубь страны является единственным вариантом его ускорения. «Домашней заготовкой» советского Генерального штаба было выдвижение армий внутренних округов на рубеж рек Западная Двина и Днепр. Развитие дорожной сети в европейской части СССР существенно уступало та-

ковому у противника. Германия могла перебрасывать на границу Генерал-губернаторства банально больше эшелонов в сутки, чем СССР. С рубежа Западной Двины и Днестра армии внутренних округов находились достаточно далеко от границы, чтобы не быть замеченными противником, но одновременно могли быть подтянуты к ней за меньшее время, чем из своих округов. Нужно быть реалистами: вряд ли Красной армии удастся полностью избежать упреждения в развертывании. Однако «градус» этого упреждения будет существенно ниже. Соответственно, соотношение сил в первых боях будет более благоприятным для армий особых округов. В свою очередь, армии внутренних округов смогут принять участие в Приграничном сражении. У них будут все шансы столкнуться с прорвавшимися вперед танковыми соединениями немцев. Кроме того, сосредоточение армий внутренних округов будет происходить без воздействия авиации противника, как это было в реальном 1941 г.

Что нам позволит понизить «градус» упреждения в развертывании? Раннее осознание той мысли, что война может начаться уже в 1941 г., должно привести и привело бы к ускорению событий. Так, широко известный дипломатический демарш — сообщение ТАСС от 14 июня — появился бы на свет раньше. Скорее всего, это произошло бы в первых числах июня 1941 г. Соответственно, гробовое молчание в ответ привело бы к тем же мерам, что и в действительности, т.е. к приказам на выдвижение «глубинных» корпусов к границе и армий внутренних округов — на рубеж Западной Двины и Днестра. Более ранний старт этих перемещений войск привел бы к тому, что они бы успели выйти в назначенные районы до начала боевых действий, т.е. до 22 июня 1941 г. Соответственно, «глубинные» корпуса к 20—21 июня 1941 г. сосредоточились бы в лесах недалеко от границы, а армии внутренних округов — под Полоцком, Витебском, Оршей, Киевом и Житомиром. Более того, общее ускорение событий привело бы к тому, что по

Расчет 37-мм противотанковой пушки ПАК-35/36 за работой.
Эти орудия успешно справлялись с советскими легкими танками

мере нарастания угрозы были бы приняты дополнительные меры, такие, как скрытая мобилизация и подготовка к отправке пополнения для армий внутренних округов и «глубинных» корпусов. В реальности они отправились на запад в штатах мирного времени, и процесс их нормального отмобилизования был безнадежно сорван. В случае смещения событий на более ранние сроки возможно будет пополнить выдвигаемые на запад соединения.

Помимо необходимых мер по уменьшению «градуса» упреждения в развертывании необходим комплекс мер по улучшению условий вступления в бой приграничных армий. Важнейшей задачей является вывод из-под сокрушительного удара противника авиации приграничных округов. К строительству бетонных взлетных полос в особых округах приступили с большим опозданием. Поэтому в мае 1941 г. было еще не поздно его остановить. Точнее, даже не приступать к этому строительству. Собранную для модернизации аэродромов технику можно было бы использовать для решения другой, куда более актуальной для лета 1941 г. задачи. Она могла быть задействована для

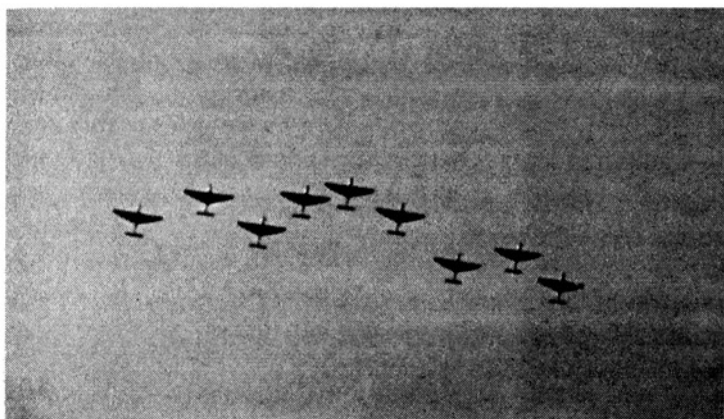
Подбитый и сгоревший советский танк Т-26. Лето 1941 г.

строительства капониров для самолетов на существующих авиабазах. Тем самым решались бы сразу две задачи: сохранение аэродромов для маневра и увеличение их устойчивости к ударам с воздуха. Вместо того чтобы превращать в котлованы взлетные полосы, рабочие бы создавали обвалованные капониры для самолетов, в первую очередь новых типов. За те полтора месяца, что оставались до начала войны, могло быть сделано многое.

Почему же просто не рассредоточить авиаполки по полевым площадкам? Самолет, даже поршневой выпуска 1941 г., это не автомобиль «Жигули». Ему нужен сжатый воздух высокого давления, специальные бензозаправщики и вообще квалифицированное и качественное техническое обслуживание. Кроме того, ему нужны тонны высококачественного горючего. Поэтому растаскивание самолетов по полевым площадкам не даст нужного эффекта. Напротив, несколько благоустроенных авиабаз с капонирями и запасами топлива и боеприпасов позволят сохранить и эффективно использовать самолеты даже под градом воздушных ударов.

Целесообразным также представляется «перетягивание» авиасоединений из КОВО в ЗапОВО. Наиболее подходящим кандидатом для этого является 17-я авиадивизия, дислоцировавшаяся в районе Староконстантинова и Проскурова, довольно далеко от границы. К реальному 22 июня 1941 г. она насчитывала 217 самолетов, в том числе 64 новейших Як-1 и 34 Пе-2. Остальной парк дивизии составляли СБ и И-153. Ее рокировка в район Барановичи, Минск и подчинение непосредственно штабу ЗапОВО дала бы Павлову сильный инструмент для влияния на обстановку в воздухе. Для ее размещения даже не потребует-ся существенно «уплотнять» уже имевшиеся в составе ВВС ЗапОВО авиаполки. Для 17-й авиадивизии есть реально незанятые на 22 июня аэродромы — Лошица (под Минском), Сенча, Жабчицы. У этой авиадивизии есть также еще одно важное достоинство: часть ее самолетов могла бы достаточно уверенно летать над шоссе Брест — Минск и проводить разведку обстановки на этой магистрали. Подчинение же авиасоединения непосредственно Павлову (точнее, Копцу) делает максимально коротким плечо прохождения информации от летчиков в штаб фронта. К тому же полк «Чаяк» в Лошице мог хотя бы в некоторой степени обезопасить Минск от ударов с воздуха.

Аналогично тому, как рокировались из КОВО в ЗапОВО авиасоединения, имеет смысл «перетянуть» в Белоруссию мехсоединения. Изъять у КОВО возможно было 15-й мехкорпус, подчинявшийся непосредственно штабу округа и находившийся в резерве. В отличие от других мехкорпусов окружного подчинения, он был неплохо укомплектован. Однако моторизованная дивизия 15-го мехкорпуса была вовсе не боеспособной, почти не имела автомашин и была недавно сформирована. Поэтому для переброски под Ковель и далее под Брест выбираются только 10-я и 37-я танковые дивизии. Для управления ими задействуется штаб 9-го мехкорпуса К. К. Рокоссовского вместе со 131-й моторизованной дивизией этого же корпуса. Мото-

В воздухе строй немецких бомбардировщиков Ю-87.
Если истребители перешли на построение парами,
то бомбардировщики противоборствующих сторон
продолжали летать тройками

ризованная дивизия формировалась еще в 1940 г. и укомплектована лучше «двухсотых» дивизий, появившихся на свет только весной 1941 г. Соответственно, управление 15-го мехкорпуса принимало две неукомплектованные танковые дивизии из корпуса Рокоссовского. В таком виде корпус Карпезо уже не мог выполнять роль резерва фронтового командования. Вместо резко деградировавшего 15-го мехкорпуса в резерв КОВО выводится 8-й мехкорпус Д. И. Рябышева, передислоцируемый в район Бродов. 26-я армия под Перемышлем, которой ранее подчинялся 8-й мехкорпус, в грядущем оборонительном сражении была на одном из самых спокойных участков, мехкорпус был ей не нужен.

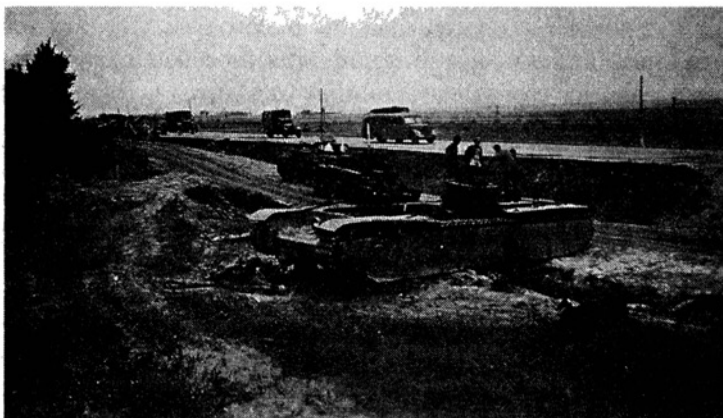
Созданный путем перераспределения дивизий новый 9-й мехкорпус Рокоссовского выдвигался в район Ковеля и Пинска, на границу двух округов. Корпус выводят из подчинения штаба КОВО, и он становится Резервом Верховного командования. Решение о его передаче с началом войны Западному или Юго-Западному фронту определя-

ется обстановкой. Поскольку у нового 9-го мехкорпуса уже немало танков Т-34 и КВ, он лихорадочно доукомплектовывается автомашинами и тракторами из свежего выпуска промышленности. Все танки Т-34 и так уже шли на укомплектование мехкорпусов ЗапОВО.

Как нетрудно заметить, фактически центр тяжести советской группировки несколько смещается к северу. В этой связи может возникнуть искушение сместить в полосу ПрибОВО сильнейший корпус ЗапОВО — 6-й мехкорпус. Он мог стать серьезным аргументом против наступления 3-й танковой группы в полосе 11-й армии. Однако при всей заманчивости этого решения оно вряд ли было принято реальным командованием Красной армии. Сосредоточение усилий противника в Прибалтике (напомню: ПрибОВО 22 июня был атакован сразу двумя танковыми группами) все же было неожиданностью.

Еще одним козырем, заслуживающим серьезного розыгрыша, являются приграничные укрепления. Как показала практика реального июня 1941 г., укрепления так называемой линии Молотова, даже без полевого заполнения, заставили немцев повозиться. Имелись даже случаи, когда обычные пехотные дивизии, без соответствующего усиления специально подготовленными саперными частями, терпели неудачу в атаках на УРы. Это 75-я и 44-я пехотные дивизии 6-й армии Рейхенау на Украине. При наличии полевого заполнения приграничные УРы смогут задержать врага большее время и нанесут ему большие потери, чем в реальности. Даже если плотность заполнения УРа будет пропорциональна реальной плотности построения армий прикрытия, т.е. от 20 до 30 км на дивизию.

Самой серьезной проблемой тут является само по себе заполнение сооружений и позиций непосредственно на границе большой массой вооруженных людей. Даже в реальных мае-июне 1941 г., т.е. при мизерных силах собственноручно в УРах, на границе происходили инциденты со стрельбой. Разгильдяйство, обычное для массовой армии,

Разрушенный внутренним взрывом танк Т-35. Реальным летом 1941 г. только малая часть этих танков была потеряна в бою

здесь может иметь самые печальные последствия. К тому же само по себе длительное сидение в окопах в мирное время утомляет личный состав и ухудшает условия для боевой подготовки. То, что в особых округах до последнего момента не занимали позиции, имело под собой вполне рациональные объяснения. Любой инцидент мог быть использован противником как *casus belli* — повод для войны.

Фактически любое планирование усиления обороны границы оказывается между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, держать сколь-нибудь крупные массы войск в окопах на границе — дело крайне опасное с точки зрения возможных *casus belli* и вообще любых инцидентов. Если принимаются срочные меры для усиления обороны страны, то инциденты на границе и начало боевых действий раньше определенного срока крайне нежелательны. С другой стороны, усиление обороны по линии границы в преддверии войны — настоятельная необходимость. Здесь возможен компромиссный вариант.

Закljučается компромисс в следующем. От каждого полка дивизии армий прикрытия в особьих округах на позициях на границе постоянно находится только один стрелковый батальон. Более того, позиции эти опираются на ДОТы в некотором отдалении от границы. Чтобы сохранить темп боевой подготовки, происходит ротация батальонов. Дежурство на границе сменяется выводом в тыл, позиции занимает другой батальон того же полка. И так по кругу, сменяя друг друга. Еще один батальон находится в постоянной готовности к переброске на границу на автотранспорте. То есть окружные автобаты выделяют автомашины для перевозки такого батальона к границе по тревоге. В некоторых случаях для этого можно задействовать автомашины мехсоединений. Некоторую неразбериху может создать смена подразделений на позициях с подходом второго батальона. Но этот момент можно отработать на нескольких учениях. Сами мехсоединения готовить для такой задачи не имеет смысла — они еще пригодятся для маневренного сражения. Вводить их сразу в статичную оборону не имеет смысла.

Артиллерия используется схожим образом. Как известно, в советской стрелковой дивизии 1941 г. было два артполка. Один был на гужевой тяге, второй — на механической тяге. Соответственно запрашивается следующий план. Один дивизион артполка гужевой тяги постоянно находится на границе, два других — занимаются боевой подготовкой. Полк на механической тяге постоянно оттянут от границы, но для него уже подготовлены позиции. По тревоге он на них выдвигается, причем достаточно быстро, за счет механической тяги. Оставшихся два дивизиона гужевой тяги по тревоге подтягиваются к границе своим ходом.

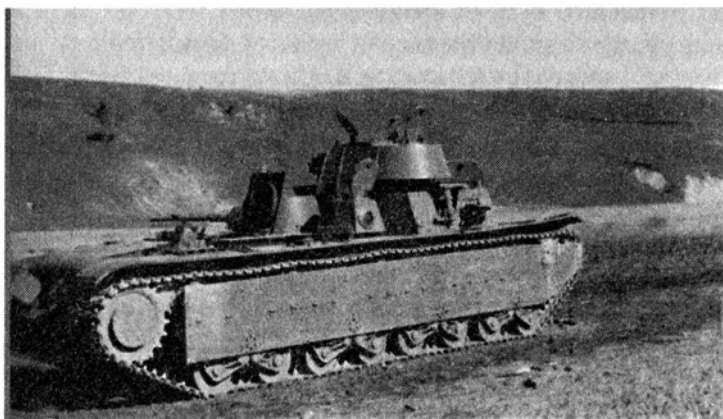
Также следует признать факт растаскивания некомплектных мехкорпусов для непосредственной поддержки пехоты. Перед лицом надвигающейся войны этот процесс можно несколько упорядочить. То есть заранее выделить

по батальону Т-26 из формирующегося мехкорпуса для поддержки каждой стрелковой дивизии армий прикрытия. Вместе с арtpолками на мехтяге они по тревоге смогут быстро выдвинуться к границе и существенно усилить оборону УРа.

Таким образом, еще до начала войны УРы оказываются частично заполнены за счет дежурных батальонов и арtdивизионов гужевой тяги. По тревоге за несколько часов они могут быть усилены вдвое по пехоте, еще одним батальоном, перевозимым на автомашинах. Столь же быстро к границе подтягивается арtpолк на механической тяге. Наконец, третий батальон полков приграничных дивизий по тревоге выдвигается к границе пешим маршем. За ним следуют оставшиеся арtdивизионы гужевой тяги. Соответственно, грузовики после перевозки назначенных батальонов возвращаются в подчинение окружного (фронтowego) командования или в мехсоединение, из которого были изъяты. Конечно, здесь имеется риск подставить ценные автомашины под удар авиации противника. Но в данном случае риск оправдан: повышается эффективность использования свежестроенных ДОТов. Соответственно, приграничные ДОТы своим сопротивлением дадут пехотинцам время занять окопы в системе обороны УРа в некотором отдалении от границы. Имея поддержку артиллерии и танков, стрелковые батальоны армий прикрытия смогут дорого продать свою жизнь.

Разумеется, радикально решить проблему прочной обороны линии границы вряд ли получится. Плотность 20—30 км на дивизию, даже с учетом опоры на УР, отнюдь не гарантирует прочной обороны. На направлениях главных ударов она, безусловно, будет взломана. Однако произойдет это медленнее, чем в реальности. В 1941 г. время было важнейшим ресурсом. Чтобы не быть Варроном, нужно отбирать у врага где час, где сутки, а где и неделю.

Несмотря на общую тенденцию накопления войск на границе, однозначно необходимой мерой является вывод

Брошенный на дороге танк Т-35. Основная масса этих пятибашенных гигантов стала жертвой технических неисправностей

войск из Брестской крепости. Она стала ловушкой для частей 6-й и 42-й дивизий, которые были бы куда полезнее на позициях вне крепости, т.е. на пути танков Гудериана. То же самое относится к 22-й танковой дивизии, чьи казармы оказались в пределах досягаемости немецких орудий с западного берега Буга. За месяц или два до войны большинство этих частей можно и нужно вывести из крепости в глубину. В Брестской крепости достаточно оставить тот батальон, который ей предназначался по плану прикрытия. Остальные части необходимо вывести и использовать по общей схеме, т.е. один батальон на позициях на границе, второй — в готовности к перевозке автомашинами, третий — в готовности к пешему маршу.

В том случае, если будет адекватно воспринята апрельская записка Тупикова, общий настрой советского высшего военного руководства в преддверии войны будет принципиально отличаться от имевшего место в действительности. Соответственно, уже не будет полумер в лице передававшей в округа с потерей времени на расшифровку Директивы №1. Скорее всего (не будем забывать,

Пушка ПАК-38 в бою. Эти 50-мм противотанковые пушки были способны справляться с советскими танками, в том числе КВ (подкалиберными снарядами)

что мы лишь прогнозируем возможное течение событий) будет выработан особый сигнал на ограниченный ввод в действие планов прикрытия. То есть на то, что было деликатно обозначено в Директиве №1 как «не поддаваться на провокации» и «границу не пересекать и не перелетать до особого указания». В этом случае с поступлением последних донесений из германского посольства и, возможно, от перебежчиков в особые округа будет отправлена короткая шифровка с одним кодовым словом. То есть после короткого совещания в Кремле около 20.00—22.00 21 июня в особые округа уходит приказ на приведение войск в боевую готовность. Старт последним подготовительным мероприятиям дается не позже 23.00 21 июня. Это означает, что у дивизий будет по крайней мере лишних два часа на занятие позиций.

Как же будут развиваться события? Прошу не забывать, что реальность была куда страшнее и трагичнее. Однако это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые

факторы реальных событий. По сути, это лишь своеобразный инструмент изучения истории. Представьте, что нижеследующие строки — это фрагмент из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Война, которой не было

По тревоге советские УРОВские части по всей границе с Генерал-губернаторством занимают ДОС линии Молотова. Вскоре к ним присоединяются поднятые по тревоге передовые батальоны из полков стрелковых дивизий, выделенных для прикрытия границы. Уже ночью из тыла подвозятся на грузовиках вторые батальоны тех же полков. Последние несколько сотен метров бойцы и командиры проходят пешком, стараясь не звенеть оружием и амуницией. Обратным рейсом грузовики забирают строителей, занимавшихся постройкой ДОТов. Не успевает затихнуть негромкое урчание «полуторок», как раздается грохот сотен орудий. Пока взрывы гремят непосредственно на границе. До главной полосы обороны долетают лишь отдельные снаряды — ДОТы располагаются чуть в глубине советской территории. Над головами торопливо занимающих окопы пехотинцев пролетают самолеты с крестами на крыльях.

Самолеты противника летели атаковать советские аэродромы. Первый налет большинство авиаполков выдерживает. Однако авиаудары следуют один за другим. Наиболее интенсивному воздействию подвергаются аэродромы в белостокском выступе. Тем не менее даже удачные налеты не привели к избиению на земле истребителей 9-й авиадивизии. «Миги» уничтожались только прямым попаданием в капонир. Даже близкие разрывы не приводили к уничтожению самолета. Осколки авиабомб поглощались земляными валами. Были сожжены только старые И-153, которые еще оставались в авиаполках. Капонир для них построить просто не успели. «Чайки» были выстроены на краю летного поля. Также было

сожжено несколько еще не собранных «мигов», недавно прибывших с завода.

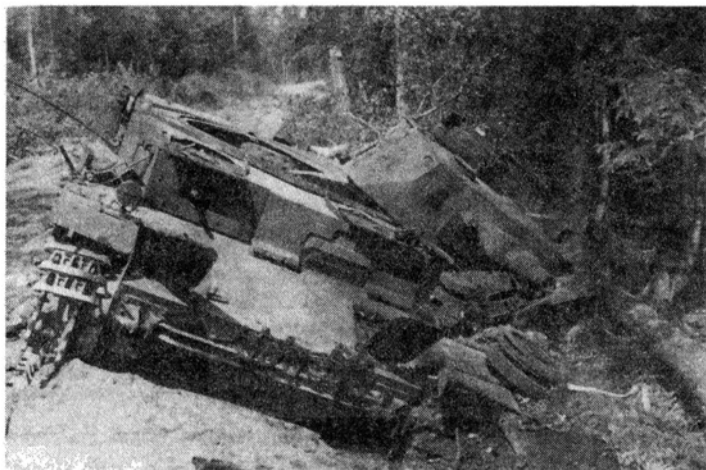
Напротив, несмотря на принятые меры, 10-я авиадивизия 4-й армии была разгромлена на аэродромах и в воздухе уже в первые часы войны. Под Брестом действовала 51-я истребительная эскадра Вернера Мельдерса. Поэтому любой советский самолет в этом районе рисковал быть сбитым если не в первом, то во втором вылете. Однако те несколько вылетов, которые успели сделать пилоты 10-й авиадивизии к границе, позволили им заметить крупные массы техники на переправах через Буг. Прорваться к самым переправам помешал плотный зенитный огонь и вражеские истребители.

Момент внезапности также сыграл на руку немцам в полосе наступления 2-й танковой группы. «Ныряющие» танки переправляются к северу и югу от Бреста и захватывают плацдармы. Танковый бой между «ныряющими» танками 2-й танковой группы и Т-26 14-го мехкорпуса заканчивается разгромом батальона советских легких танков. Однако расширение плацдарма 2-й танковой группой к северу от Бреста проходит с немалыми трудностями. Выдвинутые незадолго до вторжения из глубины советские части существенно усиливают оборону на границе. Захваченный плацдарм также не удастся расширить в связи с тем, что переправа танков через построенный мост идет медленно. Намного успешнее развивается наступление XXIV танкового корпуса южнее Бреста. Здесь оборона советских войск оказывается намного слабее. Основным сдерживающим фактором становится лесисто-болотистая местность, а не сопротивление советских войск.

Тем временем путанные донесения летчиков о шквале огня и плотном истребительном «зонтике» в районе Бреста заставили нацелить на переправы через Буг и прилегающие к ним дороги авиаполки с новейшей матчастью. Полеты «мигов» 9-й авиадивизии в район Семятичей показали скопление на переправах массы гужевого транспорта и небольшое число автомашин. Эти доклады успокоили Павлова — в полосе

10-й армии была пехота. Во второй половине дня 22 июня в район Бреста отправились три девятки Пе-2 из 17-й авиадивизии под прикрытием истребителей Як-1. Аэродромы авиадивизии остались практически не атакованными, и она сохранила свою матчасть. Задачей авиаторов была разведка и бомбометание по обнаруженным целям. Издалека был виден столб белесого дыма над Брестской крепостью. На лесных дорогах к югу от Бреста, почти у самой границы, летчики увидели плотную пробку из грузовых и легковых автомобилей. «Пешки» одна за другой зашли на цель. Бомбы рвались в гуще стоявших бампер к бамперу автомашин. Уходившие на восток авиаторы «пешек» и Як-1 с удовлетворением видели позади поднимавшийся над лесом густой черный дым. Однако только первой девятке удалось отбомбиться безнаказанно и уйти на большой скорости со снижением. Вторая была атакована «Мессершмиттами». Поначалу немецкие летчики опознают незнакомые самолеты как французские «Потезы». Несколько советских бомбардировщиков было сбито. Мельдерс лично вылетел на «Шторхе» на место падения нового советского самолета. Он оценил изящество линий и двухкилевое оперение, из-за которых незнакомую машину поначалу называли «Потезом», еще в воздухе. В грудке обломков с трудом можно было узнать тот красивый самолет, но снятые с деталей шильдики опровергали французское или американское происхождение машины.

Впрочем, удары бомбардировщиков из 17-й авиадивизии в районе Бреста не причиняют большого ущерба танковым соединениям 2-й танковой группы. Сброшенные с горизонтального полета бомбы далеко не всегда находили себе цель. Однако скоростные самолеты новых типов становятся «глазами» штаба фронта. Они видят на дорогах к северу и югу от Бреста крупные массы танков. Задержка XXXXVII и XXIV танковых корпусов на переправах через Буг и в труднопроходимой местности в первый день войны становится почти роковой. Лично Павлов со всевозрастающим беспокойством опрашивает вернувшиеся из ада под Брестом экипажи «пе-

Подбитый немецкий танк PzIV. Танк разрушен взрывом боекомплекта

шек». Они рассказывают про длинные колонны из танков и грузовиков, растянувшиеся по лесным дорогам к югу от Бреста. Авиаторы показывали на карте длину колонн, и Павлов мрачнел. Ему как танкисту не нужно было объяснять, что означают эти длинные колонны. Такое количество техники могло принадлежать только крупным механизированным соединениям.

Вечернее совещание в штабе Западного фронта с участием прибывшего в Минск маршала Б. М. Шапошникова было коротким. Он лично санкционировал передачу Западному фронту 9-го механизированного корпуса. Рокоссовский получил приказ на сосредоточение корпуса в лесах между Кобрином и Пинском. Этот приказ не застал его врасплох. По распоряжению командира 9-го мехкорпуса за последние три недели были тщательно отрекогносцированы возможные маршруты выдвижения дивизий для контрударов. Рокоссовский осознавал трудности маршей в бедных дорогами лесах и подошел к вопросу планирования маршей со всей возможной скрупулезностью. Отдельно были продуманы маршруты

выдвижения тяжелых танков КВ. Их выдерживали далеко не все мосты, и, несмотря на усиление ряда мостов и подготовку бродов, маршруты тяжелых танков были весьма замысловатыми.

Шапошников заверил Павлова, что прорыв в полосе соседнего округа (ставшего Северо-Западным фронтом) будет парироваться прибывающими из глубины страны войсками. В их числе был 7-й механизированный корпус из Московского военного округа. Шапошников уверенно сказал, что на рубеже Западной Двины и Днепра еще до начала войны было сосредоточено несколько армий из внутренних округов. Одна из них, 20-я армия, будет подтянута к Минску и в ближайшие дни займет Минский УР.

Таким образом, Западный фронт должен был сосредоточить усилия на парировании прорыва крупных механизированных соединений противника на Слоним и Барановичи. С фланга на рубеже Нарева фланг контрудара должна была прикрывать 10-я армия. Ее подвижным резервом был 13-й механизированный корпус. В свою очередь, 6-й мехкорпус должен был атаковать на юг, нанося удар в направлении шоссе Брест — Минск. Прикрытие с воздуха обеспечивали сохранившиеся «миги» 9-й авиадивизии. Острия ударов двух механизированных корпусов — 6-го мехкорпуса Хацкилевича и 9-го мехкорпуса Рокоссовского — должны были сойтись на шоссе Брест — Минск к востоку от Бреста.

Если обстановку в полосе ЗапОВО, ставшего Западным фронтом, можно было характеризовать как положение неустойчивого равновесия, то на Юго-Западном фронте первый день боевых действий стал настоящим триумфом советской обороны. За счет выдвижения к границе «глубинных корпусов» и 5-й армии Потапова, и 6-й армии Музыченко удалось образовать плотный фронт обороны. Первый удар встретили УРы линии Молотова, заполненные частями дивизий приграничных корпусов. Вскоре к ним присоединились дивизии «глубинных» корпусов, подошедшие на линию границы во второй половине дня. Ни под Сокалем, ни под Владимиром-Во-

Подбитый и севший на «брюхо» немецкий пикирующий бомбардировщик Ю-87, известный также как «Штука»

лынским немецким войскам не удалось образовать плацдарма достаточной глубины для ввода в бой танковых дивизий 1-й танковой группы. Пехотные дивизии с трудом прокладывали себе путь через ДОТы. Они оказались неожиданно прочными и стойкими. Шаровые установки орудий ДОТов выдерживали пламя огнеметов. С большим трудом немецким частям удалось блокировать несколько бункеров и создать предпосылки для взлома обороны 5-й армии. Тем временем были подняты по тревоге и выведены в выжидательные районы дивизии 8-го механизированного корпуса. Они были замаскированы в лесах в районе Лешнева.

Однако триумф Юго-Западного фронта в глазах Верховного командования оттенялся неудачами в Прибалтике. Несмотря на то что оборона на границе была существенно усилена за счет выдвинутых из глубины корпусов и дивизий, двум немецким танковым группам все же удалось пробиться через приграничные укрепления. Лидером наступления стал LVI корпус Манштейна, прорвавшийся почти на 30-километровую глубину и уверенно двигавшийся к Двинску (Даугавпилсу). Тем не менее глубокого прорыва по всему фронту у немцев все

же не получилось. Когда 3-я танковая группа во второй половине дня 22 июня 1941 г. вышла к Неману, все мосты через него были уже взорваны. С другого берега Немана несколько зазевавшихся немецких танков были расстреляны 76-мм орудиями новых советских танков. Это было первое столкновение немецких танкистов с новой советской бронетехникой.

Второй день боев принес новые разочарования командующему 2-й танковой группой Гейнцу Гудериану. Дивизиям его XXXXVII корпуса удалось преодолеть оборону 4-й армии к северу от Бреста. Однако вместо быстрого прорыва на оперативный простор они столкнулись с занявшей оборону на рубеже реки Яссельда 100-й стрелковой дивизией Руссиянова. Опорой советской обороны стал болотистый участок шириной почти 5 км, через который на протяжении 50 км проходило всего одно шоссе с мостом через Яссельду. Попытки атаковать вдоль этого шоссе потерпели неудачу. Немецкие танки, двигавшиеся гуськом по одной дороге, расстреливались метким огнем советских дивизионных пушек. Попытки съехать с дороги приводили к завязанию танков и их последующему расстрелу. Дым от горящих «панцеров» был виден издали и вызвал неудовольствие не только у Гудериана, но и у командующего группой армий «Центр» фон Бока.

Лидером наступления 2-й танковой группы становится XXIV танковый корпус. Он медленно, но верно продвигается вдоль шоссе Брест — Минск на Барановичи. Однако командир корпуса Гейер фон Швейппенбург еще не догадывался, что советское командование собирает против него «клещи» с большим количеством новых танков. Рокоссовского торопили из штаба фронта, но он упорно ждал сосредоточения основных сил своего мехкорпуса для мощного контрудара. Всеми силами он старался избежать ввода своих дивизий в бой по частям. Все равно пришлось бы атаковать, не дожидаясь отставших и вышедших из строя в ходе марша машин.

В наступление механизированные корпуса Хацкилевича и Рокоссовского перешли 24 июня 1941 г. Если удар 6-го мехкорпуса еще был в некоторой степени спрогнозирован, то

Один из ДОТов Рава-Русского УРа. Сооружение несет на себе следы жестокого обстрела

вышедший из лесов 9-й мехкорпус оказался крайне неприятным сюрпризом. Растянувшиеся вдоль шоссе на Барановичи немецкие части не смогли оказать адекватного сопротивления. Ударом по сходящимся направлениям 3-я и 4-я танковые дивизии оказались отсечены от главных сил 2-й танковой группы. Гудериан был вынужден спешно вводить для их деблокирования свежий XXXXVI моторизованный корпус. На два советских мехкорпуса обрушились мощные удары авиации 6-го воздушного флота. Новые истребители 9-й и 17-й авиадивизий оказали ожесточенное сопротивление, но превосходство в выучке пилотов и тактике воздушного боя привело к вытеснению советских истребителей из воздушного пространства над шоссе. Немецкие пикирующие бомбардировщики не могли вывести из строя советские танки, но они устроили жестокий разгром артиллерии и тылам двух мехкорпусов. Деблокирующий удар XXXXVI корпуса и встречное наступление 3-й и 4-й танковых дивизий позволили немцам вырваться из западни. Однако темп наступления 2-й танковой группы на Минск был безнадежно потерян.

Намного успешнее действовала в эти дни 3-я танковая группа. При поддержке мощных ударов пикировщиков VIII

авиакорпуса корпусам Гота удалось форсировать Неман. На рубеж этой реки отошли левофланговые дивизии 11-й армии Северо-Западного фронта. На руку немцам сыграло то, что по приказу командования фронта 5-я танковая дивизия была снята из района Алитуса и оттянута назад. Командование предполагало ее использование для контрудара по 4-й танковой группе. Однако отсутствие подвижного резерва отрицательно сказалось на оборонительных действиях советских войск на Немане. Их оборона была прорвана, и немецкие танки устремились к Минску.

Тем не менее задержка «блицкрига» на подступах к Нема-ну и под Брестом работала на советское командование. За-благовременное подтягивание армий внутренних округов на рубеж Западной Двины и Днепра позволило с началом войны выдвинуть их на рубеж старой границы. 22-я армия заняла Полоцкий УР, 20-я армия — Минский УР, 21-я армия — недо-строенный Слуцкий УР и построенный Мозырский УР.

Переброшенный из Московского военного округа 7-й ме-ханизированный корпус был использован для контрудара во фланг наступающему на Минск XXXIX моторизованному корпусу 3-й танковой группы. LVII моторизованный корпус оставался на внутреннем фланге спланированного немцами окружения. В треугольнике Молодечно — Борисов — Минск разыгралось крупное танковое сражение. Вооруженный в ос-новном танками Т-26 и БТ, 7-й механизированный корпус сгорел как свеча в этом сражении. Но его яростные атаки предотвратили прорыв немецких танков через Минский УР.

Примерно такая же ситуация сложилась в ходе реально-го Смоленского сражения, когда контрудары оперативных групп мешали смыканию кольца окружения вокруг 16-й и 20-й армий под Смоленском. Как у Гудериана, так и у Гота не было достаточно сил для последнего удара. Обе танковые группы были скованы советскими контрударами. В рассмат-риваемой нами альтернативе такие контрудары предотвра-тят захват немцами Минска.

Немецкий солдат рассматривает захваченный ДОТ Рава-Русского УРа. На укреплении имеется надпись о дате штурма. Прорыв занятых УРов стоил немцам немалых по меркам лета 1941 г. потерь

Несмотря на крупный успех в сдерживании 2-й танковой группы, командование Западного фронта тем не менее было далеко от радужной оценки обстановки. Глубокий охват войск фронта из Прибалтики создавал серьезную угрозу перехвата основных линий снабжения войск 3, 4, 10 и 13-й армий. Наступление пехоты немецких 4-й и 9-й армий методично оттесняло войска фронта на восток, в труднопроходимые районы Налибокской пущи. Кроме того, захваченные в ходе окружения передовых дивизий XXXIV корпуса документы дали Павлову исчерпывающую информацию о реальной ударной мощи 2-й танковой группы. Ей был нанесен сильный удар, но месть могла последовать со дня на день. После долгих споров с Верховным командованием было принято решение отходить на рубеж старой границы. Прикрываясь арьергардами из состава механизированных корпусов, войска Западного фронта отошли на рубеж старой границы. Отходящие от рубежа к рубежу колонны подвергались сильным ударам авиации, не обошлось без нескольких тактических «котлов». Однако войска четырех армий сохранили боеспособность.

На рубеже старой границы они занимали оборону, уплотняя образованный армиями внутренних округов фронт. Было образовано Западное направление под командованием наркома обороны Тимошенко.

Головной болью Верховного командования в июне 1941 г. оставалась Прибалтика. Здесь немцы добились быстрого продвижения вперед, и выстроить устойчивый фронт не удавалось. Это было объективно обусловлено соотношением сил группы армий «Север» и Северо-Западного фронта. Однако с подходом армий внутренних округов советское командование решило взять быка за рога. В 22-й армии были собраны оставшиеся в распоряжении советского командования в Прибалтике механизированные соединения. Здесь оказался 1-й механизированный корпус (без 1-й танковой дивизии, убитой под Кандалакшу), чудом вырванная из-под парового катка группы Гота 5-я танковая дивизия и прибывшая из глубины страны 48-я танковая дивизия 23-го мехкорпуса. Именно этими силами был нанесен мощный контрудар из района Полоцка в тыл германскому плацдарму у Двинска (Даугавпилса). Несмотря на тщательную подготовку, контрудар имел лишь частичный успех. Под угрозой окружения LVI моторизованный корпус эвакуировал плацдарм под Двинском. Однако вскоре на это направление командованием 4-й танковой группы был развернут XXXXI танковый корпус. Подход свежих сил немцев быстро превратил успешно начавшийся контрудар в катастрофу. Однако общим итогом сражения стало сохранение Северо-Западным фронтом рубежа Западной Двины на всем ее протяжении от Риги до Даугавпилса.

Медленный прорыв войсками группы армий «Юг» пограничных укреплений на Украине привел к полному фиаско немецкого наступления на этом направлении. Фронт 5, 6 и 26-й армий был уже в первые два дня боев существенно усилен за счет дивизий «глубинных» корпусов — 31, 36, 37 и 55-го стрелковых корпусов. С большим трудом 6-й армии удалось расширить плацдармы на восточном берегу Буга и ввести в

бой танковые дивизии III и XXXXVIII моторизованных корпусов. 11-я танковая дивизия «вскрыла» плацдарм под Сокалем и устремилась на восток, к Берестечко. Однако в этот момент последовал контрудар 8-го механизированного корпуса. Новым советским танкам удалось прорваться прямо к берегу Буга. KB и Т-34 расстреливали из своих орудий сооруженные немцами мосты. Тем не менее дезорганизация ПВО мостов через Буг, ввиду прорыва к ним советских танков, благоприятствовала успеху авиации. Мосты под Сокалем были разрушены ударами СБ и ДБ-3 ВВС Юго-Западного фронта.

Однако триумф советских танкистов был краткосрочным. Атаки на ошестинившийся 88-мм зенитками плацдарм привели к тяжелым потерям танков 8-го мехкорпуса. Он был обескровлен буквально за два дня. Все пространство перед плацдармом, на самом плацдарме и даже на берегу Буга было заставлено обгорелыми остовами новейших KB и Т-34, старых, но внушительных Т-35 и многочисленными Т-26 и БТ. Германское командование изменило свои планы и бросило в атаку с плацдарма находившийся в резерве XIV танковый корпус Виттерсгейма. Совместное наступление XXXXVIII и XIV танковых корпусов поколебало оборону 5-й армии. Первым же ударом немцы вышли в тыл советской обороны на периметре плацдарма под Владимиром-Волынским. Его оборона рухнула, и на восток устремился III танковый корпус. Понесшие в долгих и безуспешных атаках на плацдарм большие потери войска беспорядочно отступали на восток. Остановить немецкое наступление удалось только на рубеже Луцк — Дубно, опершись на заболоченную долину Стыри. Угроза прорыва немецких танков из района Берестечко-Броды на юг заставила командование Юго-Западного фронта эвакуировать львовский выступ. Этот отход стоил должности командующему Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносу. Он был заменен на С. К. Тимошенко.

Поскольку на Западном фронте ситуацию удалось спасти от сползания к катастрофе, на Юго-Западном фронте остаются две армии внутренних округов — 16-я и 19-я. Это

позволяет, так же как и в Белоруссии, заблаговременно занять рубеж старой границы. Поэтому положение Юго-Западного фронта осталось устойчивым даже после начала немецко-румынского наступления с территории Румынии. Армии Конева и Лукина были использованы для парирования возникшего кризиса.

Так или примерно так могли развиваться события в том случае, если бы в силу стечения тех или иных обстоятельств советским военным руководством были бы предприняты контрмеры перед лицом надвигающегося вторжения Германии. Разгром лета 1941 г. был обусловлен рядом обратимых обстоятельств. Не следует списывать его исключительно на органические пороки Красной армии. В случае ликвидации главного неблагоприятного фактора — упреждения в развертывании — ситуация развивалась бы менее драматично. Как мне, надеюсь, удалось показать, даже при смягчении удара, понижении «градуса» упреждения в развертывании немецкий «блицкриг» мог потерять темп гораздо раньше.

Напоследок хотелось бы сказать следующее. Иногда предлагается искать решение проблем 1941 г. исключительно на тактическом уровне, причем в пассивном ключе. Раздаются слова о том, что следовало танки мехкорпусов вкапывать в землю, устраивать засады. В какой-то мере это можно считать следствием пацифистской пропагандистской кампании, развернутой в последние годы существования СССР. Тогда даже дело доходило до того, что в Уставе оборону поставили впереди наступления, сломав традицию предыдущих десятилетий.

С сожалением приходится констатировать, что поклонниками «прочной обороны» неверно интерпретируется опыт удачных «засадных» действий и игнорируются неудачи на этом поприще. Сравнительно удачный опыт сдерживающих действий бригады М. Е. Катукова под Мценском в начале октября 1941 г. и очень спорные с точ-

ки зрения результата действия 1-й моторизованной дивизии Я. Г. Крейзера на борисовском направлении в июле 1941 г. — это борьба на внешнем фронте окружения. В одном случае это был внешний фронт Брянского «котла», во втором — внешний фронт окружения под Минском. В том и в другом случае немцами преследовались задачи лишь максимально отодвинуть на восток внешний фронт окружения, обеспечить ликвидацию «котла». Но не более того. То есть действия Катуква и Крейзера ни в коей мере нельзя назвать успешным выполнением задачи удерживать немцев на направлении их главного удара. «Прочная оборона» Красной армией тоже практиковалась, но это не стало панацеей. Успешное удержание Полоцкого УРа 174-й дивизией Зыгина не помешало немцам обойти УР через Витебск. Занявшие оборону в Минском УРе 64-я и 108-я стрелковые дивизии были сокрушены грубой силой.

Только построение обороны с достаточной плотностью в километрах на дивизию могло обеспечить устойчивость фронта. Ликвидация прорывов и брешей в построении армий трех фронтов была бы немыслимой без контрударов механизированных соединений. Также именно контрудары, а не пассивное ожидание могло срывать планы противника. Красная армия и ее командиры и командующие реальным летом 1941 г. не были идиотами. Они чаще всего оказывались в плену обстоятельств, найти правильную дорогу к выходу из которых не всегда смог бы даже военный гений.

ИСКУССТВО НЕ БЫТЬ ВАРРОНОМ II. ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Рассмотрение альтернативных вариантов действий при выборе в качестве точки ветвления утра 22 июня 1941 г. является, пожалуй, самым сложным вариантом из всех ранее рассмотренных. Если отнесение точки ветвления на месяц или хотя бы несколько дней от 22 июня позволяет исправить некоторые промахи и улучшить условия вступления в войну, то старт ранним утром первого дня войны лишен любых преимуществ. Упреждение в развертывании наличицо, в результате строительства бетонных взлетных полос часть аэродромов непригодна для базирования самолетов, что обрекает на избиение скученные на оставшихся авиабазах полки ВВС особых округов. Части двух стрелковых дивизий заперты в мышеловке Брестской крепости. Противотанковые бригады практически лишены транспорта и в массе своей малобоеспособны. Наконец, войска армий прикрытия не успели занять позиции на границе, и в УРах присутствуют только штатные пулеметно-артиллерийские батальоны, никакого полевого заполнения. Любые долгосрочные программы начинать утром 22 июня поздновато. Как в области строительства вооруженных сил, так и в области техники или оргштатных структур. Остается, как говорится, «стоять и умирать» примерно в том же духе, как это происходило в реальном 1941 г.

Все вышесказанное не означает, разумеется, что нельзя было сыграть лучше. Однако при этом не хотелось бы

сворачивать на кривую дорожку «безошибочной стратегии», т.е. попытки исправить все ошибки советских командиров и командующих. Ведение боевых действий без ошибок описывается в произведениях из жанра фантастической литературы. Ошибки допускают все, и они являются неизбежностью как в проигранных, так и в выигранных сражениях, причем у обеих противоборствующих сторон. Если мы исправляем ошибки одной стороны, то баланс требует симметричного исправления ошибок противника. Эффект от такого изменения будет, прямо скажем, неочевидный. Тем более, по моему глубокому убеждению, отнюдь не ошибки были главной причиной неудач Красной армии в 1941 г. Они лишь усугубляли и без того скверную ситуацию.

Задачей в данном случае является некоторая оптимизация советской стратегии (в разумных пределах). Например, беготня за «парашютистами» или недооценка глубины немецких ударов является объективной реальностью, для изменения которой надо менять психологию и базу знаний людей. Парашютные десанты после их широкой рекламы в 1940 г. силами ведомства Геббельса и военной прессы стали общепризнанным пугалом. Отсутствие этого «пугала» на нашем «огороде» сразу же будет выбиваться из контекста времени.

Попробуем рассмотреть ключевые моменты реального 1941 г., которые хотя бы потенциально можно откорректировать с целью получения лучшего результата.

Механизированные корпуса

Механизированные корпуса Красной армии — это головная боль и горе луковое 1941 г. Меньшая часть мехкорпусов может обоснованно носить наименование «подвижные соединения» — только мехкорпуса формирования 1940 г. успели получить близкое к штатам количест-

во автомобилей и тракторов. Мехкорпуса формирования весны 1941 г. являлись «подвижными» достаточно условно. Это приводило к тому, что они не могли как единое целое использоваться в качестве подвижного резерва. Только мехкорпуса приграничных округов были хорошо укомплектованы новыми танками. Мехкорпуса из Ленинградского, Московского округов и из глубины страны получали новые танки в лучшем случае незадолго до вступления в бой.

Новые танки могли эффективно использоваться против немецких танков и поспешно построенной обороны, но они не могли похвастаться хорошими маршевыми характеристиками. Однако маневренное Приграничное сражение в любом случае требовало маневрирования и длительных маршей до вступления в бой.

Реалистичной альтернативой для механизированных корпусов является некоторая организационная корректировка характера их использования, прежде всего на Юго-Западном направлении. Собственно, одной из причин неудач лучших механизированных корпусов Юго-Западного фронта являлось их растаскивание на решение локальных задач вместо последовательного использования их против главного противника — 1-й танковой группы Э. фон Клейста. Теоретические предпосылки для этого были. Еще в довоенной разработке штаба Киевского особого военного округа «Характер современной наступательной операции ударной армии» говорилось о двух мехкорпусах «на создание подвижной фронтовой группы». Соответственно в ходе оборонительного сражения июня 1941 г. была организована «подвижная группа фронта» в составе 8-го и 15-го корпусов. Однако произошло это слишком поздно, и сама организация группы была сугубо номинальной, без соответствующего организационного обеспечения. Это дает нам почву для размышлений об оптимизации «подвижной группы фронта».

«Припятская проблема»

Одним из позитивных примеров действий советских войск летом 1941 г. является оборона 5-й армии Юго-Западного фронта с опорой фланга на Припятскую область. Удержание 15-м стрелковым корпусом 5-й армии позиций в лесисто-болотистой местности позволяло советским войскам сохранять нависающее над флангом противника положение. Это привело к тому, что в Директиве фюрера № 33 5-я армия генерала М. И. Потапова поминается аж три раза.

15-й стрелковый корпус 5-й армии был подобен английскому флоту *in being*, то есть оказывал влияние на развитие событий самим фактом своего существования. Сравнительно крупная группировка советских войск в непроходимой с самолета лесистой местности припятских болот вызывала серьезное беспокойство в стане противника на самом высоком уровне. В журнале боевых действий группы армий «Юг» мы находим такую оценку возможностей советских войск на этом направлении: «Во время телефонного разговора с оперативным отделом группы армий начальник Генерального штаба сухопутных сил лично выразил озабоченность по поводу северного фланга 6-й армии. По мнению ОКХ, в районе, прилегающем к реке Припять, находится не менее семи русских дивизий. Начальник Генерального штаба сухопутных сил опасается, что у 6-й армии будет недостаточно сил для решения всех трех задач, поставленных перед ней в Директиве № 2. По его мнению, особенно мало сил у XXIX армейского корпуса для решения двух стоящих перед ним задач: следовать вплотную за боевыми порядками III моторизованного корпуса и прикрытие левого фланга». При этом в реальности 15-й стрелковый корпус обладал довольно скромными боевыми возможностями. На 30 июня в корпусе вместе с 589-м гаубичным артиллерийским полком насчитывалось 18 432 человека личного состава, шестьдесят девять 45-мм

противотанковых пушек, шестьдесят 76-мм дивизионных пушек, девять 76-мм зенитных пушек, тринадцать 107-мм пушек обр. 1907/30 г., шестьдесят 122-мм и шестьдесят семь 152-мм гаубиц. Это соответствовало одной усиленной артиллерией немецкой пехотной дивизии. «Туман войны», страх неизвестности заставляли немцев обсуждать меры противодействия небольшой в стратегическом масштабе группы солдат и офицеров 15-го стрелкового корпуса на самом высоком уровне. Заметим, что командующий 6-й армией Рейхенау оценивал отступающие в болотах советские части куда объективнее. Он утверждал: «Угроза северному флангу со стороны соединений разбитой в ходе приграничного сражения 5-й армии русских, отступивших в северном направлении, имеет чисто локальное значение. Признаков подготовки к переходу в решительное наступление не отмечено». Тем не менее 5-я армия стала объектом пристального внимания со стороны немецкого командования. Позднее на свет даже появилась книга Филиппи «Припятская проблема». Филиппи писал:

«Прежде всего тормозилось наступление группы армий «Юг», чему виной было противодействие 5-й армии русских, наносившей удары по немецким войскам из Припятской области. И хотя противодействие это само по себе не было для немецкого командования совершенно неожиданным, оно тем не менее уже с самого начала кампании приносило русским тактические успехи, а затем в районе Новоград-Волынский, Житомир приобрело и оперативное значение, гораздо более серьезное, чем можно было предполагать. Это оказало довольно значительное парализующее воздействие на волю командования 6-й армии к выполнению главной оперативной задачи, заключавшейся в выходе к Днепру у Киева. Естественно, что беспокойство за северный фланг росло с каждым днем. Штаб группы армий и ОКХ неоднократно отдавали приказания отбивать все удары русских, не углубляясь в припятские болота, но этого было недостаточно для того,

Расположение «панцерштрассе» на Западной Украине.
Копия немецкой карты

чтобы обеспечить дальнейшее выполнение основной оперативной задачи»¹.

Можно было бы предположить, что по другую сторону Припятской области, к северу от Ковеля, мы увидим схожую картину. Однако 4-я армия Западного фронта вовсе не демонстрирует нам столь же продуманной опоры на труднопроходимую местность на своем левом фланге. Никаких попыток нависнуть над флангом 2-й танковой группы не предпринималось. У этого явления могут быть разные причины. Самым очевидным является разница в подходе к решению поставленной задачи двух командующих — генералов Потапова и Коробкова. Соответственно, при рассмотрении вариантов действий за советскую сторону неизбежно возникает мысль повторить в Белоруссии успех (на общем фоне) 5-й армии генерала М. И. Потапова.

¹ Филиппи А. Припятская проблема. М.: ИЛ, 1959. С. 138—139.

Города-крепости

«Крепости» в прямом и переносном смысле стали реалиями советско-германского фронта уже с первых дней войны. Как нетрудно догадаться, первой такой крепостью стала Брестская. Следует отметить, что эпопея Брестской крепости это не только история запертых в «мышеловке» нескольких тысяч солдат и командиров, это еще и один из первых промахов германского командования в войне с СССР. Задействованные для поражения Брестской крепости средства совершенно не соответствовали прочности ее сооружений. Кирпич, из которого строились крепости в XIX веке, принципиально отличался от того, из которого строились жилые и промышленные здания. Это был особый керамический кирпич. Он был гораздо прочнее обычного и, к слову сказать, раз в двадцать дороже. Позднее в своем отчете о штурме Брестской крепости командир 45-й пехотной дивизии генерал Шлиппер признавал:

«План артиллерийского наступления был рассчитан не так сильно на фактическое действие, как скорее полностью на неожиданность. Это должно было быть, так как артиллерийское обеспечение, вопреки многократным заявлениям дивизии, было недостаточно, и так как длительное действие артиллерии не могло проводиться, если должно было использоваться моральное действие огня тяжелых метательных установок»¹.

Немецкое командование достаточно легкомысленно отнеслось к задаче штурма Брестской крепости, несмотря на определенные трудности, которые вызвал ее захват у Гудериана в 1939 г. Тяжелые метательные установки, о которых говорит Шлиппер, т.е. реактивные минометы, хорошо себя показывали в чистом поле. Пробить крепостные стены они не могли и давали преимущественно пиротехни-

¹ Цитируется с некоторой корректировкой терминов по: Алиев Р. Брестская крепость. М.: Вече, 2010. С. 380.

ческий эффект. Задействованное в штурме приграничной цитадели «чудо-оружие» в лице 600-мм орудий оказалось как неверно нацелено, так и мало подходило для данной конкретной задачи. Первоначально орудия «Карл» нацеливались 22 июня не на Брестскую крепость, а на ДОТы линии Молотова в ее окрестностях. Куда более эффективными для разрушения старых кирпичных казематов были бы старые 305-мм гаубицы завода Шкода, достаточно широко использовавшиеся в Вермахте. Их небольшая дальность стрельбы в случае с Брестской крепостью не играла никакой роли — цитадель стояла вплотную к границе.

Итогом всех этих промахов стало то, что вместо стремительного захвата двумя-тремя батальонами немцам потребовался многодневный штурм Брестской крепости. При чем штурм стал настоящей необходимостью. В журнале боевых действий оберквартирмейстера (КТВ Qu) 2-й танковой группы в записи за 24 июня мы находим следующие слова: «Главная дорога через Брест частично заперта из-за боев в цитадели, находится под постоянным обстрелом противника». Так что выбора — штурмовать или не штурмовать — у германского командования, по большому счету, не было. Нужно было и освободить дорогу, и высвободить 45-ю пехотную дивизию для продолжения наступления в составе 2-й танковой группы. Собственно, этот пример показывает, что немцы были готовы отнюдь не ко всему.

Однако если оборона Брестской крепости и блокирование перевозок через нее являются в какой-то мере случайностью, то можно найти и более удачный пример воздействия на коммуникации противника. Это оборона Могилева в июле 1941 г. На уровне бытовой логики может возникнуть мысль: «А зачем немцам было его штурмовать? Достаточно было обложить со всех сторон, и защитники сами бы сдались...» Однако вариант «обложить Могилев войсками и ждать у моря погоды» немцев совершенно не устраивал.

В отчете, написанном штабными офицерами немецкого VII армейского корпуса по итогам штурма Могилева, указывались следующие побудительные мотивы отказа от простого блокирования города: «Штурм становится все более необходимым, поскольку сконцентрированные на плацдарме силы противника представляют собой серьезную угрозу в тылу армии, дают прикрытие с фронта находящимся восточнее Днепра силам противника для ударов на север и юг по флангам XII и IX АК и, наконец, перекрывают важную линию коммуникаций»¹.

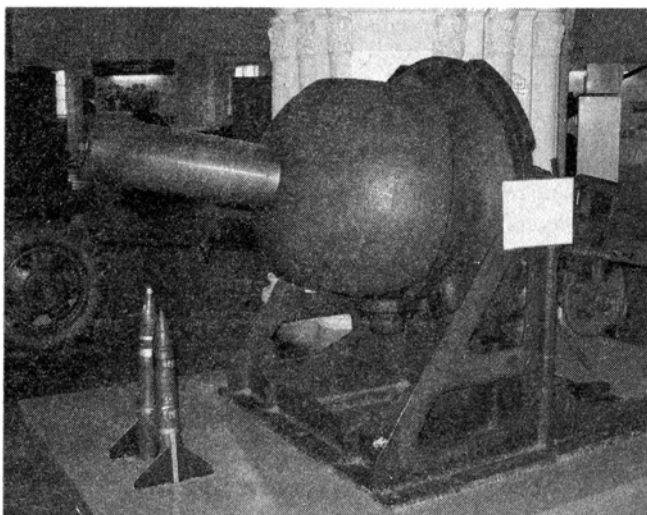
Перед нами чистый пример того, как окруженные и блокированные войска могут продолжать оказывать воздействие на оперативную обстановку и вынуждают противника вести долгий и неизбежно кровавый штурм. Несмотря на развитие автотранспорта, железнодорожные коммуникации оставались весьма актуальными для «блицкригов». По состоянию на июнь 1941 г. 2-я танковая группа Гудериана требовала подачи до пяти поездов в сутки только с горюче-смазочными материалами. Чем дальше от линии фронта придется разгружать эти поезда и чем дальше придется гонять за горючим автомобили — тем хуже будет снабжение основной ударной силы «блицкрига».

О таком использовании крепостей писал еще Клаузевиц:

«Не так-то легко, как обыкновенно думают, найти проезжую проселочную дорогу, которая обходила бы крепость; такой обходный путь должен не только находиться вне сферы орудийного огня крепости, но и проходить в более или менее значительном удалении от нее с учетом возможных вылазок.

Если местность сколько-нибудь трудно проходима, то часто малейшее отклонение от проезжей дороги связано со значительным промедлением, обходящимся в целый дневной переход, что может иметь огромное значение при

¹ NARA T314 R348 f305.

Казематное 76-мм орудие Л-17 в экспозиции Музея артиллерии и войск связи в Санкт-Петербурге

многократном пользовании дорогой (т.е. когда дорога продолжает служить для армии как путь подвоза)»¹.

Со времен Клаузевица появились железные дороги, находить для которых объезды было еще труднее. Кроме того, железнодорожные узлы это еще и инфраструктура, позволяющая сортировать и разгружать прибывающие эшелоны. Ее затерянный в лесах разъезд точно не заметит.

Более того, у нас перед глазами есть достаточно убедительный пример практической реализации «крепостной» стратегии. Удержание важных узлов коммуникаций окруженными в них войсками стало одним из характерных приемов ведения боевых действий немецких войск в 1945 г. Этот прием не был новинкой последнего периода войны. В 1941—1942 гг. он также широко применялся на опера-

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. С. 327—328.

тивном и даже тактическом уровне, когда окруженными немецкими частями удерживались отдельные населенные пункты. Снабжение окруженные гарнизоны получали по воздуху. Если посадка самолетов или планеров была невозможной, боеприпасы и продовольствие сбрасывались в парашютных контейнерах. Так снабжались Холм, Демянск и некоторые другие окруженные Красной армией пункты. Сталинград в этом ряду стоит особняком, но окруженная 6-я армия тоже блокировала своим бьющимся в конвульсиях трупом важный узел железных дорог, ухудшая условия наступления на восток.

В 1944 г. в германской армии уже существовала целостная концепция «фестунгов» (крепостей). Предложена она была, кстати говоря, самим Гитлером. По его мысли, нужно было укреплять и оборонять узлы дорог в условиях полной изоляции. В качестве одной из «крепостей» к лету 1944 г. готовился Витебск. Запомним это название — город Витебск действительно находится в узле дорог. Однако в 1944 г. эта концепция не была поддержана германскими командирами и командующими. Причем надо сказать, что старшие офицеры формально выполняли приказы о «крепости». Несмотря на угрозу окружения, отход из Витебска корпуса генерала Гольвитцера был запрещен. Спешно вернувшийся из отпуска командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш лишь транслировал Рейнгарту приказы Верховного командования Вермахта, то есть Гитлера, «держаться любой ценой». Что в нашем случае означает оборону «крепости Витебск».

Когда Витебск оказался окружен, а произошло это уже в первые дни советской операции «Багратион», в город из Ставки Гитлера, «Волчьего логова», была отправлена радиограмма: «Одна дивизия остается в Витебске и продолжает оборону. Доложите имя командира». Командиром оставленной в «крепости» дивизии был генерал-лейтенант Хиттер. Однако, несмотря на приказы, остатки гарнизона во главе с генералом Хиттером пошли на прорыв вечером,

Брошенные Л-17. Лето 1941 г. Орудия не успели смонтировать в ДОТах на новой границе

буквально через несколько часов после ухода основной массы корпуса на запад. Но далеко им уйти не удалось. Вскоре Хиттер и оставшиеся в живых солдаты и офицеры его дивизии пополнили ряды военнопленных. Ожидаемого фюрером эффекта от «крепости Витебск» не последовало. По существу, ее удержание было саботировано германскими генералами, начиная от Рейнгардта и заканчивая Хиттером.

К стратегии «фестунга» германское командование вернулось, когда война пришла на территорию самой Германии. Теперь эта идея фюрера уже была поддержана многими командирами тактического звена. Условия для обороны были в чем-то лучше, а в чем-то хуже, чем в 1943—1944 гг. В условиях 1945 г. нехватка самолетов и горючего существенно усложняла снабжение по воздуху, но тем не менее оно все еще имело место. Этим немецкие «фестунги» в какой-то мере перекликаются с советскими окруженцами 1941 г. С другой стороны, гарнизоны «крепостей» получили техническую новинку — фаустпатроны. Они стали «карманной артиллерией» обороняющихся, что было осо-

бенно актуально в условиях быстрой потери гарнизонами традиционной ствольной артиллерии.

Показательным примером немецкого «фестунга» является оборона города Познань (нем. Позен) — узла дорог на дальних подступах к Берлину. Справедливости ради нужно сказать, что его удалось удержать, направив руководить гарнизоном фанатичного полковника Гонелла. Удержание Познани немцами воспрещало использование транспортного узла советскими тыловыми службами, что ухудшало условия снабжения войск на плацдармах на Одере. Кроме того, удержание немцами крупных узлов железных и шоссейных дорог, Шнейдемюля и Познани, стало важным фактором развития событий на берлинском направлении. Это была одна из причин, вынудившая советское командование отказаться от наступления на Берлин в феврале 1945 г. Группировка противника, окруженная в районе Шнайдемюля, была уничтожена к 14 февраля, а крепость Познань пала только 23 февраля. То, что один из стрелковых корпусов 8-й гвардейской армии штурмовал Познань, было одной из причин перехода двух других стрелковых корпусов армии Чуйкова к обороне на захваченных плацдармах на Одере. В связи с этим слушать увлеченные послевоенные рассказы тов. Чуйкова об упущенном шансе взять Берлин в феврале 1945 г. вдвойне удивительно.

Исторические примеры «фестунгов»-крепостей позволяют сделать вывод о том, что недооцененным советским командованием средством воздействия на противника является удержание железнодорожных узлов. Сделать это можно, превратив города, в которых находились эти узлы дорог, в опорные пункты с круговой обороной. Далее окруженный в городе гарнизон сопротивляется до последней возможности или же в ожидании деблокирования, препятствуя использованию железнодорожного узла противником. Как показывает пример Познани, важным условием является кадровый вопрос — назначение подходящего командира комендантом «крепости». Также жизненно

Один из домов в «крепости» Познань. Он был превращен в узел обороны и почти полностью разрушен при штурме. Февраль 1945 г.

необходимой является заблаговременная подготовка «крепости» к обороне. Накопать за несколько часов окопов по периметру города, прямо скажем, недостаточно.

Одним из крайне необходимых условий существования «крепостей» является «воздушный мост», связывающий их с тылом. Транспортная авиация ВВС Красной армии в 1941 г. не обладала нужным количеством самолетов подходящей грузоподъемности для снабжения окруженных группировок численностью 100 тыс. человек и более. Однако снабжать, точнее, поддерживать на плаву гарнизон численностью 10—30 тыс. человек даже транспортной авиации 1941 г. было по силам. На 1 июля 1941 г. в распоряжении советского командования имелось 88 ПС-84 (Ли-2), 22 ТБ-1 и ТБ-3 (точнее, Г-1 и Г-2), 104 ПР-5 и П-5, 259 У-2. Что возможно сделать даже небольшим количеством самолетов, показывает история действий Московской авиагруппы особого назначения (МАГОН) в ходе боев за Севастополь летом 1942 г. Тогда силами 21 самолета ПС-84 за 10 дней было произведено 132 самолето-вылета из Краснодара в Севастополь и доставлено туда 7 пассажиров и

222 176 кг грузов. В сутки в Севастополь доставлялось до 20—30 тонн грузов. Это страшно мало в сравнении с Демянском или Сталинградом и совершенно недостаточно для более чем 100-тысячной группировки советских войск в Севастополе. Однако для немногочисленного гарнизона «крепости» это хорошая поддержка. Тем более от «крепости» не требуется держаться месяцами, и какие-то запасы могут быть созданы в подготовительный период.

«Припятская проблема»: белорусский вариант

Припятская область позволяла нависать как над флангом 1-й танковой группы (что благополучно делала 5-я армия ЮЗФ), так и над флангом 2-й танковой группы (что сделано не было). Необходимым условием осуществления этого нависания было удержание обороны фронтом на запад. В труднопроходимой лесисто-болотистой местности это было делать проще — можно было оборонять направления, перекрывая немногие дороги. Соответственно, сдерживание с фронта наступающих параллельно танковым группам пехотных соединений Вермахта приводило к разрыву между ними и вырвавшимися вперед моторизованными корпусами. У танковой группы появлялся растянутый фланг, причем на этом фланге была непросматриваемая с воздуха местность. К чему это приводило, показано выше на примере 5-й армии — переоценке немцами засевших в лесах войск. Периодические выпады из лесов на проходившие мимо них пути снабжения танковой группы только усугубляли бы эту завышенную оценку. На выходе затраты немцами крупных сил на защиту фланга и дорогостоящие экспедиции в глубь лесов. Командование 4-й армии эту богатую идею провалило. Фактически в штабе 4-й армии... забыли об одной из своих дивизий, которая вела бои южнее Бреста. Бывший начальник штаба 4-й армии Л.М. Сандалов впоследствии писал:

Запряженные «цугом» два трактора «Сталинец» вытягивают неисправный танк КВ-1

«В ночь на 26 июня соединения и части 4-й армии продолжали вести тяжелые оборонительные бои с частями 2-й танковой группы противника на барановичско-случком и пинском направлениях:

[...]

75-я стрелковая дивизия, сохраняя полную боеспособность, продолжала контратаковать части 255-й и 267-й пехотных дивизий противника в районе Малориты»¹.

Фронт давно откатился на восток, бои уже шли под Барановичами и на подступах к Слуцкому УРу, а 75-я стрелковая дивизия продолжает вести бой под Малоритой. Далее Сандалов признается: «В штабе армии имелись отрывочные сведения о 75-й стрелковой дивизии».

Характер действий 75-й стрелковой дивизии подтверждает командующий 2-й танковой группой. В мемуарах он писал: «В 20 час. 15 мин. [24 июня. — А.И.] я снова в своем штабе. Там я узнал о тяжелых боях на нашем правом

¹ Сандалов Л. М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989. С. 144.

фланге, где с 23 июня у Малорита 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских»¹.

Атаки эти были бессмысленными — радикально изменить обстановку под Малоритой и Брестом 75-я стрелковая дивизия не могла. При этом соединение сохраняло боеспособность. В описании Сандаловым июльских боев обнаруживается прекрасное:

«Части 75-й стрелковой дивизии в районе Малориты, израсходовав почти все боеприпасы и горючее, не могли продолжать бои с прежней силой. Но так как противник отвел с этого направления почти все свои части (!!! — *А.И.*), то с целью упреждения выхода его в район Мозыря дивизия по своей инициативе (!!! — *А.И.*) 2 и 3 июля начала отход лесными дорогами южнее Днепроовско-Бугского канала к Пинску»².

Комментарии, как говорится, излишни. По существу, дивизия и ее командир генерал-майор С. И. Недвигин были предоставлены самим себе.

Разумеется, для устойчивой обороны в Припятской области нужно было еще обойтись без подрыва складов и оставления войск без боеприпасов. О чем идет речь? В адрес Жукова, Берии и Маленкова из 3-го Управления НКВД СССР 8 июля 1941 г. был направлен любопытный документ о положении на Западном фронте. В нем говорилось следующее:

«23 июня он [командующий 4-й армией Коробков. — *А.И.*] вместе со своим штабом уехал в Пинск, где областному военкому майору Емельянову сказал, что «нас окружают войска противника», и, не отдав никаких приказаний о подготовке частей к бою, уехал в Минск. Майор Емельянов, как начальник Пинского гарнизона [...], приказал начальнику окружного склада № 847, воентехнику

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. С. 212.

² Сандалов Л. М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989. С. 190.

1 ранга Разумовскому взорвать склад. Это приказание Разумовский выполнил 24 июня. Взрывом склада уничтожено около 300—400 вагонов артснарядов разных калибров, винтовочных патронов и других боеприпасов, в то время как части 4-й армии, находившиеся за 70 км от Пинска, оставались без боеприпасов. Взрыв склада осложнил военные операции частей Красной армии, действовавших на фронте».

Если не взрывать склады и «держатъ руку на пульсе» 75-й стрелковой дивизии, можно удерживать необходимые для угрозы флангу 2-й танковой группы позиции. На складах в районе Пинска имелись и боеприпасы, и горючее (в Лахве, в 70 км восточнее Пинска), и продовольствие (склад № 820 в Лунинец), и медикаменты. Все это обеспечивало достаточно высокую устойчивость для обороняющих этот район войск. В реальном 1941 г. Пинск был потерян 5 июля 1941 г.

Небольшой отряд красноармейцев внимательно разглядывал кружащий над лесом самолет. Наконец, раздался возглас: «Наш истребитель! Звезды!» Во время очередного круга над лесом летчик заметил солдат и командиров, снизился, и вниз полетел выпел. В нем содержался приказ на отход в направлении Пинска. В результате быстрого наступления 2-й танковой группы части и подразделения 4-й армии Западного фронта оказались рассеяны по лесам, и управление ими оказалось практически потеряно. При этом отряды все еще сохраняли боеспособность, а у некоторых из них оставалась бронетехника.

На розыск этих разрозненных групп были направлены еще остававшиеся в распоряжении советского командования самолеты. Группам сбрасывались выпелы с одним и тем же приказом — идти в направлении Пинска.

Удары танков Гудериана и артиллерии 4-й армии Клюге прошли огнем и мечом по позициям большинства частей и соединений 4-й армии. Однако 75-я стрелковая дивизия, чьи

позиции располагались южнее Бреста, в районе Малориты, избегала этой участи и постепенно отходила лесами на восток. Поскольку фронт в полосе наступления 2-й танковой группы двигался гораздо быстрее, дивизия генерал-майора Недвигина постепенно погибала свой правый фланг фронтом на север. Постепенно фронтом на север оказалось большинство подразделений дивизии. Постепенно в расположение 75-й стрелковой дивизии отходили разрозненные части разбитых соединений. Здесь они имели возможность пополнить запасы боеприпасов, горючего и продовольствия.

Попытки немцев очистить район Пинска успеха не имели. Наступление 45-й пехотной дивизии на Пинск было отражено. Вскоре последовал ответный ход — контрудар в направлении Слуцка, а затем Бобруйска. Активность советских войск на северной границе Припятской области заставила немецкое командование держать для обороны этого направления армейский корпус, растянутый в нитку вдоль лесов и болот. Тем самым он был исключен из состава войск, наступающих дальше на восток.

Удержание позиций в Припятской области фронтом на запад и на север улучшит условия для июльских контрударов во фланг группы армий «Центр» — наступающему 63-му стрелковому корпусу будут противостоять меньшие силы. Возможно, удержание Красной армией позиций на фланге 2-й танковой группы заставит Гудериана уменьшить глубину наступления своего правофлангового XXIV моторизованного корпуса.

Контрудар «группы Костенко»

Соотношение сил ВВС КОВО и группы армий «Юг» было более благоприятным, чем на Западном направлении. Вследствие этого, несмотря на многочисленные налеты на аэродромы округа, ВВС Юго-Западного фронта 22 июня были

далеки от состояния разгрома. Регулярные полеты в районы немецкого наступления позволили командованию фронта правильно оценить обстановку и выявить угрожаемые направления. Наиболее опасными были прорывы у Сокаля и Владимира-Волинского. Действительно, шоссе Сокаль — Дубно и Владимир-Волинский — Ровно являлись осями наступления моторизованных корпусов 1-й танковой группы. Немцы называли такие осевые магистрали наступления «танковыми дорогами» (Panzerschtrasse).

Решение, что делать, созрело в штабе Юго-Западного фронта уже к вечеру 22 июня. Стрелковые дивизии 26-й армии передавались в подчинение соседней 6-й армии. Управление армии вместе с 8-м механизированным корпусом передислоцировалось в район к востоку от Львова. Одновременно в подчинение штаба 26-й армии поступал 15-й механизированный корпус, находившийся до этого в резерве штаба фронта. Штаб 26-й армии становился штабом подвижной группы фронта. В документах его даже иногда называли «группой Костенко». Командующий 26-й армией генерал Ф. Я. Костенко в прошлом был кавалеристом и как нельзя лучше подходил на роль командующего фронтовой подвижной группой. Штаб армии обладал достаточным количеством средств связи для оперативного управления мехкорпусами. Справедливо считалось, что такое управление мехкорпусами даст лучший результат, чем прямое руководство ими из штаба фронта в Тарнополе.

8-й мехкорпус начал выдвижение в назначенный район около полуночи 22 июня. В 11.00 23 июня головные части дивизий подошли: 12-й танковой дивизии — к Куровице, 7-й моторизованной дивизии — к Миколаюв, 34-я танковая дивизия прошла Грудек Ягельоньски¹. К этому моменту 15-й мехкорпус уже вступил в соприкосновение с противником и завязал бой с 11-й танковой дивизией 1-й танковой группы силами своих передовых отрядов. На месте осталась только мото-

¹ Реальное положение соединений 8-го МК на утро 23 июня.

ризованная дивизия 15-го мехкорпуса. Она была практически лишена автотранспорта, и ее оставили прикрывать район Бродов. Также в месте постоянной дислокации осталась часть сил 37-й танковой дивизии. Однако к вечеру 23 июня Ф. Я. Костенко удалось собрать в районе к югу от Лешнева четыре танковые дивизии и одну моторизованную дивизию из состава двух мехкорпусов. Решение командования фронта предусматривало нанесение мехкорпусами 26-й армии с утра 24 июня контрудара в северном направлении.

Контрнаступление началось точно по плану. На пути наступающих танков лежало несколько речек с заболоченной поймой. Это заставило танковые полки прорываться через немногочисленные мосты либо пытаться форсировать реки мотострелковыми полками и наводить переправы. Все это происходило под огнем артиллерии, занимавшей оборону на южном фланге XXXXVIII моторизованного корпуса 57-й пехотной дивизии. Усложнялась ситуация тем, что в лесах к востоку от Шуровища находился 15-й танковый полк 11-й танковой дивизии немцев. Здесь он скрывался от атак советской авиации, в то время как основная масса 11-й танковой дивизии наступала дальше на восток¹. С началом советского контрнаступления 15-й танковый полк выдвинулся для усиления позиций 57-й пехотной дивизии. Немецкие танки уверенно поражали советские БТ и Т-26, иногда с помощью подкалиберных выстрелов справлялись с Т-34 и КВ. Однако в 15-м танковом полку было всего около полусотни Pz.III с 50-мм пушками. От полного разгрома его спасло только то, что в противостоящих ему советских танковых частях было крайне мало 76-мм бронебойных снарядов. По состоянию на 10 июня 1941 г. 8-й мехкорпус насчитывал 71 танк КВ, 100 Т-34, положено по таблице было иметь 8163 бронебойных 76-мм снаряда, имелось налицо 2350². По докладу командира 10-й танковой дивизии, «первые три дня

¹ Реальный факт, описанный в ЖБД 11-й танковой дивизии.

² Реальные данные из донесения в ГАБТУ.

боев дивизия не имела ни одного бронебойного снаряда для 76-мм пушек»¹.

Опорой обороны немецкой пехоты были 88-мм зенитки полка «Герман Геринг». Во второй половине дня над полем боя появляется авиация V авиакорпуса. Главной целью немецких бомбардировщиков стала артиллерия мехкорпусов. Именно на нее обрушились первые удары с воздуха, приведшие к потере значительной части тягачей и гибели расчетов орудий.

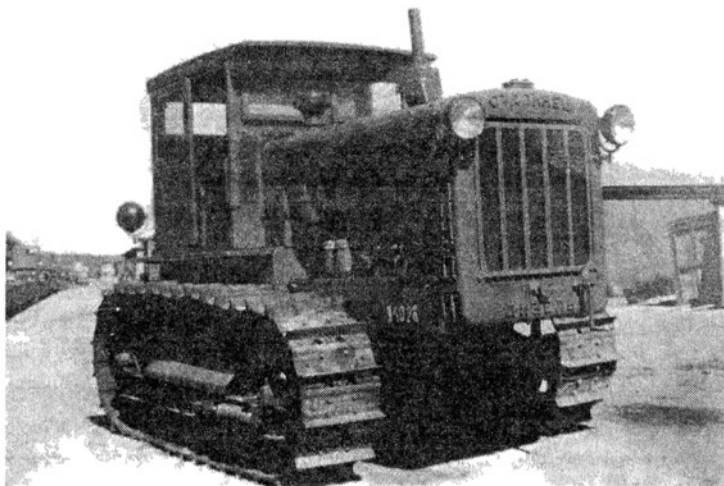
Несмотря на поспешно, но хорошо подготовленную оборону немцев, лучше всего укомплектованным новой матчастью 10-й и 12-й танковым дивизиям из группы Костенко удалось преодолеть ее, пересечь «панцерштрассе» и прорваться в направлении Берестечко, а передовыми отрядами — даже до Топорова. Здесь их застает темнота, и танкисты останавливаются на ночлег, подтягивая тылы и занимаясь ремонтом матчасти. От ударов с воздуха серьезно пострадали тылы дивизий. В журнале боевых действий группы армий «Юг» указывалось: «Атаки танков противника были остановлены в результате упорных оборонительных боев и эффективной поддержки V авиакорпуса»². Тем не менее в наступлении 1-й танковой группы назрел серьезный кризис. В тот же день, 24 июня, состоялось танковое сражение под Войницей (Александровкой), замедлившее наступление соседнего III моторизованного корпуса. Всю ночь титаническими усилиями на центральной «панцерштрассе» растаскиваются пробки из автомашин тылов 11-й танковой дивизии. На позиции в районе Стоянова выдвигаются боевые группы 16-й танковой дивизии. Одновременно для контрудара по прорвавшимся советским танкам разворачивается 75-я пехотная дивизия. По приказу Клейста на юг разворачивалась наступавшая совместно с III моторизованным корпусом 111-я пехотная дивизия.

¹ Реальная фраза из доклада ком. 10-й тд 15-го МК.

² Практически дословно воспроизведена реальная запись по итогам отражения советского контрнаступления 26 июня 1941 г.

В свою очередь, Ф. Я. Костенко планировал направить по стопам прорвавших оборону противника 10-й и 12-й танковых дивизий сохранившие боеспособность части 34-й и 37-й танковых дивизий. Оставшаяся 7-я моторизованная дивизия использовалась для прикрытия фланга. Однако утро второго дня контрнаступления принесло командующему 26-й армией плохие новости. Отправленная рано утром в Топоров колонна снабжения была атакована немецкими танками и оказалась частично разгромлена. Вскоре от возглавившего группу из 12-й и 10-й танковых дивизий генерала Рябышева поступило сообщение по радио о внезапной атаке танков противника со стороны Стоянува. К середине дня группа Рябышева была блокирована со всех сторон в пространстве между Гороховым и Берестечко. Мосты через Стырь, включая ими же построенную переправу у Шуровище, немцы взорвали, блокируя тем самым путь для отхода «окруженцев» на восток.

Как мы видим, даже лучше организованный и раньше начатый (до пресловутых изматывающих маршей по несколько сотен километров) контрудар не приносит решительного результата. В чем причина? У немцев даже в полосе наступления группы армий «Юг» было банально больше соединений, в том числе пехотных, для противодействия советским контрударам. Все те же самые игроки никуда не делись в реальном июне 1941 г. Вышеописанные события есть не что иное, как экстраполяция реального сражения 26—29 июня 1941 г. на несколько изменившиеся условия. Точно так же 111-я пехотная дивизия была развернута в полосу XXXXVIII моторизованного корпуса и сдержала атаки на Дубно группы Попеля. Точно так же 8-му мехкорпусу 27—28 июня реального 1941 г. противостояли 57-я и 75-я пехотные дивизии, которые, собственно, заставили группу под командованием Д. И. Рябышева отступить от Бродов и стали главными виновниками окружения 12-й танковой дивизии. Точно так же 16-я танковая дивизия в реальном 1941 г. рассекла 8-й мехкорпус надвое,

Медленный, но тяговитый трактор С455 «Сталинец»
был вполне пригоден для эвакуации танков новых типов
на небольшое расстояние

разделив его на группы Попеля и Рябышева. Главным преимуществом более организованного и нанесенного двумя сутками ранее контрудара будет большее число введенных в бой в ходе контрудара танков. Они не будут рассеяны, ввиду технических неисправностей, по дорогам львовского выступа. Результативность такого удара несомненно будет выше, чем реальных атак 8-го и 15-го мехкорпусов.

Несмотря на окружение части сил группы Костенко, наступление XXXXVIII корпуса остановилось. Продвигался вперед только III моторизованный корпус на луцком направлении. Попытка 11-й танковой дивизии возобновить наступление натолкнулась на ожесточенное сопротивление советских частей на рубеже заболоченной реки Иквы. Атаки немецких танков на Дубно потерпели неудачу.

Для деблокирования окруженных дивизий группы Костенко командование фронта выделило 8-ю танковую дивизию.

К тому моменту она уже успела понести потери в контратаках в полосе 6-й армии. Также у нее был изъят мотострелковый полк. Фактически в распоряжение Костенко прибыли два потрепанных танковых полка. Единственным их преимуществом оставалось достаточно большое количество новых танков. Деблокировать группу Рябышева предполагалось ударом через Лешнев на Шуровище. Задачей 8-й танковой дивизии был прорыв к взорванной переправе и ее восстановление с помощью понтонно-мостового парка. Немцы ждали как деблокирующих действий, так и прорыва окруженцев. Атака на Лешнев успеха не имела. КВ и Т-34 вязли на берегах заболоченной речки, горели под выстрелами 88-мм зениток. Кроме того, началось наступление немецкого XIV корпуса по южной «панцерштрассе» через Жулкев (Жовкву). Полки 8-й танковой дивизии были немедленно развернуты для противодействия этому наступлению противника. В этих условиях Рябышев решил прорываться на север, в район Луцка, где части 5-й армии все еще держали плацдармы на Стыри. Часть танков пришлось бросить, слив с них горючее. Начатый ночью прорыв на север стал для немецких частей на периметре окружения совершенно неожиданным, к рассвету колонна грузовиков и танков прорвалась к северной «панцерштрассе». Остатки группы Рябышева вышли к переправе у Рожище.

Сдерживание наступления XXXXVIII корпуса по шоссе Берестечко — Дубно — Шепетовка привело к тому, что III моторизованный корпус Маккензена продолжал наступление по северной «панцерштрассе» в одиночку. Дивизиям корпуса удалось форсировать Икву у Луцка и таким образом выйти восточнее линии обороны «глубинных» соединений Юго-Западного фронта. Однако здесь 13-я и 14-я танковые дивизии были встречены контрударами 9, 19 и 22-го механизированных корпусов. Быстрого прорыва на Ровно не состоялось. Однако, не добившись успеха в продолжении наступления на восток вдоль «панцерштрассе», немцы нанесли результативный контрудар в тыл советским частям в Дубно. Тем самым советская оборона на рубеже Иквы постепенно расширялась.

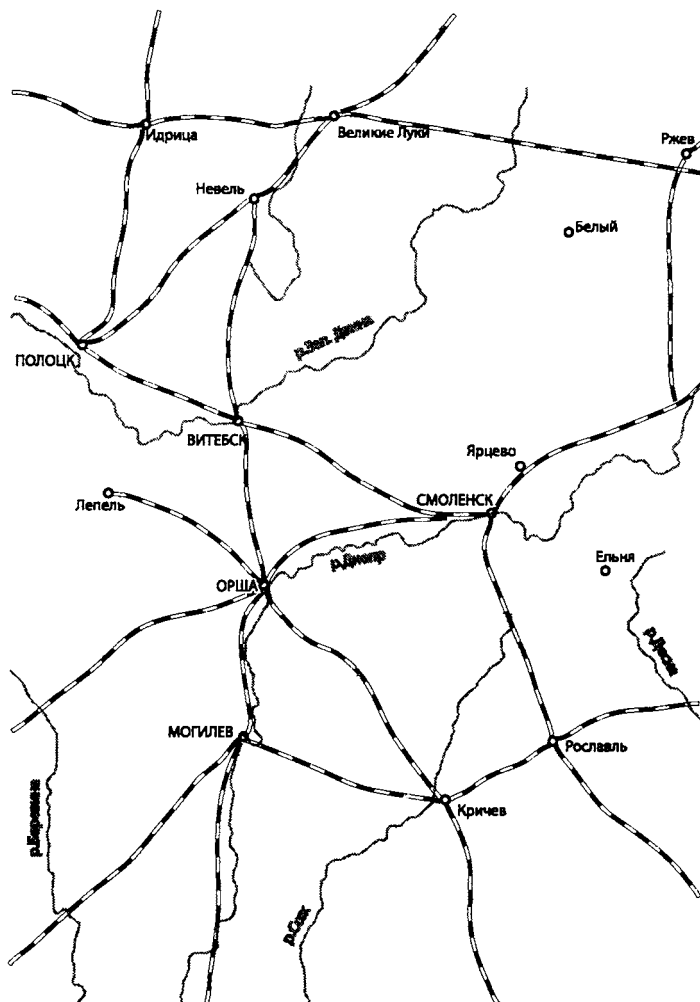

Схема железных дорог в районе Смоленска
Потенциальные „крепости“ выделены заглавным шрифтом.

Карта «Крепости» на Смоленском направлении

Однако на фоне катастрофы на Западном фронте ситуация у его соседа выглядела достаточно устойчивой. Вследствие этого прибывавшие на территорию КОВО еще до войны соединения 16-й и 19-й армий, не успев понюхать пороха, грузились в эшелоны и отправлялись под Смоленск.

Относительно результативный и нанесенный вовремя контрудар, безусловно, улучшит обстановку на Юго-Западном направлении. Если «разя огнем, сверкая блеском стали» мехкорпуса Юго-Западного фронта перейдут в наступление раньше, то у них будут все шансы остановить немецкую 11-ю танковую дивизию до прорыва через Дубно на восток к Острогу. Заболоченный рубеж реки Иква под Дубно — это крайне удобный рубеж обороны. Немецкая 11-я танковая дивизия в реальном июне 1941 г. упредила советскую 228-ю стрелковую дивизию в выходе на этот рубеж буквально на несколько часов. Если ухватить 11-ю танковую за хвост контрударом, то есть неплохие шансы успеть занять выгодный рубеж до подхода к нему немецких танков. Соответственно, не будет всего того ужаса, который наблюдался в действительности к востоку от Дубно: отчаянных контратак и разгрома 228-й стрелковой дивизии, разгрома на марше корпусного арtpолка, захвата Острога и втягивания в бой соединений 16-й армии М. Ф. Лукина (109-й моторизованной и 57-й танковой дивизий). Наконец, 19-й мехкорпус, в реальности скованный боем с 11-й танковой дивизией, сможет противодействовать прорыву 13-й танковой дивизии немцев на Ровно. Одним словом, хороший оперативный контрудар может существенно повлиять на обстановку на Украине в первую неделю войны. Имевшиеся в КОВО механизированные соединения могли сыграть лучше, чем это было в действительности. Результат реального танкового сражения в треугольнике Броды — Дубно — Луцк нельзя назвать провальным, но это явно не предел мечтаний.

Днепровский рубеж

В то время как в приграничных областях гремели танковые сражения, на линию Западной Двины и Днепра прибывали по железной дороге войска внутренних округов, известные как Второй стратегический эшелон. Гарнизоны городов на этой линии получили приказы о подготовке к круговой обороне. В свою очередь, командующий каждой из прибывающих на новую линию обороны армий получил распоряжение подобрать грамотного и храброго командира для гарнизона «крепости» в полосе каждой из армий. Задача «крепости» формулировалась как оборона узла дорог в полной изоляции. На тот момент предполагалось, что по мере накопления сил «крепости» будут деблокироваться с восстановлением фронта.

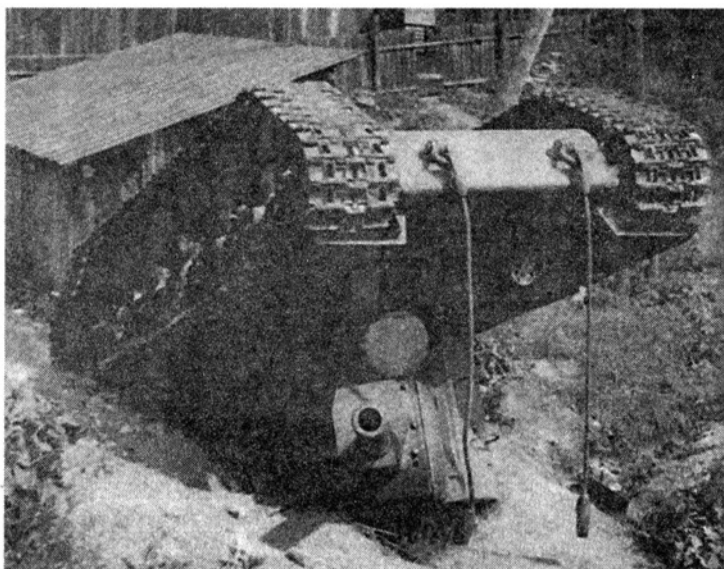
Собственно, в запуске подготовки «крепостей» в районах к востоку от старой границы сразу после начала войны нет ничего удивительного. Это в поп-литературе и у недобросовестных мемуаристов Сталин в панике убегает на дачу и прячется там в страхе под столом целую неделю. В действительности уже в первые дни были приняты решения, прямо говорящие об осознании советским руководством серьезности положения. Это, например, решение о сверхплановой мобилизации, о начале формирования новых соединений (уже 22 июня) вразрез с мобпланом 1941 г. (25 июня, формирование дивизий из кадров НКВД). Поэтому приказ готовить к круговой обороне Полоцк, Витебск, Могилев, Оршу и др. узлы дорог в рамках концепции «крепостей» мог последовать уже 24—25 июня 1941 г. Это дает по крайней мере две недели на подготовку городов к обороне.

Полученные из Москвы приказы о подготовке городов к круговой обороне поначалу вызвали неоднозначную реакцию в гарнизонах и у местной партийной элиты. В Москву по пар-

тийной линии полетели запросы о целесообразности немедленного начала работ. «Города в глубоком тылу, фронт еще далеко, мы настраивали людей на войну малой кровью на чужой территории, не возникнет ли паники?» Однако ответы из Москвы не оставляли сомнений: к оборонительным работам надо приступать немедленно и вести их как можно быстрее. На работы в Витебске, Орше, Могилеве было выведено население и учащиеся. Последние сомнения в серьезности ситуации исчезли, когда в города прибыли вагоны с необычным грузом — массивными пушечными шаровыми установками. Это были новейшие 76,2-мм капонирные пушки Л-17. Они предназначались для строившихся в 1940—1941 гг. на новой границе укрепрайонов. Однако начавшаяся война и быстрая потеря позиций на границе оставили этот задел орудий для ДОТов не востребованным. Часть из них пришлось разыскивать и вывозить из приграничных округов. Разумеется, о постройке полноценных ДОТов в городах-«крепостях» речи не было. Л-17 устанавливались в импровизированные бетонированные огневые точки. Вскоре города-«крепости» объехал Л. З. Мехлис. Помимо традиционных «разносов», он собрал у командиров гарнизонов и партийных руководителей заявки на необходимые материалы и оборудование.

Вскоре строители оборонительных рубежей «крепостей» услышали глухую канонаду. Фронт приближался. Однако, прежде чем «крепости» вступили в бой, разыгралось сражение между немецкими танковыми группами и армиями Второго стратегического эшелона на рубеже Западной Двины и Днепра.

Подвижным резервом армий Второго стратегического эшелона на смоленском направлении стал 7-й механизированный корпус из Московского военного округа. Выдвижение мехкорпуса из Подмоскovie в район Рудни, как раз в тот район, где Днепр изгибается и меняет направление своего течения с западного на южное, происходило комбинированным маршем. Гусеничная техника следовала эшелонами по железной дороге, а все колесные машины шли своим ходом по грун-

Опрокинутый танк КВ-2 в Витебске. Если бы город стал «крепостью», танк вернули бы в вертикальное положение, и он стал бы хорошим подспорьем в обороне

товым дорогам и по автострате Москва — Минск. Погрузка 1-й моторизованной Пролетарской дивизии происходила на станции Москва-Белорусская, 14-й танковой дивизии — на станции Нара, 18-й танковой дивизии — в Калуге. Штаб корпуса двигался в одном из эшелонов по железной дороге и выгрузился в Смоленске, далее следовал своим ходом. Нельзя сказать, что сосредоточение 7-го мехкорпуса проходило идеально. Штабам дивизий приходилось разыскивать свои части. Кроме того, немецкая авиация активно действовала по железнодорожным станциям и районам выгрузки.

После завершения сосредоточения, 28 июня 1941 г., 7-й мехкорпус получил от командующего 20-й армией задачу «в случае прорыва танков противника вдоль автостраты на Смоленск уничтожить последние, прижимая их к реке Днепр. Быть в готовности к нанесению удара в случае про-

рыва танков со стороны Витебск[а]»¹. По тому же приказу 153-я стрелковая дивизия обороняла Витебск, 69-й стрелковый корпус — рубеж Витебск, Орша (оба пункта исключительно), 61-й стрелковый корпус — рубеж Орша, Могилев. 1-я моторизованная дивизия, выдвинутая в район Борисова (вдоль того же шоссе Минск — Смоленск) должна была не допустить переправу немцев через Березину. 9-й мотоциклетный полк 7-го мехкорпуса и разведбаты дивизий вели разведку в различных направлениях (на Лепель, на Сенно, на Борисов). Фактически 7-й мехкорпус получил роль «пожарной команды» 20-й армии. Он должен был из глубины нанести контрудары по прорвавшимся через линию стрелковых корпусов противнику. Несколько дней, проведенных в назначенном районе, позволили разведать возможные маршруты выдвижения для контрударов. Шоссе на Москву и Витебск дело, разумеется, не ограничилось. Было определено пять вероятных направлений действий и разведано 13 маршрутов протяженностью от 25 до 50 км. На этих маршрутах строились и усиливались мосты и проводились другие мероприятия.

Часть танков 7-го мехкорпуса была выделена для усиления «крепости» Витебск. В это же время мехкорпус получил танки новых типов — Т-34 и КВ. Танки прибыли с экипажами и были распределены по танковым дивизиям.

Это описание подготовки 7-го мехкорпуса к предстоящим боям практически в точности соответствует реальной последовательности событий. Однако в дальнейшем реальный план использования 7-го механизированного корпуса был изменен. Вместо подпирания обороны стрелковых корпусов он был отправлен маршалом С. К. Тимошенко в контрудар с целью разгрома подвижных соединений противника на лепельском направлении. Однако эта идея является работоспособной только в случае использования

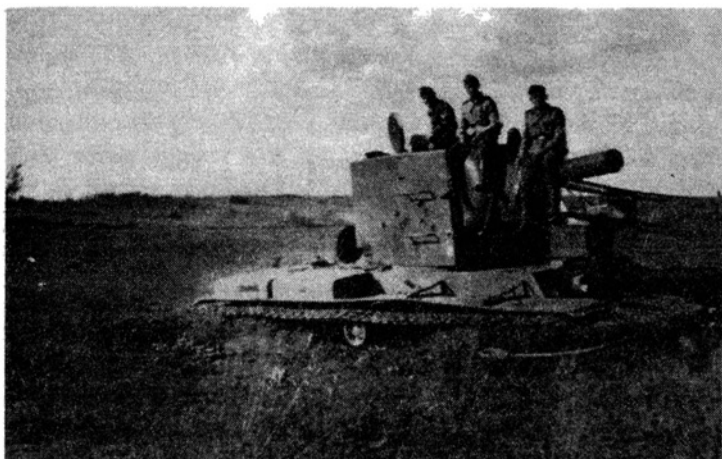
¹ Реальный приказ, см.: ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 5, л. 77.

полноценных по организации и оснащению мехсоединений. 7-й мехкорпус к таковым можно отнести с большой натяжкой. Он был лишь формально хорошо укомплектован легкими танками (которые «заменяли» штатные Т-34 и КВ) и автотранспортом. Использование его танков в качестве подпорки обороны 20-й и 22-й армий представляется более перспективным вариантом. Тем более в реальности он уже начал реализовываться. Утверждение этого варианта новым командующим Западным фронтом С. К. Тимошенко представляется вполне возможным. Попробуем просчитать, как будут развиваться события в этом случае.

Первая попытка немецких моторизованных частей 5 июля форсировать Двину у Уллы успеха не имела. Мосты через Западную Двину у этих двух населенных пунктов были взорваны при приближении противника — еще 5 июля. Однако взорванные мосты не стали серьезным сдерживающим фактором. Началась подготовка к решительному штурму советских позиций. У 4-й танковой армии были запрошены четыре мостовых парка — переправы для танков и тяжелой техники должны были быть построены как можно быстрее. Подготовку сдерживали проливные дожди, сделавшие местность вне дорог практически непроходимой. Советская сторона поначалу лишь ограничивалась артобстрелом деятельно готовящихся к наступлению немцев. Основные события разворачивались в тылу. После недолгих колебаний командование Западного фронта приняло решение выдвинуть к Улле и Бешенковичам две танковые дивизии 7-го механизированного корпуса. Плохая погода способствовала скрытности выполнения этого маневра, хотя раскисшие дороги замедляли танковые колонны и приводили к перерасходу горючего. Колесная и гусеничная техника мехкорпуса шла через мосты в Витебске сплошным потоком. Это было впечатляющее зрелище, внушавшее жителям города веру в успех сражения на приближающемся к Витебску фронте.

После образования плацдармов немцы приступили к строительству мостов для переправы техники. У Бешенковичей мост был готов в 21.50 7 июля, у Уллы — к 9.00 следующего дня. Получив возможность наступать сразу с двух плацдармов, немцы спланировали классические «канны» — сражения на окружение. Утром 8 июля загрела немецкая артиллерия, на советские позиции одна за другой отвесно падали «Штуки». Освободившись от бомб, они взмывали вверх, уступая место следующему. Сразу две немецкие дивизии, прорвавшись с плацдармов через разреженные боевые порядки полков 186-й стрелковой дивизии, продолжили наступление в направлении железной дороги Витебск — Полоцк. В этот момент последовал советский контрудар. Предупреждение от самолетов-разведчиков о приближении советских танков немцы получили слишком поздно. Разыгралось встречное танковое сражение на полпути от Западной Двины к железной дороге Витебск — Полоцк. Ни о каком окружении 186-й стрелковой дивизии уже не могло быть и речи. Не имея подготовленных позиций, немецкие части были вынуждены отбивать танковые атаки «с колес». Тяжелая артиллерия и зенитки били с открытых позиций по КВ и Т-34. Под угрозой окружения обе немецкие дивизии стали отходить к Западной Двине. От полного разгрома немецкие дивизии спасли «Штуки». Самолеты VIII авиакорпуса появились над полем боя и обрушили град бомб на наступающие советские танки. Бомбы пикировщиков, конечно, не могли пробить броню танков новых типов, но близкие разрывы выводили из строя легкие бэтешки. Несмотря на массированные налеты авиации, советские танки пытались на плечах отходящего противника прорваться к переправам через Западную Двину и уничтожить их. Однако на подступах к переправам бегство остановилось. Атакующие танки встретил плотный огонь зениток. Сбить немцев с плацдармов уже не получилось.

В реальном 1941 г. 7-й мехкорпус увяз в контрударе под Сенно и Лепелем, и в момент, когда началось наступление

Окупанты фотографируются на танке KB-2, завязшем на летном поле витебского аэродрома. При превращении Витебска в «крепость» KB-2 мог стать огневой точкой системы обороны

от Уллы и Бешенковичей, ни у 22-й армии, ни у Западного фронта не было в этом районе боеспособных подвижных резервов. Фронт был взломан, и прорыв на Витебск заставил соединения РККА отходить на восток. Есть все основания считать, что в случае использования 7-го мехкорпуса в качестве подвижного резерва по крайней мере первый раунд боев за Витебск удастся выиграть. Это означает несколько дней выигрыша времени на усиление обороны и развертывание резервов.

Скучающие у танка на жаре танкисты с надеждой посмотрели на мчащегося по дороге мотоциклиста. Действительно, он завернул к танку и поинтересовался: «Что случилось?» Услышав в ответ путанные объяснения про вышедшую из строя коробку передач, он удовлетворенно хмыкнул. Угоstitив танкистов бутербродами, мотоциклист снова оседлал своего железного коня, поднял облако пыли и умчался обрат-

но. Через некоторое время к обездвиженному КВ прибыла кавалькада из нескольких тракторов. Танкистам был предъявлен приказ командующего 22-й армией, они теперь поступали в распоряжение коменданта Витебска. Тракторами танк дотаскили до железной дороги. Здесь, на разъезде, уже ждали своей участи несколько танков разных марок. Большинство из них были без экипажей. Ночью был подан паровоз с несколькими платформами. На них по аппарели из шпал один за одним загнали танки. Ранним утром они уже были в Витебске.

Помимо изначально выделенных для обороны города танков 7-го мехкорпуса, средством усиления обороны превращенного в крепость города Витебска стал сбор вышедших из строя или подбитых танков разных типов. Конечно, ремонтные службы 7-го мехкорпуса по мере сил вытаскивали подбитые машины. Однако некоторые танки ремонтники считали безнадежными для восстановления и оставляли их «на потом». Кроме того, эвакуационные средства дивизий и корпуса не располагали тракторами тяжелее трактора «Коминтерн». Они позволяли вытаскивать БТ или Т-26, но никак не справлялись с тяжелыми танками КВ-1 и КВ-2. Энергичный комендант Витебска добился у командующего 22-й армией генерала Ершакова разрешения на эвакуацию брошенных на подступах к городу танков для их включения в систему обороны «крепости». Для эвакуации КВ были задействованы тяговитые сельскохозяйственные «Сталинцы». Их сцепляли «цугом» по две-три машины и медленно, за многие часы, вытягивали вышедшие из строя КВ. Со станции танки тракторами растаскивали по позициям на периметре оборонительного рубежа на подступах к городу. Наиболее ценные танки КВ устанавливались в капонирах у подходивших к Витебску шоссе. Под роспись танкистам были выданы ценные 76,2-мм бронебойные снаряды. Они были доставлены во все города-«крепости» по особому распоряжению Л. З. Мехлиса. 76,2-мм капонирные пушки Л-17 и вкопанные танки КВ-1 и Т-34 вместе с поставленными на прямую на-

водку зенитками были основой противотанковой обороны «крепостей».

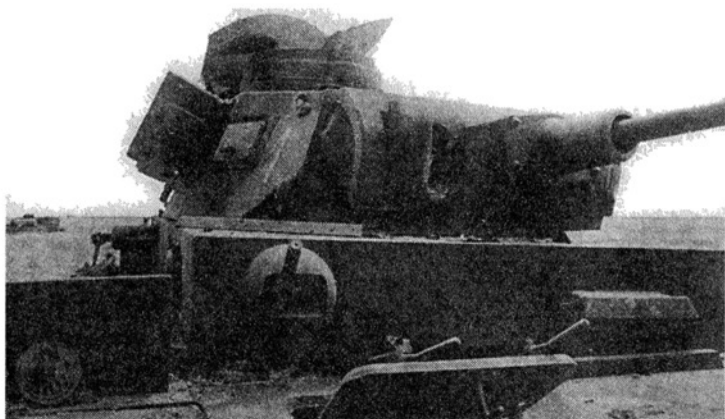
Тем временем над Витебском сгустились тучи. Неоднократные попытки сбить немцев с плацдармов у Уллы и Бешенковичей привели к постепенному истощению сил двух танковых дивизий 7-го мехкорпуса. Плохо налаженное взаимодействие с артиллерией привело к атакам на неподдавленную противотанковую оборону противника и большим потерям танков. Моторизованная дивизия корпуса оказалась втянута в бои на шоссе Минск — Москва и отходила в направлении на Оршу. Немедленно вывести ее из боя не удавалось. Одновременно последовало немецкое наступление в «смоленских воротах». В нем были задействованы 7-я и 12-я танковые дивизии 3-й танковой группы. Как и везде на фронте обороны Второго стратегического эшелона, стрелковые дивизии 20-й армии в «смоленских воротах» занимали чрезмерно широкие полосы обороны. Сосредоточенный удар двух немецких дивизий привел к прорыву советского фронта. Контрудары 5-го мехкорпуса по прорвавшимся немецким танкам имели лишь частичный успех. Быстрого прорыва на восток не произошло, но фронт медленно откатывался назад. Создалась угроза прорыва к Витебску с тыла. Также вдоль шоссе Минск — Москва к Орше подходили части 2-й танковой группы. В связи с этим советским командованием ожидался прорыв вдоль шоссе или же попытка форсирования Днепра. Южнее Смоленска подвижных резервов не было. Все это заставило советское командование разворачивать 7-й мехкорпус обратно, возвращать его в «смоленские ворота» и под Смоленск. Обратный марш через Витебск был уже не столь величественным. Танков теперь было уже существенно меньше. На их броне сидели перевязанные танкисты и мотострелки. За прошедшие несколько дней они пережили очень многое. Все они как-то повзрослели и посерьезнели. Немыми свидетелями бушевавшего сражения были попадавшие в колоннах немецкие трофейные автомашины и полугусеничные тягачи.

Искушение не таранить в лоб немецкие плацдармы, конечно же, очень велико. Однако это будет так же мало похоже на реальный 1941 г., как и отказ от охоты на «парашютистов». Собственно, это было общепринятой практикой. Немцы атаковали плацдармы с тем же ожесточением, даже в 1945 г. Помимо ликвидации самого плацдарма как угрозы атаки также преследуют цель высвобождения своих подвижных частей, избавление их от того, чтобы сидеть у плацдарма как сторожевой пес. Даже если противник снимет свои подвижные части с плацдарма и перебросит на другое направление. Решение проблемы потерь лежало не в плоскости отказа от атак занятого противником плацдарма, а в плоскости повышения эффективности атак на него. Примером здесь может служить ликвидация алытдамского плацдарма в завершающей фазе Восточно-Помоханской операции в марте 1945 г.

«Крепости» вступают в бой

Разреженная оборона на рубеже Днепра южнее Орши позволила 2-й танковой группе форсировать реку и развернуть наступление в направлении Смоленска и далее на восток. Только своевременная переброска под Смоленск частей 7-го мехкорпуса помогла 16-й армии удержать город.

Однако, разрядив обстановку в одной точке фронта, командование столкнулось с постепенным развалом обороны в другом. Западный фронт был словно Тришкин кафтан, расплывшийся то там, то здесь. Фронт обороны армий Второго стратегического эшелона был слишком широк для построения устойчивой обороны. Уход подвижного резерва вскоре привел к повторному «вскрытию» плацдармов у Уллы и Бешенковичей. Теперь вместо стремительного броска вперед наступление продвигалось очень осторожно. Попытка немцев взять Витебск кавалерийским наскоком провалилась. Колонна «Прага» 38(t), подошедшая к городу с запада, была встречена ураганным огнем. Несколько немецких танков

Танк Pz.III, подбитый на подступах к Могилеву. Город Могилев реальным летом 1941 г. стал импровизированной «крепостью» Краевой армии

сразу же запылали, подбитые с дальней дистанции. Передовой отряд развернулся в боевые порядки, была вызвана авиация. Однако несколько часов боя не принесли атакующим успеха. Вкопанный и замаскированный КВ у шоссе отделался несколькими царапинами на броне. Чтобы не снижать темп наступления, германские танковые колонны устремились в обход Витебска. Считалось, что штурм города танками приведет лишь к напрасной потере времени. 3-я танковая группа устремилась на восток в направлении Ярцево, замкнуть кольцо окружения советских войск под Смоленском.

Сохранение за собой поля боя позволило защитникам Витебска восстановить боевые машины, которые в другом случае оказались бы потеряны безвозвратно. Среди таковых был танк КВ-2, опрокинувшийся на подъеме у моста через Западную Двину. Если бы город оказался оставленным, он бы стал немецким трофеем. В блокированной, но не сдававшейся «крепости» 50-тонный гигант был титаническими усилиями возвращен в вертикальное положение. Застрявший в районе Витебского аэродрома другой КВ-2 14-й танковой дивизии также был вытаскен и отремонтирован.

Начавшееся наступление через Днепр 2-й танковой группы оставляло Оршу в стороне от главного удара немецких войск. Танковая группа Гудериана наступала в направлении Смоленска и Ельни, а также к ярцевским высотам. Сильной стороной обороны Орши стало большое количество танков. Это были не только обычные для «крепостей» окопанные неисправные машины, но и несколько оставшихся в городе танковых взводов и рот из разных дивизий. Здесь были и дизельные БТ-7М из 1-й пролетарской дивизии, и помнившие Халхин-Гол БТ-5 из 5-го мехкорпуса, и Т-34 орловского танкового училища. Это позволило предпринять против подошедшей к городу немецкой пехоты несколько решительных контратак танками и пехотой. Эти контратаки сдержали первый натиск на город и заставили немецкие части оставить мысль о его немедленном штурме. Когда бои затихли, подбитые машины были вытаснены с ничейной полосы. Некоторые удалось отремонтировать, некоторые заняли место в капонирах как неподвижные огневые точки. Настоящим подарком для гарнизона «крепости Орша» стали оставленные на станции эшелоны с боеприпасами. Ориентированная преимущественно на поддержку наступления танковых групп немецкая авиация на какое-то время оставила Оршу в покое. В результате хаоса и неразберихи на путях этого крупного железнодорожного узла скопилось множество вагонов с боеприпасами разных типов. Поскольку было件件но, что бомбардировки лишь временно прекратились, вагоны начали спешно разгружать и раздавать патроны и снаряды в войска. Сплошной фронт отсутствовал, и пространство к востоку от Орши на какое-то время стало ничейным. Высланные вдоль железной дороги разведчики обнаружили на путях эшелон с боеприпасами. После короткого ремонта путей он был притащен в Оршу. Это приобретение стало большой удачей — в эшелоне оказались снаряды к 37-мм автоматическим зенитным пушкам.

На Могилев была первоначально развернута 3-я танковая дивизия XXIV корпуса. 11 июля она находилась уже в 20 км

к юго-западу от Могилева. Утром 12 июля дивизия подошла к западной окраине города. Однако атака танков и пехоты на город потерпела неудачу. Немецкий мемуарист впоследствии писал об этом эпизоде: «Противник оказался намного сильнее, чем ожидалось». Это был один из первых успехов советских войск. В Могилев по этому случаю прибыли корреспонденты центральных газет. Они собственными глазами увидели подбитые танки врага. Снимок кладбища немецкой техники был позднее помещен в «Известиях»¹.

С началом немецкого наступления через Днепр в середине июля 1941 г. части XXIV и XXXXVI моторизованных корпусов Гудериана, обойдя Могилев с двух сторон (XXXXVI корпус — севернее, XXIV корпус — южнее города), соединились в городе Чаусы. Тем самым было замкнуто кольцо окружения вокруг оборонявшейся в районе Могилева группировки советских войск. Началась осада «крепости Могилев».

Вскоре после начала осады начались ночные полеты в «крепости» самолетов ВВС Красной армии. Поначалу до них добирались даже бипланы Р-5 и У-2. Снабжение по воздуху на тот момент еще не было острой необходимостью. В крепость доставлялись медикаменты, обратно вывозились раненые. В Оршу доставили по воздуху запасные стволы к 37-мм зениткам и запчасти для танков. В Витебск по воздуху гражданскими «Дугласами» прибыло дизельное горючее для танков новых типов. Комиссар оборонявшей Могилев стрелковой дивизии впоследствии писал о снабжении по воздуху: «Это была не только большая материальная, но и моральная поддержка. Воины дивизии чувствовали неразрывную связь со всем народом, воочию убеждались, что командование фронта и Верховное Главнокомандование, несмотря на сложность общей обстановки, не забывали о защитниках Могилева»².

¹ Реальный факт из истории обороны Могилева. Эпизод также описан у К. Симонова.

² Реальные слова одного из защитников Могилева.

Первый раунд сражения за «крепости» остался за Красной армией. Атаки подвижных соединений на города-«крепости» их гарнизоны успешно отразили. Потери городов вследствие паники удалось избежать. В итоге к середине июля 1941 г. германское командование оказалось перед лицом сразу нескольких «крепостей». Железнодорожные узлы в Витебске, Орше и Могилеве оставались под контролем отошедших в эти города частей Красной армии. Это означало, что пропуск эшелонов с боеприпасами, горючим и другими предметами снабжения в районы восточнее Днепра существенно затруднен. Приходилось опираться практически исключительно на автотранспорт.

Еще одним последствием формирования цепочки «крепостей» Красной армии на пути наступления группы армий «Центр» стало отвлечение пехоты на их штурм. Соответственно, VI армейский корпус пришлось задействовать против Полоцкого укрепрайона, XX армейский корпус — против Витебска, V армейский корпус — против Орши, VII армейский корпус — против Могилева. Вслед за танковыми группами Гудериана и Гота двигались только IX, VIII и XIII армейские корпуса. Традиционная для германской военной машины смена пехотой подвижных частей на занятых ими рубежах стала пробуксовывать.

После подхода к Витебску немецкой пехоты XX армейского корпуса последовала еще одна попытка захвата города стремительным ударом. После короткого артиллерийского налета в наступление двинулись «Штурмгешюцы», за которыми осторожно двигались пехотинцы. Первый же подбитый «Штурмгешюц» заставил атаку остановиться. Самоходка была подбита выстрелом в лоб. Ответный огонь остальных самоходов успеха не имел, неизвестная противотанковая пушка продолжала вести огонь. Организованный штурм последовал через несколько дней. Немцам удалось вскрыть позицию вкопанного у шоссе КВ и накрыть его гаубичным огнем. Прямым попаданием 50-килограммового «чемодана» машина

Подбитый под Ярцево немецкий танк Pz.II из состава 7-й танковой дивизии

была выведена из строя. Испытывавшая нехватку боеприпасов артиллерия защитников города молчала.

Штурм «крепостей» начался практически одновременно — в двадцатых числах июля 1941 г. Подошедшие с запада армейские корпуса обложили «крепости» со всех сторон и начали методичный штурм узлов сопротивления, мешавших полноценному снабжению группы армий «Центр». К атакам привлекалась авиация.

Примерно в это же время состоялись переговоры Сталина с главнокомандующим войск Западного направления маршалом Тимошенко. Сталин озвучил следующую идею:

«Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах. Избрать направление и заставить противника перестроить свои ряды по воле нашего командования. Вот, например, нельзя ли [в группе] из трех дивизий

Хоменко, трех дивизий орловских, одной танковой дивизии, которая уже дерется под Ярцевом, и одной мотодивизии добавить, может, еще две-три дивизии из резервной армии, прибавить сюда кавалерию и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу. Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами»¹.

В условиях существования «крепостей» фраза «отогнав за Оршу» означала деблокирование «крепости Орша», а в перспективе и других «крепостей» на линии Западной Двины и Днепра. Поскольку в этот момент значительные силы пехоты группы армий «Центр» оказались скованными штурмом «крепостей», момент для контрудара был выбран достаточно благоприятный. На боеспособности вырвавшихся вперед танковых групп также сказывалось большое плечо подвоза боеприпасов и горючего ввиду блокирования железнодорожных узлов.

Под ударами сформированных по приказу Сталина оперативных групп удалось удержать позиции только 2-й танковой группе Гудериана. Для отражения наступления группы Качалова с запада был спешно подтянут оставшийся свободным IX армейский корпус Г. Гейера. Куда худшей была обстановка в полосе действий 3-й танковой группы. Высвобождение подвижных соединений группы Гота с периметра Смоленского «котла» только начиналось. Крупные силы пехоты, следовавшей за 3-й танковой группой, оказались скованными под Полоцким УРом, под Витебском и Оршей. Решительные атаки оперативной группы Рокоссовского снаружи «котла» и остатков 7-го мехкорпуса изнутри «котла» вынудили Гота скрепя сердце отдать приказ на отвод XXXIX корпуса с ярцевских высот. Над вклинившимися в

¹ Такой разговор действительно имел место. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 83.

Завязшие в осенней грязи автомашины. На переднем плане — советский грузовик ГАЗ-АА, «полупторка». Период распутицы неизбежно означал снижение темпов операций и серьезные трудности для обеих воюющих сторон

районе Ярцево частями корпуса нависла реальная угроза окружения. Коммуникации 16-й и 20-й армий под Смоленском оказались освобождены.

Как мы видим, «крепости» позволяют внести существенные коррективы в результаты Смоленского сражения. Выстраивается цепочка: линии снабжения блокированы — снабжение танковых групп ухудшено — требуется штурм «крепостей» — пехота отстает — смена танковых групп пехотой затягивается — передовые позиции танковых групп становятся уязвимыми. Все это в целом приводит к затягиванию борьбы за Смоленский «котел».

Отступление от Ярцево вызвало бурю возмущения в Берлине и сделало освобождение коммуникаций одной из приоритетных задач. Однако штурм «крепостей» длился намного дольше, чем рассчитывали штурмующие. Каждая из них продержалась от недели до двух. Если бы ВВС Красной армии удалось бы обеспечить устойчивое снабжение по воздуху, то

они могли продержаться дольше. Запланированного дебло-кирования «крепостей» не состоялось, и финалом каждого штурма становился прорыв остатков гарнизона. Собирались оставшиеся на ходу танки, последние снаряды артиллерии и чаще всего в сумерках остатки гарнизона шли на прорыв.

Очередная фаза сражения за Смоленск развернулась толь-ко в августе, когда оказались высвобождены армейские кор-пуса, штурмовавшие «крепости», и налажено снабжение. Снова последовали удары по сходящимся направлениям на Яр-цево. Однако на этот раз замыкания «котла» не произошло. Остатки 16-й и 20-й армий отошли от Смоленска на вос-ток. Затягивание боевых действий под Смоленском привело к тому, что запланированный поворот 2-й танковой груп-пы на юг произошел только в сентябре. Кольцо окружения под Киевом замкнулось в последние погожие деньки «бабьего лета».

Я позволю себе оставить открытый финал. Относитель-но реализации «Тайфуна» в условиях распутицы можно много спорить, плохие погодные условия, так или иначе, влияют на обе воюющие стороны.

Выводы

Уже после Победы, 24 мая 1945 г., на приеме в честь ко-мандующих Красной армией И. В. Сталин поднял тост «За здоровье русского народа!» и произнес, в частности, такие слова:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской облас-ти, Карело-Финской Республики, покидала, потому что не было другого выхода».

Далее он даже несколько усилил это утверждение:

«Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением».

Таким образом, признание ошибок 1941—1942 гг. имело место на самом высоком уровне. Советская стратегия 1941 г. вовсе не была безупречной, хотя в целом ее можно признать правильной. Запуск процесса «перманентной мобилизации», активная стратегия — именно этими решениями СССР обязан тем, что германская армия не вышла на линию Архангельск — Астрахань. Даже если не исключать неизбежные ошибки как таковые, в советской стратегии есть что корректировать.

На СССР в 1941 г., так или иначе, работало время. Ответственно, оптимизация стратегии, позволяющая затягивать проводимые немцами операции и смазывать их результаты. Затягивание процесса продвижения к Москве до осени означает вхождение в период распутицы, которая неизбежно влияет на темпы проводимых операций. Более эффективные контрудары мехкорпусов, «крепости» в узлах железных дорог могут стать действенным средством изматывания противника и затягивания Смоленского сражения.

Я, конечно, могу понять тех, кто раздумывает об изничтожении «подлеца Гудериана»¹ силами 6-го мехкорпуса (больше тысячи танков! 114 КВ! 238 Т-34!). Однако это изничтожение должно быть объективно обусловлено. Во-первых, в июне 1941 г. 2-я танковая группа Гейнца Гудериана насчитывала 181 752 человека. 6-й механизированный корпус М. Г. Хацкилевича, несмотря на 1000 танков, — 24 005 человек. При таком соотношении сил надеяться на изничтожение по меньшей мере странно.

¹ Копирайт на это наименование принадлежит А. И. Еременко. Данное определение было им озвучено в ходе переговоров со Сталиным в 1941 г.

Во-вторых, такое изничтожение должно быть объективно обусловлено. Для этого нужно было хотя бы вовремя узнать, что под Брестом действует танковая группа в составе трех моторизованных корпусов. Это командование Западного фронта выяснило уже слишком поздно, да и то случайно, ввиду захвата немецкой штабной карты. Избиение авиации Западного фронта на аэродромах привело к тому, что его штаб попросту «ослеп» и не имел объективных данных воздушной разведки о перемещениях противника. Те немногие самолеты, которые еще летали, упирались в «зонтик», организованный над 2-й танковой группой истребителями 51-й истребительной эскадры Мельдера (JG51). Поэтому об изничтожении «подлеца Гудериана», если мы хотим хоть в какой-то мере следовать реальности, нужно забыть. Реальным вариантом является организация для Гудериана «припятской проблемы» — уход в труднопроходимые леса и болота с последующими вылазками на коммуникации танковой группы. Это тот реальный уровень проблем, который можно создать 2-й танковой группе силами и средствами, имевшимися в распоряжении командования 4-й армии и Западного фронта.

В свою очередь, продуманная оборонительная стратегия в ходе борьбы за рубеж Западной Двины и Днепра (контрудары из глубины 5-м и 7-м мехкорпусами, «крепости») создает предпосылки для результативного контрнаступления оперативных групп в конце июля и начале августа 1941 г. Есть веские основания считать, что окруженные под Смоленском армии удастся деблокировать в случае сковывания части сил немцев «крепостями» и ухудшения условий снабжения из-за них же («крепостей»). Это вряд ли позволит избежать Киевского «котла» (до начала периода распутицы остается еще много времени), но делает сомнительным успешное проведение «Тайфуна». Во всяком случае, тех результатов, которые были достигнуты немцами в реальном октябре 1941 г., ожидать не приходится.

Чем дальше в прошлое уходят те или иные исторические события, тем больше нам кажется, что по-другому и быть не могло. Однако под лозунгом «история не знает сослагательного наклонения» мы начинаем забывать, что в 1941 г. речь шла о физическом выживании СССР и его жителей. Угроза военного поражения была вполне реальной, и только титанические усилия народа и цепочка правильных решений со стороны руководства страны позволили СССР выстоять. Если об этом хотя бы на минутку забыть, то на поле забвения сразу же вырастают сорняки типа «СССР спасли ошибки Гитлера» и «блицкриг» был поглощен территорией». То есть И. В. Сталину, Г. К. Жукову, С. К. Тимошенко и многим другим можно было сесть на завалинке и ждать, когда немецкий «блицкриг» будет поглощен бескрайними просторами европейской части СССР.

Задача разгрома развернутой и мобилизованной французской армии в 1940 г. при численном превосходстве союзников была не менее сложной, чем разгром неотмобилизованной и недоразвернутой Красной армии в 1941 г. Однако в среде германских штабистов нашелся такой человек, как Манштейн, который придумал, как заставить союзников врасплох и разгромить их. Однако разработ-

¹ Schwerpunkt — центр тяжести, участок [направление] главного удара; главное направление; ударная группа. Военный немецко-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1945.

ка Манштейна была отнюдь не первым вариантом плана «Гельб». Если бы была реализована одна из этих предыдущих разработок, война на Западе вполне могла закончиться для фюрера провалом. Точнее, вместо «блицкрига» получилась бы затяжная война на истощение. Мы вполне могли никогда не узнать о существовании идеи броска через Арденны к Ла-Маншу.

Точно так же у нас нет гарантии, что было невозможно придумать план войны с СССР столь же эффективный, как предложенный Манштейном для Франции «удар серпом». Это ни в коей мере не умаляет заслуг Красной армии в срыве «Барбароссы». Оказавшись в изначально невыгодных условиях, советское командование смогло сопротивляться достаточно энергично, чтобы недостатки немецкого плана войны с СССР вылезли наружу.

«Шверпункт»

Почему план «Гельб» привел к падению Франции, а план «Барбаросса» не привел к краху СССР? Версию о том, что французы не хотели воевать, оставим на совести французских военачальников, которые, собственно, стали первоисточником этой незатейливой точки зрения. Их можно понять: в противном случае обвинение в провале было бы предъявлено им самим. В действительности Франция была вчистую разгромлена на поле боя. Произошло это как вследствие стратегических и тактических ошибок французского командования, так и в результате правильной стратегии и тактики немцев. Немцы сосредоточили крупные танковые силы и ударили там, где их не ждали. Французы не смогли организовать оперативного контрудара во фланг и тыл прорывающейся к Ла-Маншу танковой группе.

Помимо промахов в ведении операции, французское командование вступило в нее в невыгодной конфигурации сил. Собственно, стратегическая ошибка, подобная

выдвижению крупных сил французской армии (включая элитные соединения) на рубеж реки Диль, имела место и в случае с СССР. Советским политическим руководством не была нажата «красная кнопка», запускающая процесс мобилизации и развертывания РККА. То есть свой вклад в возможное поражение СССР с советской стороны был уже сделан. Однако нельзя сказать, что немецкое командование в полной мере воспользовалось этим очень серьезным промахом.

Одним из ключевых моментов германской военной доктрины было понятие «шверпункта» — точки приложения основных усилий. Немецкий военачальник Гинденбург в свое время сказал: «План без «шверпункта» — это все равно что человек без характера». Если мы проследим эволюцию плана «Гельб», то увидим, что он постепенно эволюционировал в направлении ярко выраженного «шверпункта». В директиве от 29 октября 1939 г. было два «шверпункта». В директиве от 30 января 1940 г. было аж три «шверпункта». Только в директиве от 24 февраля 1940 г. появился один ярко выраженный «шверпункт». Это был удар танковой группы Клейста в составе пяти танковых дивизий. План «Гельб» получил свой «характер» в том смысле, в котором его понимал Гинденбург.

В мае 1940 г. во Франции тоже было три группы армий: «А», «Б» и «Ц». Семь из девяти танковых дивизий были в группе армий «А», оставшиеся две — в группе армий «Б». Причем последние были позднее переданы в группу армий «А». Группа армий «Ц» Лееба, стоявшая перед линией Мажино, вообще не имела ни одной танковой дивизии. В реальной «Барбароссе» в группе армий «Север» было три танковых дивизии, в группе армий «Центр» — девять танковых дивизий, в группе армий «Юг» — пять танковых дивизий. При этом следует учесть, что из трех танковых дивизий в группе армий «Север» две были на чешских танках, а в группе армий «Юг» не было ни одной танковой дивизии, вооруженной танками чехословацкого произ-

водства. Таким образом, несмотря на то что группа армий «Центр» была сильнее своих соседей, ярко выраженного «шверпункта» все же не наблюдается.

Разумеется, географические условия СССР заставляли задумываться о нескольких изолированных направлениях, каждое из которых имело свой «шверпункт». Поэтому с точки зрения учета географических условий план «Барбаросса» был достаточно разумным. Но блистательности плана Манштейна в нем все же не было. План «Барбаросса» был хорош для обычной войны. Германии же нужен был план быстрого сокрушения противника с максимальным использованием момента внезапности.

В случае с Францией «шверпунктом» был удар крупных масс танков через Арденны к Ла-Маншу, отрезающий войска союзников в Бельгии от главных сил французской армии. Это была достаточно прозрачная и понятная цель. В случае с СССР тоже вполне определенно просматривается ряд «шверпунктов», на которых возможно сосредоточить все усилия. Первым из них можно назвать собственно Красную армию. Быстрый, молниеносный разгром ее главных сил вполне мог сделать поход на Восток очередным «блицкригом». Уже на одном из первых совещаний у главнокомандующего сухопутных войск Германии по вопросу планирования войны с СССР (22 июля 1940 г.) было сказано: «Необходимо разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов авиации противника». Однако Красная армия была трудной целью. Советское руководство обладало незаурядным умением накапливать резервы и восстанавливать силы после тяжелых поражений. Командующий 3-й танковой группой Герман Гот позднее писал: «Приходилось довольствоваться следующим заключением: несмотря на все победы, нельзя предотвратить восстановления русской армии». Тем самым Гот косвенно указывал

на возможности советской «перманентной мобилизации», которая в итоге похоронила «Барбароссу».

Еще одним очевидным «шверпунктом» была Москва. Чем же была Москва для СССР? Обычно на первое место ставится политическое значение советской столицы. Безусловно, потеря Москвы была бы серьезным ударом по престижу советской власти и лично И. В. Сталина. В отличие от 1812 г., когда Москва была просто важным и крупным городом, в 1941 г. здесь была столица страны. Сообщение о потере Москвы, скорее всего, привело бы в уныние значительную часть населения СССР.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что государственный аппарат вряд ли бы остановился просто ввиду захвата столицы. Как известно, на случай потери Москвы предусматривалась эвакуация правительства в Куйбышев. Столицу, впрочем, можно было разместить хоть в Вологде. Однако Москва была для СССР не просто городом, в котором располагались министерства и сидел Сталин, это был центр коммуникаций. Причем следует отметить, что германское командование это прекрасно осознавало. Так, в Директиве № 21, т.е. плане «Барбаросса», прямым текстом указывалось: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

Если мы посмотрим на карту железных дорог СССР образца 1941 г., то увидим, что крупные магистрали сходятся к Москве. На практике это означает, что перевозки из портов на севере страны, куда приходили арктические конвои, осуществлялись через Москву. Волховский фронт под Ленинградом также снабжался через Москву. Танки с Урала для войск Волховского и Северо-Западного фронтов везли опять же через Москву. Легкие танки и автомашины из Горького везли через Москву. Более того, даже если Ленинград не будет блокирован, перевозки танков КВ для остальных фронтов будут сопряжены с большими трудно-

Москвичи копают окопы на улицах столицы. К счастью, в реальном 1941 г. они не понадобились

стями. Не меньшие трудности составит снабжение Кировского завода сырьем для производства тяжелых танков. То же самое можно сказать об автомагистралях Страны Советов. Более того, к Москве сходились основные ВАД, т.е. военные автомобильные дороги, по которым шло снабжение войск. Обходные маршруты по шоссе и железным дорогам существовали, но их пропускная способность была намного ниже, чем магистралей, сходявшихся к Москве. Поэтому захват немцами Москвы существенно ухудшил бы условия снабжения всех фронтов вооружением и техникой.

Несмотря на эти достаточно очевидные соображения, германское военное планирование колебалось относительно места Москвы в кампании против СССР. Начальник отдела обороны страны ОКВ Вальтер Варлимонт описал их так: «Если ОКХ [Главное Командование Сухопутных войск. — А.И.] считало критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то Гитлер потребовал, чтобы централь-

Баррикада в Москве на Смоленской улице. Она так и осталась укреплением, построенным «на всякий случай»

ная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду во взаимодействии с северной группировкой уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву»¹. Таким образом, изначально в «Барбароссу» закладывались метания в направлении флангов.

При этом нельзя сказать, что немецкие военачальники не задумывались о значении Москвы. Констатируя сложность задачи уничтожения Красной армии, Герман Гот делал следующий вывод: «Не гнаться за экономическими целями, а точно определить политическую цель — настолько ослабить военную и политическую мощь России, чтобы ее повелитель вынужден был пойти на переговоры. Тогда целью войны и целью операции была бы Москва».

¹ Прохтор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939—1945. М.: Наука, 1972, стр. 252 со ссылкой на W. Warlimont Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939—1945. Frankfurt a/M., 1962, S.152.

Действительно, экономические цели «Барбароссы» были актуальны скорее для периода после завершения войны с СССР или хотя бы ее активной фазы. Во всяком случае, захват Донецкого бассейна вряд ли бы оказал немедленное влияние на обстановку на фронте. Соответственно, немедленное решение задачи захвата Донбасса представляется избыточным условием для военного плана быстрого сокрушения Советского Союза. Столь же переоцененным является необходимость вывода из-под удара советской авиации целей на территории Германии и ее союзников. Нужно просто задать себе вопрос: будет ли у образования, оставшегося на месте СССР, достаточно политической воли для производства и применения стратегической авиации?

Собственно, в ходе своего броска к Ла-Маншу танковая группа Клейста в мае 1940 г. никакие экономические цели не преследовала. Решение Французской кампании было найдено в оперативной плоскости. Был разработан план, позволяющий решить исход войны одной операцией. Можно даже сказать, что это была операция со стратегическими целями. При этом план «Гельб» в том виде, в котором он был реализован, появился далеко не сразу. Блистательное решение было разработано Манштейном после того, как уже была подготовлена череда более тривиальных решений. Ввод в действие плана «Гельб» в том виде, в котором он впервые был проработан осенью 1939 г., вряд ли бы привел к такому оглушительному успеху, какой имел место в реальном мае 1940 г. Такое же смелое решение требовалось для плана «Барбаросса».

Конечно, следует признать, что Красная армия была более энергичным и деятельным противником, чем французы. Чрезмерная медлительность и методичность французских генералов при подготовке контрударов чаще всего приводили к их безнадежному запаздыванию. Напротив, РККА чаще всего демонстрировала энергичный и агрессивный стиль ведения боевых действий. Германские плац-

дармы чаще всего атаковывались с неукротимой энергией. Этот стиль был продемонстрирован еще Г. К. Жуковым на Баин-Цагане в начале июля 1939 г. Впрочем, на этапе планирования войны с СССР немцы еще об этом активном характере РККА не знали и делали выводы преимущественно по итогам «зимней войны».

Вообще говоря, именно скудные сведения о Красной армии были главным препятствием к тому, чтобы сделать советские Вооруженные силы «шверпунктом» «Барбароссы». Одной из слабостей германского военного планирования в период подготовки войны с СССР были весьма размытые представления о численности и возможном характере действий противника. Эти вопросы встали с особой остротой после того, как от общего замысла германское военное планирование перешло к постановке конкретных задач группам армий. Так, на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г., главнокомандующий германских вооруженных сил фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

Уже тогда, в январе-феврале 1941 г., этот тезис вызывал сомнения в среде Высшего германского командования. Вскоре после совещания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на самых общих рассуждениях. В действительности, как мы знаем, это предположение оказалось ложным. Красная армия оказалась упреждена в развертывании, и советское командование, даже если бы захотело, не могло бы дать сражение к западу от Западной Двины и Днепра. В район

к западу от этих рек попали только армии особых округов. Соответственно, в реальном июле 1941 г. Смоленское сражение развернулось на рубеже Западной Двины и Днепра, а также к востоку от него. Одним словом, в реальности Красная армия дала бой совсем не там, где предполагал фон Браухич.

Произошло это вовсе не потому, что советское командование переиграло фон Браухича. Никакой мифический Штирлиц на совещании 31 января 1941 г. не присутствовал, пространную шифровку не составлял и о взглядах Браухича не докладывал. Собственно, с точки зрения реальных советских предвоенных планов предположение Браухича вполне соответствовало действительности. Красная армия действительно собиралась сосредоточить главные силы в трех приграничных округах и дать бой к западу от Западной Двины и Днепра. Однако, ввиду упреждения РККА в мобилизации и развертывании, эти планы не были реализованы. Предвоенное планирование было похоронено, и планы действий разрабатывались на ходу сообразно сложившейся катастрофической обстановке.

Все то же самое можно сказать о немецких оценках численности Красной армии. Так, на начальном этапе планирования операции «Барбаросса», в августе 1940 г., силы Красной армии оценивались следующим образом. Предполагалось, что советские вооруженные силы на западе насчитывают 96 стрелковых, 23 кавалерийские дивизии и 28 танковых бригад. В действительности Красная армия в августе 1940 г. насчитывала на западе (в европейской части страны) 143 стрелковых, 10 кавалерийских, 7 моторизованных и 16 танковых дивизий, а также 15 танковых бригад. При таких грубых ошибках в численности войск противника трудно делать его армию «шверпунктом» операции. К тому же с началом боевых действий все эти оценки вообще потеряли всякую ценность ввиду раскручивания советским руководством маховика «перманентной мобилизации». Мне могут возразить: «Но ведь немцы тогда не

знали реальной численности войск противника!» На это можно заметить, что немецкая разведка сталкивалась со значительными трудностями при работе в СССР. Сами по себе сложности в процессе добычи информации об армии противника заставляли задуматься: а стоит ли ее делать главной целью операции?

Из анализа германского предвоенного планирования приходится сделать парадоксальный с точки зрения сложившихся стереотипов вывод: план «Барбаросса» вовсе не рассчитывался на упреждение Красной армии в мобилизации и развертывании. Разумеется, германским военным и политическим руководством предпринимались титанические усилия по сохранению в тайне своих планов. Однако реальный эффект от кампании дезинформации оказался выше ожидаемого. 5 декабря 1940 г., представляя фюреру план операции «Отто» (первоначальное название плана войны с СССР), Гальдер отмечал, что вряд ли удастся сохранить в тайне от противника немецкие приготовления после начала или середины апреля 1941 г. Тогда войну с СССР предполагалось начать в мае 1941 г. То есть примерно за месяц до завершения сосредоточения германских войск для удара по СССР советское руководство должно было начать принимать контрмеры. В итоге план «Барбаросса» предполагал разгром развернутой Красной армии у границ, к западу от пресловутой линии Западной Двины и Днепра.

Напомню, что замысел плана «Барбаросса» был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»¹. Обращаю внимание на формулировки «основные силы» и

¹ 1941 г. Документы. С. 452.

«отступление боеспособных войск». Определение «основные силы» не очень подходит к сосредоточенным в особых округах советским войскам. Да, в Прибалтийском, Западном и Киевском особых округах было немало танков и самолетов. Но в расчете на число соединений они не были «основными силами». Это определение в большей степени применимо к войскам особых округов и армиям внутренних округов, взятым в совокупности. Достаточно посмотреть на число соединений. В трех особых округах на реальное 22 июня было 75 стрелковых дивизий, в армиях Резерва Ставки (т.е. армиях внутренних округов) было 42 стрелковые дивизии. Еще 59 стрелковых дивизий было в военных округах и недействующих фронтах на Дальнем Востоке.

Задача разгрома «основных сил русских сухопутных войск» не только в прилегающих к границе областях, но и в глубине территории была, прямо скажем, нетривиальной. Она требовала прорыва на большую глубину германских танковых соединений. Операции танковых сил на большую глубину были бы явно неоднозначно восприняты германским командованием. Это уже потом, после нескольких успешных «блицкригов», германскому командованию оптом были приписаны прогрессивные взгляды. В действительности далеко не весь высший командный состав Вермахта осознавал реальные возможности того инструмента, который оказался у них в руках. Возможности Панцерваффе сплошь и рядом недооценивались, особенно на этапе планирования операций.

В подготовительный период «Барбароссы» имели место такие же споры, какие предшествовали Французской кампании. 18 марта 1941 г. фон Бок записывает в своем дневнике:

«Подключение к первой фазе наступления 3-й танковой группы представляет известные сложности. Гот забегаёт вперед, изначально устремляя свой взгляд на позиции русских за Двиной и Днестром, и уделяет недостаточно

внимания сражениям, которые могут развернуться на подступах к этим водным рубежам. Армейское командование, однако, считает, что первейшей задачей бронетанковых групп является оказание помощи полевым войскам в разгроме русских армий, дислоцирующихся на границе. И хотя я во многом солидарен с Готом, мне придется побавить ему прыти. Но он свои позиции без борьбы не уступит. По этой причине я отрядил Трескова в Берлин, чтобы он там выяснил, насколько твердо армейское командование в своих намерениях».

Перед Французской кампанией эти сомнения относительно возможностей танковых соединений к самостоятельным действиям были преодолены. В ходе подготовки к «Барбароссе» ситуация была сложнее.

Складывается впечатление, что германское командование совершенно не было готово к упреждению противника в развертывании. Даже после того, как выяснилось, что на границе не так много советских войск, инерция предвоенного планирования не позволила модернизировать планы. Точнее даже будет сказать, что немцы словно не замечали очевидного. Так, 2 июля Гальдер докладывал Гитлеру состояние дел на Востоке и, в частности, освещал ситуацию в районе Минска. Начальник германского Генерального штаба бодро сообщил, что в результате достигнутого ГА «Центр» успеха противнику не удастся создать на этом участке организованного фронта. Фюрер отнесся к этому заявлению скептически и задал сакраментальный вопрос: «Где в таком случае пленные?» Фон Боку пришлось оправдываться, что 100 000 человек пленных, взятых в «котле» у Белостока и Волковыска, это тоже неплохо.

Решения по-прежнему принимались исходя из предположения, что большая часть Красной армии на Западном ТВД находится к западу от Днепра и Западной Двины. В сущности, советский Западный фронт Д. Г. Павлова был не самой достойной жертвой для двух танковых групп.

Даже заявленная немцами в реальности цифра в 300 тыс. человек пленных заметно отстает от других операций, в которых в бой шли сразу две танковые группы на одном направлении. Удары 1-й и 2-й танковых групп в сентябре 1941 г. привели к крупнейшему окружению в истории войн — Киевскому «котлу». По советским данным, в этот «котел» попало 530 тыс. человек. Наступление 3-й и 4-й танковых групп под Вязьмой в октябре 1941 г. привело к разгрому Западного и Резервного фронтов, в окружение попало почти 600 тыс. человек. В действительности же цифра 300 тыс. пленных под Белостоком и Минском представляется сильно завышенной. По советским данным, только окружено было около 270 тыс. человек, причем значительная часть, около 30—50 тыс. человек, сумела вырваться на свободу.

В истории Второй мировой войны есть операции без крупных окружений, приносившие тем не менее большое количество пленных. Так, в ходе Висло-Одерской операции в январе 1945 г. советские войска взяли почти 140 тыс. пленных, хотя ударов по сходящимся направлениям и «котлов» в ней не было. Точнее, окружения были, но скорее тактические. Более того, в 140 тыс. пленных не попали пробившиеся к своим «блуждающие котлы» из организованно пробивавшихся к своим немецких подразделений. Наиболее известным примером является «блуждающий котел» из остатков корпуса Неринга. Такие «котлы» даже снабжались по воздуху. Реализация «блуждающих котлов» частями и соединениями Красной армии летом 1941 г. представляется почти невероятной. Хотя бы ввиду отсутствия технической возможности снабжать их по воздуху. Немцы в условиях превосходства советских ВВС в воздухе привлекали для сброса парашютных контейнеров самолеты-истребители. Контейнер с боеприпасами, топливом или продовольствием подвешивался на «Мессершмитт» на держатель для 250-кг бомбы. Связавшись по радио с «блуждающим котлом», командование назначало точку

рандеву, в которой сбрасывались парашютные контейнеры.

Масштабы снабжения по воздуху в Красной армии 1941 г. были значительно меньшими. Попытки перебрасывать самолетами боеприпасы, топливо и другие предметы снабжения носили эпизодический характер. К тому же так пытались снабжать статичные «котлы» типа Могилева. О снабжении групп пробивающихся к своим окруженцев речи не было. Им приходилось рассчитывать только на свои силы. Соответственно, недостаток боеприпасов мог означать быстрый разгром в столкновении даже с небольшим отрядом противника. Отсутствие топлива заставляло бросать любой транспорт, в том числе машины с рациями. Поэтому общий развал фронта и глубокий прорыв танковых соединений по модели Висло-Одерской операции создавали условия для попадания в плен даже без крупного окружения. Отходящие по лесам группы неизбежно напарывались на заслоны в узлах дорог и на переправах. Не имея возможности нести на себе запас боеприпасов и тяжелое оружие, такие отряды если и прорывались, то с большими потерями.

Может возникнуть закономерный вопрос: а не злоупотребляет ли автор послезнанием? Раз в действительности германской разведкой не были вскрыты армии Резерва Ставки, то почему они должны возникнуть как цель еще на ранних этапах планирования операции против СССР? Допущение здесь делается несколько в другой плоскости. В поисках лучшего решения за немцев мы обращаем внимание на правильную формулировку целей войны. Вооруженные силы противника — это, конечно, достойная цель. Но Москва как столица и центр коммуникаций представляет собой более заманчивую и реалистичную цель для Вермахта. Все остальное должно быть подчинено этой главной цели. Разгром «основных сил» Красной армии — это лишь один из этапов на пути к Москве. Если советскую столицу будет некому защищать, она будет захвачена.

Сужение целей кампании до захвата Москвы одновременно сужает ту область, в которой требуется уничтожать «основные силы». Ею становится московское, западное направление, т.е. Белоруссия и район Смоленска и Вязьмы. В сущности, если Москва будет достаточно быстро захвачена, ничто не мешает развернуться в сторону флангов. Точно так же в 1940 г. после плана «Гельб», в результате которого были отрезаны и прижаты к морю крупные силы французской армии и английских экспедиционных сил, последовал план «Рот», в результате реализации которого Франция была окончательно разгромлена. После разгрома под Дюнкерком из рядов французской армии были вырваны крупные силы, в том числе подвижные. Это создало благоприятное соотношение сил между немецкими войсками на Западе и оставшейся частью французской армии.

Вообще говоря, слова о Москве как цели №1 прозвучали уже на самых ранних стадиях планирования войны с СССР. Еще 26 июля 1940 г. Гальдер записывает в своем дневнике:

«Кинцель (4-й обер-квартирмейстер): Доклад об основных данных о противнике для операции против России. Из доклада явствует, что наиболее выгодное решение — наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего — обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и Черноморском побережье, которая будет вынуждена действовать с перевернутым фронтом».

Интересно отметить, что эти слова прозвучали вскоре после Французской кампании, в которой был реализован простой, но красивый и эффективный план. Столь же красивой и эффективной представляется высказанная Гальдером идея: сильный удар на Москву из района Варшавы и Восточной Пруссии и последующий поворот в тыл Юго-Западному фронту. Уже осенью план «Барбаросса» стал обрастать изменениями и дополнениями, которые в

итоге привели к ускользанию из него «шверпункта». План получился в целом разумным, но, в терминах Гинденбурга, «бесхарактерным».

Перманентная мобилизация

Недооценка численности Красной армии германским командованием существенно повлияла на результаты летней кампании 1941 г. Однако этот промах был усугублен сильным ответным ходом советского руководства, сделанным на том же поприще строительства Вооруженных сил. Самым сильным решением советского руководства летом 1941 г. стала так называемая «перманентная мобилизация». Именно формирование новых соединений позволяло не только раз за разом восстанавливать фронт после «котлов», но и перейти в контрнаступление в ноябре 1941 г. под Тихвином и Ростовом, а в декабре 1941 г. — под Москвой.

Собственно, вопрос заключается в том, сколько эшелонов соединений, поднятых по «перманентной мобилизации», Вермахт способен перемолоть и не потерять при этом боеспособность. В реальности немцам пришлось столкнуться с тремя эшелонами «перманентной мобилизации». Первыми были дивизии, формирование которых начали вскоре после начала войны. Некоторые из этих дивизий пошли в бой уже в конце июля 1941 г. Второй эшелон составили дивизии летнего формирования, попавшие на фронт осенью 1941 г., в том числе танковые бригады, создание которых началось в августе. Наконец, большой жирный крест на «блицкриге» поставили соединения формирования осени 1941 г., которые образовали костяк войск, перешедших в контрнаступление под Москвой в декабре месяце.

Без вливания свежих сил войска трех групп армий на Востоке могли справиться с одним эшелоном «перманентной мобилизации», т.е. дивизиями летнего формирования, вступившими в бой в июле — сентябре 1941 г.

Новый план: дьявол в мелочах

Для начала альтернативному плану нужно придумать название. «Барбаросса» тут явно не годится, так как это название привязано к вполне определенной реальной операции. Чтобы не вносить путаницы, альтернативный план должен иметь свое название. У немцев была традиция «цветных» кодовых наименований. Так, план войны с Польшей получил наименование «Белый» (Fall Weiss), план наступления мая 1940 г. на Западе — «Желтый» (Fall Gelb). Незанятых цветов в этой линейке осталось немного, но позволю себе выбрать «Серый» (Fall Grau). Итак, предположим, что немецкое военное планирование сохранило ту идею, которая была выдвинута в июле 1941 г., т.е. «наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего — обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и Черноморском побережье». Это означает, что Москва станет «шверпунктом» плана «Грау».

Трудно, конечно, точно просчитать, как распределили бы силы германские штабисты в результате проработки этого плана. Разделение на три группы армий, скорее всего, состоится. Францию атаковали три группы армий. Было бы странно, если бы большее число соединений отправилось в Восточный поход под управлением всего двух групп армий, как это предполагалось в разработке Маркса лета 1940 г. Несомненно также, что две танковые группы на московском направлении будут существенно усилены.

В том случае, если новый план не потребует радикального увеличения танковых сил, количество танковых соединений в Вермахте остается неизменным. Собственно, создание, например, пятой танковой группы представляется утопией. К тому же решение о реорганизации танковых войск последовало задолго до подписания Директивы №21. Это означает, что можно и нужно оперировать теми соединениями, которые имелись в реальном 1941 г.

Усиление группы армий на московском направлении означает, что три моторизованных корпуса вряд ли окажутся в составе группы армий «Юг». Соответственно, можно допустить, что XXXXVIII танковый корпус Кемпфа и XIV танковый корпус¹ фон Виттерсгема окажутся в группе армий «Центр». Пусть первый будет состоять из 16-й и 13-й танковых дивизий и 25-й моторизованной дивизии, а второй — из 9-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС «Викинг». В группу армий «Юг» попадает только III танковый корпус в составе 11-й и 14-й танковых дивизий и 16-й моторизованной дивизии. Выделять один танковый корпус в танковую группу бессмысленно, поэтому танковых групп в плане «Грау» должно быть только три: 1-я в Прибалтике в составе группы армий «Север», 2-я и 3-я — в группе армий «Центр». Соответственно, 2-я танковая группа получает в качестве резерва XXXXVIII танковый корпус, 3-я танковая группа — XIV танковый корпус. Таким образом, силы 2-й танковой группы возрастают до семи танковых дивизий в четырех корпусах, силы 3-й танковой группы — до пяти танковых дивизий в трех корпусах.

Одним из важнейших элементов планирования и подготовки здесь является кадровый вопрос. При подготовке «Барбароссы» команда, успешно сокрушившая Францию в 1940 г., была разбросана по разным группам армий. Наиболее опытный командующий объединением класса «танковая группа» — Эвальд фон Клейст — был направлен на Украину. С одной стороны, Киевский особый военный округ был крепким орешком. Для его сокрушения требовался опыт человека, который еще в 1940 г. командовал танковой группой из нескольких танковых (моторизован-

¹ Я для простоты буду называть корпуса «танковыми» (PzK), несмотря на то что формально они были «армейскими моторизованными корпусами» (AK(mot.)). Обозначение «танковые» достаточно часто встречается в немецких документах уже в июне 1941 г.

ных) корпусов. Уже будучи в советском плену, Клейст охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки¹, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»². Однако на Украине сильный командующий Клейст был буквально подмят под двух харизматичных лидеров — командующего 6-й армией Вальтера фон Рейхенау и командующего группой армий «Юг» Герда фон Рундштедта. С последним Клейст бился за независимость танковой группы еще в мае 1940 г. во Франции. Тогда у него была поддержка Гудериана. В июне 1941 г. Клейст в какой-то мере оказался в одиночестве. Откровенно говоря, ему было уже тесно в роли командующего танковой группой, которую подчиняли армии Рейхенау.

С другой стороны, в Белоруссии и под Смоленском в июле 1941 г. командовать танковой армией довелось такому человеку, как фон Клюге. Этот командующий, как его называли, «клюдер Ханс» (умный Ганс), был неплохим военачальником, но он не слишком подходил для руководства крупными мотомеханизированными соединениями. Командуя 4-й танковой армией, он попросту не справлялся с Готом и Гудерианом одновременно. Был даже момент, когда Клюге слег в постель после очередной битвы с энергичными танковыми командирами. Понятно, что страдали в этом случае в первую очередь интересы дела. Довольно странно, что командовать 4-й танковой армией назначили командующего 4-й полевой армией Клюге. В сущности,

¹ Вероятно, неудачный перевод, скорее всего, имеется в виду «группа армий». — *Прим. автора.*

² Генералы и офицеры Вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М.: МФД, 2009. С. 63.

штаб обычной пехотной армии был просто переименован. Ему только придали больше подвижных средств связи, в том числе связные. «Шторхи». Соответственно, для управления пехотными соединениями, вышедшими из подчинения 4-й армии Клюге, вводился еще один «пехотный» штаб — управление 2-й армии Вейхса.

Создание танковой армии стало необходимым в реальной «Барбароссе», тем более оно будет необходимо в плане «Грау». Хотя бы ввиду возрастания количества танковых соединений на направлении главного удара. Очевидно, что для руководства танковой армией нужен был особый человек. Кто это был? Ответ, на мой взгляд, очевиден — Эвальд фон Клейст. Соответственно, наиболее разумным решением для германского Верховного командования является формирование штаба танковой армии заранее, еще до начала кампании. Она просто должна будет выйти на сцену в нужный момент. В реальном 1941 г. танковая армия унаследовала номер от полевой армии. В плане «Грау» можно изначально присвоить новому объединению номер один, т.е. будет создан штаб 1-й танковой армии.

Сообразно заранее назначенному командующему танковой армией также имеет смысл назначить командующих танковыми группами, наступающими в центре, на московском направлении. Представляется, что лучшими кандидатурами тут являются Георг Рейнгардт (вступивший в Восточную кампанию командиром XXXXI танкового корпуса) и Гейнц Гудериан (действительно назначенный с командира танкового корпуса командующим танковой группой). Эти два танковых командира действовали одной командой во Франции в 1940 г. Рейнгардт позднее, уже осенью 1941 г., был назначен командующим танковой группой. В 1942 г. он стал командующим танковой армией, а к 1944 г. дорос до командующего группой армий «Центр». Собственно, это стало его последним назначением. В сущности, толковый танковый командир большую часть войны прокомандовал пехотными соединениями.

Напротив, для методичного Германа Гота более подходящим назначением является командование 1-й танковой группой на вспомогательном направлении. Для него не было бы столь болезненным подчинение танковой группы полевой армии. В реальном 1941 г. он проявил себя энергичным, но лояльным командиром. Итак, у нас выстраивается альтернативный состав командующих:

- 1-я танковая группа: Г. Гот;
- 2-я танковая группа: Г. Гудериан;
- 3-я танковая группа: Г. Рейнгардт.

Также в тылу группы армий «Центр» по новому плану кампании формируется особый штаб — 1-я танковая армия Э. фон Клейста. Ему же до начала операции подчиняются резервы танковых групп, XXXXVIII и XIV танковые корпуса. Сама же армия будет введена в действие после первых боев, которые покажут реальную группировку и силу сопротивления Красной армии в Белоруссии. Гудериан же получит возможность использовать все три своих танковых корпуса в первом ударе.

Имея такого сильного союзника, как Клейст, танковые командиры смогли бы отстоять самостоятельность своих соединений. Схема ввода в бой танковых групп могла быть оптимизирована под задачу глубокого прорыва через неплотно занятые пограничные укрепления. Соответственно, наилучшим вариантом представляется следующий. Полоса наступления обеих танковых групп занимает одна-две пехотными дивизиями, которые лишь оказывают содействие в прорыве. Исключение составляет только Брестская крепость, для штурма которой будет выделена пехотная дивизия. Остальные пехотные дивизии в полосах наступления танковых групп остаются в глубине. Они втягиваются на советскую территорию только после ухода танковых групп в прорыв. В реальном 1941 г. совместное наступление пехоты 9-й армии и 3-й танковой группы привело к сужению полос наступления и сокращению числа используемых для наступления танковых соедине-

ний дорог. Если же из двух левофланговых пехотных корпусов 9-й армии оставить только по одной дивизии, то 3-я танковая группа сможет прорываться на широком фронте к Неману. После преодоления приграничных укреплений и прорыва в глубину построения советских войск в Белоруссии танковые группы под управлением штаба танковой армии устремятся дальше на восток.

Может возникнуть вопрос: а в чем выигрыш? Ведь в действительности Смоленское сражение началось, когда не все части дивизий 22, 20 и 21-й армий заняли назначенные им позиции. Однако есть существенная разница между неприбывшим батальоном и неприбывшим полком. Обстановка летом 1941 г. могла существенно измениться буквально в считанные дни. Например, Полоцкий УР стал в реальном 1941 г. «крепким орешком». Попытки взять его штурмом силами 3-й танковой группы потерпели неудачу. Сопrotивление занимавших этот укрепрайон частей Красной армии было сломлено немцами только с подходом пехотных дивизий. Однако приказ занять ДОТы 174-я дивизия Зыгина получила только 29 июня. Он предписывал: «К рассвету 30.6 занять все ДОТы гарнизонами, приведя их в боевую готовность». Соответственно, если бы 28—29 июня даже чехословацкие танки 38(t) 3-й танковой группы подошли к Полоцкому УРу, у них были бы все шансы на его быстрое преодоление. Без полевого заполнения ДОТы бы продержались недолго.

Как нетрудно догадаться, это не единственный пример. Так, 117-я стрелковая дивизия полковника С. С. Чернюгова прибыла в район Жлобина только 3 июля 1941 г. Она заняла оборону по восточному берегу реки на фронте аж 25 км с сохранением небольшого плацдарма на западном берегу реки в районе собственно Жлобина. То есть до 3 июля 1941 г. оборонять рубеж Днепра под Жлобином было почти некому. Командовавший в 1941 г. 186-й стрелковой дивизией 22-й армии генерал Н. И. Бирюков вспоминал, что «3 июля 170-я стрелковая дивизия закончила

прием от нас укрепленного района». До этого, как писал Бирюков в статье в ВИЖе, ему пришлось «Себежский УР до прибытия 170-й стрелковой дивизии оборонять 238-м стрелковым полком». Себежский УР — это, на минутку, 65 км по фронту. Пусть даже полк 186-й дивизии занимал не весь этот фронт. Плотность обороны до первых дней июля, как мы видим, была просто чудовищно низкая. При таких плотностях вытянутые в линию части армий внутренних округов были бы просто разорваны в клочья подошедшими с запада танковыми корпусами.

Как мы видим, даже несколько дней могли радикально изменить обстановку. Между тем командующий 3-й танковой группой Гот поставил вопрос о рывке к Западной Двине еще 23 июня 1941 г. Тогда его предложение отклонили, перенацелив 3-ю танковую группу на Минск. Минский УР передовые части Гота атаковали уже во второй половине дня 25 июня. Так что оценка времени прорыва к Полоцкому и Себежскому УРам как 27—28 июня не представляется чересчур оптимистичной. Задержка немецких танковых соединений под Минском в реальном июне 1941 г., по большому счету, сыграла на руку советскому командованию. Было выиграно время на сосредоточение армий внутренних округов на рубеже Днепра. В свою очередь, они дали бой на рубеже Днепра и под Смоленском и выиграли время на формирование новых соединений. Если же вместо Минска танковые дивизии устремятся дальше на восток, сценарий развития событий будет совсем другим. В сущности, это будет классическая операция вторжения, нацеленная на срыв мобилизации и развертывания противника, о которой грезил многие генштабисты с момента появления массовых армий.

По какому же сценарию могли бы развиваться события в случае принятия к исполнению немецким руководством гипотетического плана «Грау»? Мы можем их смоделировать, опираясь на историю реального 1941 г. Бои того страшного лета дают нам достаточно материала для рас-

чета возможного хода боевых действий в несколько измененных условиях. Представьте, что нижеследующие строки — это текст из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Катастрофа, которая могла случиться

Район Брестской крепости был «ахиллесовой пятой» Западного особого военного округа, да и всей линии армий прикрытия. В Брестской крепости были сосредоточены части сразу двух стрелковых дивизий, предназначенных для занятия обороны в районе Бреста. Утром 22 июня эти части оказались в «мышеловке»: их не успели вывести из крепости к началу боевых действий. Если на других участках границы дивизии армий прикрытия подтягивались из глубины и вступали в бой с вторгнувшимся на территорию СССР противником, под Брестом позиции остались практически незанятыми. Одна пехотная дивизия заперла в «мышеловке» старой крепости те войска, которые могли оказать противодействие удару танков Гудериана. Поэтому на пути самой мощной танковой группы оказались только пулбаты¹ Брестского УРа и разрозненные части стрелковых дивизий 4-й армии. Они не смогли даже воспользоваться теми преимуществами, которые давала им местность.

Одним из преимуществ атаки крупной массой является распределение шансов на удачу между несколькими игроками. Один из них может вытянуть выигрышный билетик, даже если двое других останутся ни с чем. Именно по такому сценарию развивались события под Брестом. Форсировавший Буг «ныряющими» танками XXXXVII танковый корпус завяз на переправах к северу от города. Труднопроходимая местность сильно замедлила переправу танков. Лесисто-болотистая местность также существенно

¹ Пулеметные батальоны.

задержала XXIV танковый корпус к югу от Бреста. Однако XXXXVI танковый корпус успешно прорвался в районе Бреста на шоссе Брест — Минск и продвинулся вперед сразу на 30 км.

Столь же успешным было наступление 3-й танковой группы Рейнгардта на левом фланге группы армий «Центр». Ставка на прорыв приграничных укреплений силами танковой группы оказалась верной — их защищали только отдельные батальоны из состава стрелковых дивизий 11-й армии. Несмотря на тяжелые условия местности, 3-я танковая группа на широком фронте вышла к Неману, захватив сразу несколько переправ. Силы советской 5-й танковой дивизии были распылены в контратаках против нескольких целей, и уже к вечеру 22 июня главные силы танковых дивизий Рейнгардта переправились через Неман. По решению командующего 1-й танковой армией Клейста уже в первый день войны 3-я танковая группа получила из резерва XIV танковый корпус. Танки Рейнгардта на широком фронте двинулись на восток, в направлении Лиды и Молодечно.

Наступление 2-й танковой группы Гудериана 23 июня заметно ускорилося. XXXXVI корпус вышел к Слониму. Самый сильный резерв Западного фронта, 6-й механизированный корпус, был разделен на две группы — Болдина и Хацкилевича. Частично он был задействован для прикрытия линии Нарева, частично введен в бой под Гродно, и еще два танковых полка контратаковали во фланг 17-ю и 18-ю танковые дивизии. Эта отчаянная контратака задержала наступление XXXXVII танкового корпуса. Здесь танкисты Гудериана впервые столкнулись с новыми советскими танками. В тяжелых боях советские атакующие без поддержки Т-34 и КВ были остановлены. Их расстреливали 88-мм зенитками, немецкие «панцеры» подкрадывались и стреляли в упор подкалиберными снарядами из своих короткоствольных 50-мм пушек.

Однако временная остановка одного из трех танковых корпусов Гудериана не могла принципиально изменить ситуацию. Две танковые группы на московском направлении перешли под управление штаба 4-й танковой армии Клейста уже вечером третьего дня кампании. Исключение составил только XXXXVIII танковый корпус Вернера Кемпфа. В его состав была включена застрявшая на Зельвянке 29-я моторизованная дивизия. Вместо нее Гудериан получил 16-ю моторизованную дивизию. Задачей корпуса Кемпфа становилось содействие 4-й и 9-й армиям в разгроме окружаемых под Белостоком советских войск. Однако изъятие одного корпуса было компенсировано мощным воздушным «кулаком». 1-я танковая армия получала поддержку VIII авиакорпуса Вольфрама фон Рихтгофена.

После короткого выпада в направлении Минска днем 25 июня стало понятно, что укрепления на подступах к городу заняты частями Красной армии. После недолгой проверки на прочность позиций в Минском УРе подвижные соединения 3-й танковой группы развернулись и начали продвижение дальше на восток, вдоль Минского шоссе и на Витебск. Город Борисов оборонялся только отрядом танкового училища. Считалось, что фронт еще очень далеко. Тревожные предчувствия появились, только когда 26 июня с запада к Борисову подошли несколько групп солдат и командиров Красной армии. Они сообщили, что немцы уже под Минском. Им поначалу просто не поверили и арестовали как дезертиров. Вечером того же дня было видно зарево и слышались звуки далекого боя. Уже ночью к Борисову подъехали танк БТ и «полуторка» с несколькими перевязанными бойцами и командиром с танкистскими петлицами. На все расспросы они отвечали скупой, сказав только, что они из 5-й танковой дивизии и вели бой с немецкими танками. Было видно, что они подавлены и словно оглушены.

Несмотря на все предупреждения о надвигающейся грозе, появление на рассвете 27 июня, всего лишь на

пятый день войны, перед бетонным мостом на шоссе Минск — Москва немецких танков и броневинов стало шоком. Усугубилась ситуация внезапной атакой немецких диверсантов в форме Красной армии. Однако мост еще не был толком подготовлен к взрыву, и эта предосторожность немецкого командования оказалась излишней. Первая попытка отбить мост была предпринята курсантами училища, но она потерпела неудачу. Более того, севернее Борисова Березина была форсирована еще одним отрядом немцев. Под угрозой окружения отряд борисовского училища отошел дальше на восток.

Следующей жертвой немецкого наступления стал эшелон, подошедший к Борису от Смоленска. Он был немедленно остановлен и расстрелян немецкими танками. Перехват шоссе сразу же привел к тому, что отходившие от Минска разрозненные группы красноармейцев наткнулись на немецкие засады и сдавались в плен. Та же судьба постигла кавалькаду машин партийных чиновников из Минска, ехавших вместе с семьями.

Одновременно с прорывом к Борису еще один моторизованный корпус 3-й танковой группы наступал через Лепель и Бешенковичи на Витебск. Корпуса 2-й танковой группы Гудериана наступали на Бобруйск, Могилев и Жлобин. «Быстрого Гейнца» пока раздражало только то, что шоссе Минск — Москва осталось в полосе его соседа Рейнгардта. Он лелеял надежду быстрее его выйти к Минску и потребовать перенарезки разделительных линий. Но ввиду упорного сопротивления советской пехоты под Барановичами к Минску он опоздал. Также Гудериан с нетерпением ждал подтягивания XXXXVIII танкового корпуса.

В то время как подвижные соединения 1-й танковой армии Клейста быстро продвигались к Двине и Днепру, под Белостоком еще гремело сражение на окружение. Использование XXXXVIII танкового корпуса в промежутке между Зельвянкой и Щарой позволило немецкому коман-

дованию перехватить основные пути отхода 3-й и 10-й армий. Несмотря на трудные условия местности, немецкой 16-й танковой дивизии генерала Хубе удалось прорваться к Неману и соединиться в районе города Мосты с передовыми частями 9-й армии Штрауса.

На занявшие оборону фронтом на запад немецкие части сразу же обрушился настоящий шквал атак. В попытках прорваться на восток использовалось большое количество советских танков новых типов. 16-я танковая дивизия немцев понесла большие потери в людях и технике. Иногда немецкий фронт давал трещины. Некоторым группам советских окруженцев удалось прорваться за Щару, к Новогрудку и Минску.

Тем временем в штабе Западного фронта лихорадочно размышляли над мерами противодействия германским прорывам. Командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова, хорошо знакомого с танковыми войсками и их оперативным использованием, было трудно удивить глубокими прорывами. Однако даже он был шокирован рывком германских моторизованных соединений к Днепру и Западной Двине. Части 2-го стрелкового корпуса в Минском УРе отразили первый натиск немецких танков, после которого наступила звенящая тишина. Бойцы всматривались в залитые ослепительным солнечным светом поля, но немцы словно сквозь землю провалились. Вскоре стало понятно, что они прорвались дальше, к Борисову, далеко в тыл Западного фронта. Поначалу их сочли выброшенным противником десантом. Павлов отправил к Борисову на автомашинах отряд из 100-й стрелковой дивизии. Однако отряд напоролся на немецкие танки, был разбит и отошел обратно в Минск. По дороге ему, правда, удалось разгромить штабную колонну и захватить портфель с документами. Они заставили крепко задуматься: судя по карте, на восток, к Лепелю и Толочину, двигались три танковые и две моторизованные дивизии.

Генерал Павлов оказался перед дьявольски трудным выбором. Главные силы фронта были окружены далеко к западу от Минска, под Белостоком. В его руках оставалось несколько пехотных дивизий. Во-первых, это были четыре стрелковые дивизии под Минском, объединенные управлением 13-й армии. Летавшие на разведку летчики докладывали, что Минск с двух сторон обходят огромные колонны техники, включая танки, грузовики и моторизованную артиллерию. Во-вторых, это был 21-й стрелковый корпус под Лидой. Он также столкнулся с танковыми частями немцев, которые, однако, вскоре ушли дальше на восток. Наконец где-то к югу от Минска находились остатки 4-й армии. Просматривались четыре возможных варианта действий:

- 1) атаковать в западном направлении, пытаясь вызволить из «котла» 3-ю и 10-ю армии;
- 2) атаковать во фланг и тыл прорывающиеся к Днепру и «смоленским воротам» немецкие танки;
- 3) отходить на рубеж Днепра, стремясь сохранить его для прибывающих из глубины страны войск;
- 4) остаться в районе Минска и занять круговую оборону.

Любой из первых трех вариантов грозил потерей Минска. Для сбора ударного кулака потребовалось бы снимать дивизии из Минского УРа. Контрудар был наиболее осмысленным вариантом действий, но нужно было ответить себе на вопрос о его задачах и перспективах. Сосед справа, Северо-Западный фронт, попросту исчез, словно его никогда и не было. Летавшие на разведку в Прибалтику летчики видели только немцев, в пеших колоннах и на автомашинах. Можно было бы бить на юг, но без танков такое контрнаступление было обречено. Отступление на восток тем более вынуждало оставить столицу Советской Белоруссии. Павлов был реалистом и понимал, что потери Минска ему не простят. К тому же отступление стрелко-

вых частей пешком в окружении танков противника грозило превращением отхода в бегство и разгромом в маршевых колоннах.

Генерал Павлов принял решение остаться в районе Минска и вести бой до конца, даже если придется это делать в полном окружении. Не в последнюю очередь это решение объяснялось тем, что он хотел дать спасительный островок тем, кто сумеет вырваться из окружения под Белостоком. Туда, где гремели бои в окружении, было отправлено несколько самолетов, сбросивших вымпелы с приказом отходить на Минск. Как ни странно, в войсках решение Павлова обороняться было воспринято с энтузиазмом. Солдаты и младшие командиры верили, что позади, под Оршей и Смоленском, развернутся и мобилизуются главные силы Красной армии. Они смогут их вызволить, главное, не сдавать Минск. Западный фронт «крепости Минск» образовали позиции Минского УРа. К северу, югу и востоку от города была быстро возведена полевая оборона.

Приказ на отход к Минску получили далеко не все. Потерявшие связь с командованием остатки разбитых армий Западного фронта отходили на юг, в лесисто-болотистую Припятскую область. Они отступали в район Гомеля. Это часто были довольно многочисленные группы, по несколько тысяч человек, но без тяжелого оружия. В лучшем случае они выносили с собой станковые пулеметы и минометы. Злые и энергичные окруженцы накапливались на левом крыле созданного заново Западного фронта. Это были уже опытные бойцы, которые знали, что немцев можно бить.

Окруженные в районе Минска войска вскоре получили наименование «группа Павлова». Называть несколько стрелковых дивизий «фронтом» уже не имело никакого смысла. Предложение вылететь в Смоленск из Минска на присланном самолете Павлов отклонил. Западный фронт

стал формироваться заново. Новым командующим Западным фронтом стал нарком обороны маршал С. К. Тимошенко. К моменту, когда Тимошенко вылетел из Москвы в Смоленск в штаб формирующегося заново Западного фронта, ситуация еще казалась контролируемой. Из внутренних округов на рубеж Западной Двины и Днепра прибывало несколько свежих армий. Кроме того, Тимошенко был доволен ходом боевых действий на Украине, где войска Юго-Западного фронта пока держались и сохраняли целостность фронта.

Однако ситуация на Юго-Западном фронте казалась стабильной лишь в сравнении с оглушительной катастрофой под Минском. Оборона 5-й и 6-й армий на линии границы под Сокалем и Львовом была быстро сокрушена наступлением 6-й и 17-й армий группы армий «Юг». Крупных масс танков здесь немцами в бой не вводилось. Пехотные дивизии наступали при поддержке штурмовых орудий. Однако в полосе немецкой 6-й армии под Сокалем и Новоград-Волынским были введены две танковые дивизии — 11-я и 14-я. Они были эшелонами развития успеха и наступали вдоль шоссе на Житомир и Бердичев соответственно. Осторожный командующий группой армий «Юг» постоянно одергивал командиров обеих дивизий, не позволяя им намного отрываться от пехоты 6-й армии. Тем не менее их успехом стал захват плацдармов на реке Стирь под Дубно и Луцком. Заболоченная пойма реки могла стать серьезным препятствием, но благодаря броску вперед танковых дивизий она была преодолена до подхода советских резервов. Seriously ухудшилась обстановка с началом наступления 11-й армии из Румынии. Командование Юго-Западного фронта было вынуждено принять решение об отходе на рубеж старой границы.

Тем не менее положение советских войск на Украине в конце июня 1941 г. внушало Верховному командованию осторожный оптимизм. Поэтому развернутые персона-

чально на Украине 16-ю и 19-ю армии из Забайкалья и с Северного Кавказа было приказано отправить на север, на московское направление. Некоторые эшелоны этих двух армий попросту разворачивались в пути. Выгрузившиеся под Острогом части 16-й армии вначале получили сообщение о прорыве немецких танков, но вскоре выяснилось, что оно ложное. До Острога немецкие танки не добрались. Контрудары механизированных корпусов Юго-Западного фронта вынудили немецких танкистов остановиться и занять оборону.

Перенаправлением под Смоленск 16-й и 19-й армий дело не ограничилось. Несмотря на сложную обстановку на Юго-Западном фронте, Генштаб Красной армии без колебаний санкционировал переброску на Западный фронт 8-го и 16-го механизированных корпусов. Вслед за ними отправился 7-й стрелковый корпус.

Верховное командование безжалостно выкачивало из Юго-Западного фронта все резервы ввиду необходимости восстановления фронта на московском направлении. Однако еще до прибытия войск с Украины под Смоленск Западный фронт получил еще один мощный и неожиданный удар. Тимошенко считал, что у него еще есть время на организацию обороны. Но стремительное изменение обстановки опрокинуло все его расчеты. Выход немецких танковых соединений на рубеж Западной Двины и Днепра застал сосредотачивавшиеся на этом рубеже 22, 20 и 21-ю армии еще в процессе выгрузки из эшелонов. Большая часть эшелонов к моменту прорыва немцев была еще в пути.

Соединения 3-й танковой группы Рейнгардта действовали в строгом соответствии с планом. Набирая скорость, все три корпуса группы устремились к Полоцку и Витебску. На ближних подступах к Полоцку танковая колонна неожиданно напоролась на бетонные укрепления. Некоторые из них были замаскированы под жилые постройки.

Несколько танков было подбито, на грузовики с пехотой обрушился шквал огня артиллерии. Пришлось немедленно разворачиваться в боевые порядки, выводить на позиции артиллерию и вызывать пикирующие бомбардировщики. Однако первый же бой показал, что полевая оборона вокруг ДОТов осталась полупустой. Штурмовые группы блокировали один ДОТ за другим. Несмотря на ожесточенное сопротивление гарнизонов, через несколько часов все было кончено. Боевая группа 7-й танковой дивизии снова свернулась в боевые порядки и продолжила наступление на восток. Вечером передовая боевая группа дивизии остановилась для дозаправки и пополнения боезапаса. Однако в разгар заправки танков от боевого охранения поступило донесение о приближающемся советском эшелоне с войсками. Немцам пришлось спешно вводить в бой успевшие заправиться танки. Паровоз был подбит на первых минутах боя. Уже под огнем советские пехотинцы спрыгивали на железнодорожную насыпь и принимали бой. Однако силы были неравны, и вскоре на месте эшелона стояла груда дымящихся остовов вагонов. Захваченные пленные говорили, что они прибыли с Урала. Эшелон начал выдвижение к границе еще в середине июня. Он должен был выгрузиться в Полоцке.

Позднее выжившие будут называть те бои «битвами в эшелонах», «вагонными батальями» и «рельсовой войной». Вагоны становились казармами, штабами и фортами на колесах. Железнодорожная насыпь превращалась в крепостную стену, и рельсы становились бруствером. Выдвигавшиеся на запад эшелоны с войсками части иной раз вступали в бой буквально в вагонах. Часто орудия открывали огонь прямо с платформ. Почти легендарным стал случай, когда зенитная батарея из 76-мм пушек прямо с платформ расстреляла несколько немецких танков. Однако перевозимые в эшелонах орудия чаще всего имели малый запас снарядов. Здесь многое зависело от смелости и решительности командиров, которые волей случая ока-

зывались во главе групп бойцов из разных частей, оказавшихся в одном или нескольких эшелонах. Общую сумятицу усиливали постоянные бомбардировки с воздуха.

Наиболее ожесточенным было «вагонное сражение» за Витебск. На вокзале и железнодорожных путях под городом скопилась сразу большая группа не добравшихся до мест назначения эшелонов. В них были перемешаны части разных дивизий. Что самое важное: в Витебске и под ним застряли эшелоны с боеприпасами. Поэтому оказавшиеся здесь части не испытывали проблем ни с патронами, ни со снарядами. У защитников Витебска был даже бронепоезд и несколько танков. Возглавил оборону энергичный комбриг Зыгин. Именно по его инициативе после получения известий о приближении немцев к городу части спешно выгрузились из вагонов и начали строить оборону. Бои за город шли несколько дней. Несколько раз Витебск подвергался ожесточенной бомбардировке пикировщиками VIII авиакорпуса. Город огрызался шквальным огнем зенитных автоматов неведь откуда взявшегося и застрявшего в Витебске зенитного полка. Город фактически оказался под ударом сразу двух танковых корпусов противника. Один корпус атаковал через Полоцк, второй — от Бешенковичей.

Однако во многих случаях сценарий боя «эшелонной войны» был проще и страшнее. Затерянный между перегами эшелон, потерявший связь с командованием, оказывался под ударом немецких танков. Далеко не все командиры высылали разведку на лошадях и мотоциклах, чтобы узнать, что происходит. В этом случае атака немецких танков развернутым строем имела просто убийственный эффект. В наихудшем положении были тыловые части, саперы, связисты. Они не имели ни опыта, не средств борьбы с танками противника.

Благодаря тому, что 3-я танковая группа не задерживалась под Минском, она вышла к Березине на лепельском

направлении уже 27 июня¹. Мощным артиллерийским огнем немцы вынудили к отходу пограничный отряд, охранявший переправы в районе Березино (западнее Лепеля). Сам Лепель тогда прикрывался сводным отрядом курсантов минометного училища, Виленского пехотного училища и 103-го противотанкового дивизиона. Мосты в Лепеле были взорваны. Однако, как это чаще всего случалось, взорванные мосты не стали для немцев причиной длительной задержки. 28 июня немецкая мотопехота форсировала Березину юго-западнее Лепеля, и к исходу дня город был оставлен советскими войсками.

Все три моторизованных корпуса новой 3-й танковой группы практически одновременно преодолели Березину и вышли на подступы к Витебску и Орше. Этот район издавна получил наименование «Смоленские ворота». Действительно, здесь русло Днепра изгибается у Орши и словно пропускает идущие с запада полчища захватчиков на восток, к Смоленску. Изгиб Западной Двины также открывает путь для движения на восток без ее форсирования. Пока два корпуса группы Рейнгардта оказываются втянуты в бой за Витебск, еще один атаковал в направлении Орши. Здесь он был встречен огнем только что выгрузившихся из эшелонов частей из 20-й армии. От штурма Орши немцам пришлось отказаться.

Нельзя сказать, что советскому командованию было нечего противопоставить противнику. Сгинувшими в огне Приграничного сражения мехкорпусами список самостоятельных механизированных соединений Красной армии не ограничивался. 7-й механизированный корпус получил приказ на выдвижение на запад уже 24 июня 1941 г. Соответственно, к 28 июня это элитное соединение из Московского военного округа уже сосредоточилось в районе

¹ В реальном 1941 г. 3-я танковая группа подошла к переправам через Березину только вечером 2 июля. В том случае, если танковая группа не будет ввязываться в бой за Минск, она сможет выйти к Лепелю на несколько дней раньше.

Орши. Здесь он получил некоторое количество танков новых типов, т.е. Т-34 и КВ. До этого в корпусе не было ни одной «тридцатьчетверки» или «Клима Ворошилова». В тот же день он получил приказ на контрудар¹. Собственно, у командования нового Западного фронта не было бы выбора. Стрелковые соединения 20-й армии в конце июня еще только сосредотачивались в «смоленских воротах» и о сплошном фронте не было и речи.

Задачей 7-го механизированного корпуса стал прорыв к Витебску, где вели бои в окружении части 22-й армии. Поначалу атака советских танков имела успех. Продвигавшуюся практически в пустоте 3-ю танковую группу практически никто не контратаковал. Поэтому контрудар крупной массы танков оказался неожиданностью, тем более что авиация не смогла вскрыть сосредоточение нескольких сотен танков 7-го мехкорпуса. Они были надежно спрятаны в лесах. Советским танкам удалось сбить фланговые заслоны и выйти на ближние подступы к Витебску. Танкисты видели зарево и слышали шум «эшелонного сражения». Однако для того, чтобы прийти в себя, немцам понадобилось всего несколько часов. На боевые порядки 7-го мехкорпуса была перенацелена авиация VIII авиакорпуса. «Штуки» обрушились на тылы, артиллерию и мотопехоту. Также корпус был атакован во фланг и тыл. Кроме того, в обход Витебска дальше на восток двинулся XIV моторизованный корпус. Этот маневр заставил Тимошенко срочно выводить из боя 7-й мехкорпус и оттягивать его назад, к Смоленску. В Смоленск тем временем прибывали эшелоны с войсками 16-й армии и 5-го мехкорпуса.

Контратаки, постоянные бомбардировки и приказ на отход дезорганизовали 7-й мехкорпус. Потеряв большое количество танков и автомобилей, он откатывался к Смо-

¹ В реальном июле 1941 г. 7-й мехкорпус был брошен в контрнаступление против атакующего Витебск противника. Нет никаких сомнений, что в случае более быстрого прорыва германских танковых соединений он будет использован в том же духе.

ленску. По пятам его преследовал LVII танковый корпус группы Рейнгардта. К моменту отхода к Смоленску мехкорпус почти полностью потерял боеспособность. На оставленном поле боя немцами был найден и опознан труп Якова Сталина. Он был убит бомбой на позициях своего артиллерийского полка. Обезображенный труп сразу же стал сюжетом для пропагандистских листовок.

Вводом в бой буквально «с колес» прибывающих соединений 16-й армии и 5-го мехкорпуса Тимошенко удалось предотвратить немедленный захват Смоленска ударом с севера. Однако одновременно командующий Западным фронтом получил тревожные донесения о прорыве немцев через Днепр в районе Могилева и Жлобина. Последние эшелоны 16-й и 19-й армий вступили в ряд ожесточенных «эшелонных сражений» к югу от Смоленска. Немецкие танки упорно продвигались дальше и дальше на восток. Уже 10 июля они прорвались к Ельне. Тем самым танковая группа Гудериана углубилась в расположение 24-й армии, которая была растянута на широком фронте от Белого до Ельни. За спиной вытянутых в нитку соединений 24-й армии боеспособных войск Красной армии практически не было.

Надежду на изменение ситуации в лучшую сторону дали прибывшие с Украины 8-й и 16-й механизированные корпуса. Вместе с тремя стрелковыми и одной танковой дивизией группы Качалова они нанесли контрудар в районе Рославля. Двум мехкорпусам удалось глубоко вклиниться во фланг 2-й танковой группы. Немецкому командованию удалось разрешить эту кризисную ситуацию сосредоточением крупных сил авиации и контрударом XXIV и XXXXVIII танковых корпусов. Танковое сражение в районе Рославля закончилось окружением главных сил группы Качалова.

В то время как основная масса группы армий «Центр» ушла далеко на восток, в ее тылу продолжало греметь сражение за «крепость Минск». Здесь советским войскам уда-

лось сковать значительные силы немецкой пехоты. Тем самым она была исключена из состава тех войск группы армий «Центр», которые торопливо продвигались вперед, стремясь нагнать вырвавшиеся вперед танковые соединения. Бои за Минск завершились только в середине июля. Группа Павлова исполнила свой долг до конца, надолго сковав два армейских корпуса немцев.

В середине июля 1941 г. произошли события, которые позднее вызвали ожесточенные споры среди историков. Начальник Генерального штаба Красной армии Г. К. Жуков на совещании в Кремле предложил отвести главные силы Юго-Западного фронта на Днепр и высвободить 6-ю и 12-ю армии¹. Сталин поначалу встретил это предложение в штыки и раздраженно бросил Жукову: «Хватит нести чушь!» Однако Жукова поддержал Шапошников. На следующий день прилетевший из Киева начальник штаба ЮЗФ Пуркаев предложил детально разработанный план отхода за Днепр, позволяющий сохранить войска и высвободить резервы. Обстановка под Смоленском с каждым часом становилась все более угрожающей, и Сталин после долгих раздумий принял план отвода войск на Украине за Днепр.

Отход с линии Сталина был начат ночью и проходил как по часам. Главные силы немецкой авиации были задействованы под Смоленском, и 4-й воздушный флот не смог эффективно воздействовать на отходящие советские войска. Две танковые дивизии группы армий «Юг» к тому моменту уже были выведены в тыл. Почти без потерь Юго-Западный и Южный фронты отошли за Днепр. Были высвобождены 6, 12 и 18-я армии. Незамедлительно их начали грузить в эшелоны и через Москву выдвигать к Вязьме. Однако, ввиду разгрома группы Качалова, 18-ю армию пришлось перебросить в район Гомеля. Здесь немецкая 2-я

¹ В реальном 1941 г. 6-я и 12-я армии были окружены под Уманью 3 августа 1941 г.

армия начала наступление на Киев силами пехотных дивизий. Потрепанная 5-я армия и остатки переживших «войну на рельсах» соединений 21-й армии с трудом сдерживали натиск немецкой пехоты. Устойчивость ее положения сохранялась лишь за счет постоянного притока пополнений из выходящих из Припятской области голодных, но понюхавших пороху окруженцев.

Позднее историки спорили: положительную или отрицательную роль сыграл этот отвод. Одни утверждали, что, если бы Юго-Западный фронт не отошел за Днепр, немцы бы ни за что не решились наступать на Москву, имея на фланге гигантский «украинский балкон». Другие говорили о том, что, если бы не снятые с Юго-Западного фронта войска, Москва бы пала уже в первых числах августа. За этот эпизод также было подвергнуто жесткой критике немецкое командование. Командующий группой армий «Юг» был обвинен в преступном бездействии, позволившем советскому командованию вывести в резерв несколько армий. Считалось, что настойчивое преследование и немедленный ввод в бой танковых дивизий могли привести к окружению и разгрому отступающих армий Юго-Западного фронта. Вместо этого Рундштедт ждал санкции Верховного командования на передачу ему III танкового корпуса, формально перешедшего в подчинение ОКН. Из-за этого танковый корпус Маккензена вступил в бой с большим опозданием и сумел лишь пощипать советские арьергарды.

Тем временем немецкое командование готовилось к последнему броску на «шверпункт» Восточного похода — Москву. К началу августа немецкие пехотные дивизии были подтянуты на рубеж, достигнутый танковыми соединениями 1-й танковой армии. Одновременно был выведен с Украины и перевезен по железной дороге в район Смоленска III танковый корпус. 1-я танковая группа Гота, проложившая путь к Луге и Новгороду пехотным дивизиям группы армий «Север», также была выведена в резерв.

На московском направлении сосредотачивалась мощная ударная группировка, включавшая почти все танковые дивизии, имевшиеся в тот момент в распоряжении германского командования на Восточном фронте. Из резерва ОКН были выведены 2-я и 5-я танковые дивизии. Была также сформирована 4-я танковая группа, которую возглавил Э. Гепнер. Все эти мероприятия позволили немцам сформировать 4-ю танковую армию, основой для которой стал штаб 4-й полевой армии Клюге.

Операция несколько раз откладывалась в ожидании благоприятных погодных условий. Немецкое командование рассчитывало в полной мере использовать авиацию 2-го воздушного флота, усиленного перегруппировкой нескольких авиасоединений из 1-го и 4-го воздушных флотов на флангах советско-германского фронта. Для прикрытия готовящегося наступления на московском направлении группы армий «Север» и «Юг» начали частные операции под Новгородом и Гомелем. Эти выпады действительно дезориентировали советское командование. Несколько свежесформированных дивизий и противотанковых полков были переданы Северо-Западному и Юго-Западному фронтам.

Наконец, в яркий солнечный день 10 августа 1941 г. на фронте под Вязьмой загрела артиллерийская подготовка. Советское командование ожидало прямого удара на Москву вдоль шоссе Смоленск — Москва или же продолжения наступления в тыл Юго-Западному фронту. Однако вместо этого была взломана оборона войск Западного фронта к северу и югу от шоссе. На каждом из этих направлений была введена танковая армия. После прорыва обороны каждая из них разделилась надвое. По одной танковой группе устремилось на Москву, а две других двинулись на Вязьму, замыкая кольцо окружения за спиной армий Западного фронта. 12 августа Гитлер вышел на трибуну в берлинском Спортпаласе и бросил, выкрикнул толпе: «В эти часы на Восточном фронте происходят грандиозные

события. Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов. Она приведет к окончательному уничтожению врага на Востоке!»

Москва была окружена через две недели после начала немецкого наступления. Однако еще долгие две недели на фронте стояла звенящая тишина. Изолировав советскую столицу, танковые группы остановились и стали ждать подхода пехоты полевых армий. Несмотря на все уговоры, Сталин остался в Москве. Он был подавлен гибелью сына и все еще надеялся, что удастся отстоять столицу. Когда начались уличные бои за город, Сталин лично руководил впоследствии ставшей легендарной контратакой у Белорусского вокзала. Здесь он и был убит шальной миной. Труп так и не опознали — немцы приняли невысокого рябого человека в френче за одного из многочисленных ополченцев. Несколько человек из ближайшего окружения советского вождя сумели ночью покинуть горящий город на спрятанном в одном из московских парков «Дугласе». Именно от них стало известно, что произошло со Сталиным.

Катастрофа с потерей столицы и гибелью вождя вызвала разброд и шатание в партийной верхушке. Произошла попытка государственного переворота. Путчисты стремились заключить новый «брестский мир». Однако путч соглашателей был безжалостно подавлен. Новым генеральным секретарем стал Вячеслав Молотов. Он произнес речь, в которой прозвучали слова: «Мы никогда не сдадимся...»

Лекция, которой не было

Высокий седой лектор с аккуратно подстриженными усами неспешно мерил шагами пространство перед доской, прохаживаясь от двери к окну. Жмурясь от бьющего через огромное окно яркого солнечного света, он нервно похрустывал пальцами. Было видно, что он собирается с мыслями, выбирая, с чего начать. Аудитория замерла в ожидании. Кто-то еще осторожно шуришал конспектами. Все сидевшие в высоком и гулком зале люди были одеты в военную форму. В расхаживавшем перед ними человеке также безошибочно угадывалась военная «косточка».

— Ну-с, приступим! — резко рубанул он и продолжил: — Сегодня мы начинаем очень важную тему: «Стратегические танки».

Перья его слушателей послушно крупно вывели в тетрадях: «Стратегические танки», кто-то даже дважды подчеркнул эти два слова.

Лектор продолжил:

— Империалистическая война вывела на поля сражений новое средство борьбы — танки. Но тогда они были лишь спутниками неторопливо передвигающегося по изрытому артиллерией пространству пехотинца. Под Камбре в 1917 г. внезапность использования крупных масс танков...

Несмотря на петлицы танковых войск Красной армии, в нем также чувствовался человек из «бывших», «золотопо-

гонник». Казалось, в любой момент с его уст в адрес сидевших над конспектами крестьянских детей с гладко выбритыми по моде черепами сорвется слово «Господа!».

— Когда мы обсуждали «стратегическую конницу», я уже касался вопроса глубины прорыва и величины отрыва эшелона развития успеха от главных сил фронта. Сейчас мы к нему вернемся и рассмотрим его уже в плоскости действий «стратегических танков». Вопрос о развитии тактического прорыва в оперативный является одним из самых важных на данном историческом этапе развития сил и средств вооруженной борьбы. Империалистическая война не дала окончательного ответа на этот вопрос...

«О чем, собственно, идет речь? Что скрывается за термином «стратегические танки?» — спросит читатель. Действительно, термина «стратегические танки» в 1930-х и 1940-х не существовало. Существовал термин «стратегическая конница», по аналогии с которым я и ввожу «стратегические танки». Если предыдущие варианты альтернативного развития событий касались стратегии и ветвление происходило незадолго до 22 июня 1941 г., то в данном случае я позволю себе отнести ветвление на более ранний срок, в начало и середину 1930-х годов. Чтобы не вызывать столь дальним отнесением точки ветвления от интересующего нас лета 1941 г., изменения будут касаться только достаточно узкой области военного строительства Красной армии. Понятно, что, вооружившись послезнанием, можно пройти по строительству советских Вооруженных сил в 1930-е годы огнем и мечом. Однако ценность исследования результата действий в 1941 г. такой обновленной Красной армии с подтяжкой лица, силиконом и ботоксом представляется крайне сомнительной. РККА в 1930-х строили именно так, как строили по целому ряду объективных причин, и массированная перетряска тех решений не может быть обоснована сменой одного-двух персонажей. Вносимые изменения должны быть как ми-

нимум реалистичными и следовать из уже накопленных на тот момент знаний и опыта. Мной были выбраны «стратегические танки» как часть нового и динамично развивающегося рода войск. Идеи по его применению действительно могли возникнуть самые разные, и линия развития бронетанковых и моторизованных войск РККА не являлась столь жестко ограниченной опытом предыдущей войны. Здесь уже многое зависело от стечения обстоятельств и роли тех или иных личностей. Собственно, именно тогда, на рубеже 1920-х и 1930-х, возникли новые идеи применения танков. Именно в это время де Голль писал свою «Профессиональную армию». Идеи самостоятельного использования танков витали в воздухе, и элемент случайности в данной области воздействовал на события в не меньшей степени, чем объективно обусловленные ходы и решения руководства.

Как могли повлиять на боевые действия эти вроде бы незначительные изменения? Вдумчивый анализ событий лета 1941 г. приводит к выводу, что острее всего в Красной армии в тот момент ощущалась нехватка подвижных резервов. Не будет большой ошибкой сказать, что сами красные командиры и командующие тогда не осознавали всей глубины проблемы. Считалось, что подвижные резервы есть, по крайней мере существовали до определенного момента. Как приграничные армии, так и армии Второго стратегического эшелона на рубеже Западной Двины и Днепра располагали мехкорпусами той или иной степени комплектности. Позднее, уже под Смоленском и на Лужском рубеже, действовали отдельные танковые дивизии.

Причины проблем искали на уровне армий, командующим которых доверяли мехкорпуса, на уровне самих мехкорпусов, а также на уровне входящих в них частей и подразделений. В июле 1941 г. мехкорпуса расформировали и оставили танковые дивизии в облегченном штате. Вскоре разочарование построенными до войны мехсоединениями достигло такого градуса, что от крупных механизиро-

ванных соединений отказались вовсе. С приходом на пост начальника Генерального штаба Красной армии маршала Б. М. Шапошникова в августе 1941 г. началось массовое формирование частей и соединений непосредственной поддержки пехоты. Это были танковые бригады, отдельные танковые полки и батальоны. На 1 сентября 1941 г. в составе действующей армии насчитывалось 9 танковых бригад, 5 отдельных танковых полков и 38 отдельных танковых батальонов. Формально в армии еще числились танковые дивизии, но они представляли собой совершенно жалкое зрелище. Например, большинство танковых дивизий Юго-Западного фронта на 1 сентября 1941 г. насчитывали по 2,5—3 тыс. человек, единицы танков. По своим боевым возможностям они были ближе к бригаде, нежели к дивизии. Неудивительно, что при таком состоянии подвижных резервов их результативность оставляла желать лучшего.

Иногда утверждается, что танковые бригады в августе 1941 г. решили формировать ввиду недостатка матчасти. Однако эта версия не выдерживает критики. Согласно приказу НКО № 0063 от 12 августа 1941 г. до декабря месяца предполагалось сформировать пятью волнами ни много ни мало 120 отдельных танковых бригад по 91 танку в каждой (7 КВ, 20 средних танков Т-34 или Т-50, 64 малых танка Т-40 или Т-60). Несложные арифметические подсчеты, перемножение числа бригад на штатное количество танков в бригаде показывают, что 120 бригад это 10 920 танков. Этого вполне достаточно, чтобы сформировать около полусотни танковых дивизий по 215 танков (численность танковой дивизии по штату №011/44 от 6 июля 1941 г.). Если мы сравним количество танков, имевшихся в СССР и Германии, то увидим, что при меньшем абсолютном числе танков немцы содержали их в танковых дивизиях (объединявшихся в корпуса и даже армии), а в СССР в тот же период наибольшей единицей была танковая бригада. Например, в СССР на 1 января 1942 г. имелось в наличии

7700 танков, у немцев — 4561 танк и около 500 штурмовых орудий (представлявших собой аналог танков непосредственной поддержки пехоты в армиях союзников). Меньшее число танков не стало для немцев препятствием для формирования танковых дивизий.

Может быть, Красной армии не хватало автомашин? Нет, это тоже не может быть причиной решения о переходе к бригадной организации. По вспомогательной технике наблюдается та же картина. Отдельной танковой бригаде августа 1941 г. полагалось 177 автомашин «ЗИС», 175 автомашин «ГАЗ», 22 бензоцистерны, 19 тракторов, 17 легковых автомашин и 96 мотоциклов. Таким образом, на формирование всех 120 бригад требовалось 22 240 автомашин «ЗИС», 21 000 — «ГАЗ», 2040 легковых, 2280 тракторов, 11 520 мотоциклов, 2640 цистерн. По штату в танковой дивизии № 011/44 июля 1941 г. предполагалось наличие 25 легковых автомобилей, 5 автобусов, 231 грузовика «ГАЗ-АА», 14 «ГАЗ-ААА», 365 «ЗИС-5», 76 автоцистерн, 8 водов и бензозаправщиков «ЗИС-6», 72 трактора разных типов и 174 мотоцикла. Легко видеть, что автотехники в танковой бригаде лишь примерно вдвое меньше, чем в облегченной дивизии июльского штата. Если быть совсем точным, потребного для 120 танковых бригад количества автомашин ГАЗ хватит на 85 танковых дивизий штата июля 1941 г., автомашин «ЗИС» — на 61, легковых — на 81, мотоциклов — на 66, цистерн — на 31, тракторов — на 31. Первым «узким местом» были автоцистерны, сплошь и рядом заменявшиеся груженными бочками обычными грузовиками. Более существенным «узким местом» были трактора, но это происходило за счет снижения артиллерийских возможностей бригад. Даже если принять эти «узкие места» за данность, вполне возможно перейти на смешанную организацию. То есть держать в армии 30 танковых дивизий по штату №011/44 и 50 танковых бригад августовской организации. Собственно, примерно так и обстояло дело позднее, когда в Красной армии имелось примерно три

десять танковых корпусов (лишь часть из которых вошла в танковые армии) и более многочисленные танковые бригады и полки для непосредственной поддержки пехоты.

Надеюсь, что этими несколько утомительными, но необходимыми расчетами мне достаточно убедительно удалось показать, что причины отказа летом 1941 г. от танковых дивизий в пользу бригад были вызваны не нехваткой техники, а организационными метаниями и даже растерянностью советских штабистов. Итоговый результат тоже нельзя назвать блистательным. На период «бригадизации» Красной армии пришлось самые крупные окружения: Киевский, Вяземский и Брянский «котлы». Также совершенно неочевидно, что под Мценском в начале октября 1941 г. были наиболее эффективны именно две бригады — Михаила Катукова и Поля Армана, а не одна танковая дивизия под командованием Катукова. Зимой 1941/42 г., в ходе общего контрнаступления, когда нужны были самостоятельные танковые соединения, в распоряжении командования фронтов были только бригады. Объединение бригад по две-три во временные группы, рекомендованное тогдашними наставлениями, искомого результата не давало. Весной 1942 г. последовал возврат к сравнимым с дивизиями танковым корпусам. Позитивно период «бригадизации» можно оценить разве что с точки зрения просеивания командного состава. Из достаточно пестрой компании комбригов вскоре выделились энергичные командиры танковых соединений, которым уже можно было доверять танковый корпус. Достаточно вспомнить М. Е. Катукова, П. А. Ротмистрова. Однако в целом «бригадный период» приходится оценить как шаг назад в строительстве танковых войск Красной армии. Вместе с тем нельзя не признать, что все эти заблуждения и метания высшего командования объяснялись объективными причинами: перед глазами у танковых командиров Красной армии и самого маршала Шапошникова не было положительного примера эффективных действий подвижных войск в обороне. У нас

Перед Мавзолеем проходят трактора СТЗ-5 с 122-мм гаубицами М-30 и 152-мм М-10 на буксире. Трактор СТЗ-5 был хорошим тягачом для стрелковых дивизий, но мало подходил для мехкорпусов

такой пример имеется: это действия германских танковых войск в оборонительных операциях, которые вел Вермахт на Восточном фронте в 1943—1945 гг.

В чем же суть претензий к танковым войскам Красной армии? Несмотря на декларации о буйном цветении передовой военной науки в молодом советском государстве под сенью коммунистической партии, имело место отставание в теории и практике применения самостоятельных механизированных соединений. По большому счету, Красная армия находилась на уровне плана союзников 1919 г. Напомню, что тогда танки планировали использовать для прорыва в тыл оборонительной полосы с целью уничтожения артиллерии, штабов и складов. Ни о каком глубоком прорыве в построение противника и самостоятельных действий целостным подвижным соединением в глубине вражеской обороны речи не было.

Сообразно представлениям о роли и месте танков в современной, по тогдашним меркам, войне строились мехкорпуса Красной армии 1930-х годов. Советский механи-

зированный корпус, каким его представляли в реальном 1935 г., насчитывал всего 8200 человек личного состава и аж 456 танков разных типов, в основном БТ. При этом артиллерийский парк мехкорпуса составляли всего четыре 122-мм и четыре 76-мм пушки (по одной батарее в стрелковой бригаде), а также дюжина 45-мм противотанковых пушек. Автотранспорт соединения насчитывал 1500 автомашин.

Германская танковая дивизия образца того же 1935 г. по штату насчитывала 12 953 человека личного состава, 4025 колесных машин и 481 гусеничную машину. Артиллерия танковой дивизии состояла из шести батарей гаубиц. Противотанковых пушек в немецкой танковой дивизии тоже было намного больше дюжины. То есть подвижное соединение в том виде, в котором его задумали немцы еще в середине 30-х годов, изначально было куда многочисленнее любого советского мехкорпуса в расчете на личный состав. Причиной этого было более сильное мотопехотное звено и артиллерия. Так уже в момент рождения германских танковых войск закладывались предпосылки для громких успехов Панцерваффе в период «блицкригов». Но это не означает, что подобные идеи не могли появиться в других странах.

История «стратегических танков» в Красной армии началась с небольшой книги в мягкой обложке. Она получила такую известность, что как-то в шутку предложили сделать эмблемой новых соединений стилизованного пролетария с молотом, изображенного на обложке первого издания «Стратегических танков». 1920-е годы были богаты на литературу о прошедшей войне. Воевавшие на фронтах Первой мировой войны офицеры, ставшие красными командирами, вспоминали и анализировали события, ставшие причиной краха старого мира. Для многих было очевидно, что Версальский мир это всего лишь передышка и внутриевропейские противоречия рано или поздно приведут к войне. Скоропо-

стижная кончина Российской империи привела к тому, что в своих рассуждениях о Свенцянском прорыве или отступлении 1915 г. исследователи могли не оглядываться на официальную и отлакированную версию этих событий. Однако пером бывших поручиков, полковников и даже генералов двигало отнюдь не праздное любопытство. Исследование недавней войны давало пищу для размышлений о войне грядущей. Именно в это время появились книги Б. М. Шапошникова «Мозг армии» и В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». Обе книги стали программными, они во многом определили как стратегию Красной армии, так и характер ее подготовки к надвигающимся грозным и страшным событиям. Вскоре к этим двум трудам прибавился еще один. Если Шапошников и Триандафиллов писали в основном о прошлом, делая выводы на будущее, то автор «Стратегических танков» писал о будущем. Поэтому его иногда называли «сухопутным Дуэ».

«Стратегические танки можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем фронтом, наблюдает за действиями всех его армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»¹ — одна эта фраза из заключения «Стратегических танков» произвела в начале 1930-х годов настоящий фурор в военной среде. Сама книга вызвала горячие споры как в учебных заведениях Красной армии, так и в войсках. У новой теории появились горячие сторонники, в спорах их иногда иронически называли «молотки» за изображение пресловутого пролетария с молотом на обложке их культового труда.

Но немало было и критиков «Стратегических танков». Одни считали автора чересчур смелым в своих теоретических изысканиях, даже фантазером. Другие, наоборот, возносили как новатора и яркого представителя новой,

¹ Немного отредактированные слова Клейста в советском плену. См.: Генералы и офицеры Вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М.: МФД, 2009. С. 63.

«пролетарской», военной науки. Небольшого формата книгу читали в кабинетах, в поле после учений, записывались в библиотеке в очередь на нее. Находились, впрочем, и те, кто обвинял автора книги в рабском следовании «задам» буржуазной военной мысли о малочисленных профессиональных армиях. Впрочем, от таких сентенций профессиональные командиры-штабисты обычно просто устало отмахивались. Посвященные понимали, что речь идет о средстве борьбы, дополняющем объединение класса фронта и армии, укомплектованные на принципах массовой армии. Несмотря на критику и неоднозначные оценки, озвученные на страницах «Стратегических танков», высказанные в ней идеи пустили корни и через некоторое время получили поддержку на самом верху. Шептались, что негласным покровителем автора книги стал сам нарком обороны. Вскоре принятие идей «стратегических танков» в штабе Красной армии выразилось в конкретных приказах, организационных и даже финансовых решениях.

Первые механизированные корпуса «стратегических танков» появились в Красной армии в начале 1935 г. Документ гласил: «НКО утверждена новая организация мехкорпуса, на которую мехвойскам перейти 20 февраля 1935 г.». Впервые в организации бронесил РККА появляется соединение класса «дивизия». Механизированный корпус новой организации должен был состоять из 2—3 танковых и 1—2 механизированных дивизий. Дивизии формировались на базе бригад, ранее составлявших механизированные корпуса. Фактически происходило увеличение масштаба соединений и частей. В новых дивизиях были уже не танковые батальоны, а танковые полки, вместо стрелковых батальонов появился мотострелковый полк. Появились и новые элементы организации. Каждая танковая и механизированная дивизия получила артиллерийский полк на механической тяге с 122-мм гаубицами и 76-мм пушками. В качестве тягачей предусматривались полугусеничные машины, освоение которых только началось. В механизированных дивизиях формировались танковые батальоны

Реальное лето 1941 г. Советская артиллерийская часть с 76-мм орудиями Ф-22 на буксире у тракторов СТЗ-5

для непосредственной поддержки пехоты мотострелковых полков. Помимо зенитных пулеметов мехкорпус получил 76-мм зенитные пушки. Это позволяло самостоятельно прикрывать маршевые колонны и переправы. В корпус «стратегических танков» была даже введена авиация — эскадрилья самолетов для корректировки артиллерийского огня, разведки и связи¹.

Еще одним нововведением в организационную структуру танковых дивизий стали полки тяжелых танков. По штату предусматривалось оснащение этих полков новейшими трехбашенными танками Т-28. Их существенным преимуществом являлась 76-мм пушка, более эффективная в дуэли с обороной противника, нежели 45-мм пушка танков БТ разных серий выпуска, которые были станovým хребтом танковых корпусов. Помимо танков Т-28 и БТ, штат мехкорпуса предусматривал легкие плавающие танки Т-37 в разведывательных частях соединений.

¹ В реальном мехкорпусе РККА 1935 г. по штату имелась эскадрилья из 19 самолетов (по штату мирного времени отряд: Р-5 — 10, У-2 — 3).

Общая численность механизированного корпуса «стратегических танков» нового поколения составляла более 40 тыс. человек. Танковый парк корпуса состоял из 800 боевых машин разных типов. Это была машина невиданной для танковых войск Красной армии численности. Однако по состоянию на 1935 г. механизированные корпуса новой организации существовали большей частью на бумаге. Четыре мехкорпуса «стратегических танков» находились в стадии формирования и ожидали поступления техники от промышленности. Быстрее всего оказались сформированы управления корпусов и дивизий мотострелковых и артиллерийских частей. Правда, часть из них пока осталась неукомплектованной штатной техникой. Мотострелки поначалу передвигались на тактических учениях пешком.

Здесь необходимо дать небольшой комментарий. Для корпусов «стратегических танков» нужна была лучшая техника, позволяющая воевать с наибольшим возможным КПД. Т-28, по меркам 1930-х годов, является, безусловно, очень сильной машиной. Растрачивать такие танки для поддержки пехоты попросту неразумно. Тяжелые танковые бригады на танках Т-28 и Т-35 появились на свет только в конце 1935 г. — начале 1936 г. В 1939 г. это были 10, 14, 20 и 21-я тяжелые танковые бригады. По состоянию на начало реального 1935 г. танки Т-28 поступали в 1, 2, 3 и 4-й танковые полки. То есть организационных сложностей с вводом Т-28 в состав мехкорпусов «стратегических танков» в начале 1935 г. возникнуть не должно. Танки Т-35 для таких мехкорпусов, напротив, подходят мало. Поэтому Т-35 целесообразнее будет использовать в составе отдельного полка или бригады РГК.

С организационной точки зрения переход по альтернативному сценарию развития танковых войск РККА на 40-тысячные мехкорпуса — это огромный шаг вперед. В реальности до самого последнего момента танковые войска были малочисленными с точки зрения личного

состава. Организационно они были бедны мотопехотой и артиллерией, являясь структурой для обслуживания крупных масс «голых» танков. Даже по планам ноября 1939 г. численность танковых войск Красной армии по штатам мирного времени составляла всего 104 975 человек. Для сравнения: кавалерия по ноябрьскому плану 1939 г. насчитывала 141 890 человек, а Военно-воздушные силы — 230 000 человек, включая ВУЗы.

Понятно, что, когда в 1940 г. началось обрастание этих железных «костей» «мускулами» и «жиром», возникли немалые организационные сложности. По мобилизационному плану 1941 г. (февральский МП-41) танковые войска КА должны были насчитывать в военное время аж 1 млн 65 тыс. человек. Почти в десять раз больше! На всякий случай замечу, что, ввиду специфики организации и концепции применения в начальный период войны, танковые войска находились в высокой степени готовности. Соответственно штаты мирного и военного времени отличались незначительно. В случае развития событий по предлагаемому альтернативному сценарию переход от «скелетированных» танковых войск 30-х годов к сбалансированным танковым войскам начала 40-х пройдет мягче.

Первым испытанием для свежесформированных мехкорпусов «стратегических танков» стали учения Киевского военного округа в сентябре 1935 г. Несмотря на всю показушность этого мероприятия, разыгранного для иностранцев по заранее написанному сценарию, маневры показали высокий потенциал новых соединений.

На этих учениях, проводившихся к юго-западу от Киева, сошлись в борьбе две армейские группы — наступавшие на Киев «синие» и оборонявшие его «красные». Кризисным днем операции стало 15 сентября, когда «синие», форсировав реку Ирпень, уже вели бои за Киевский укрепленный район. «Красные» направили в обход их группировки 45-й механизированный корпус (еще не полностью сформированный). Ответом

«синих» стал охват фланга мехкорпуса «красных» кавкорпусом, усиленным танками. По сценарию учений конницу «синих» должна была сокрушать 9-я Крымская кавалерийская имени СНК УССР дивизия, также поддержанная танками¹. Посредники должны были не приостанавливать или ускорять продвижение частей в зависимости от грамотности их действий, а добиваться неуклонного соблюдения этими частями «сценария» маневров. Однако в случае с 45-м мехкорпусом и командующие, и посредники отметили, что помощь 9-й кавдивизии ему фактически не потребовалась. Мехкорпус уверенно выстроил заслон мотопехоты против конницы «синих», практически не ослабляя направления главного удара.

Вместе с тем маневры под Киевом показали, что введенная в штат корпуса гаубичная артиллерия отстает от танков и мотопехоты. Быстрое выдвижение 45-го мехкорпуса для контрудара привело к тотальному отставанию его артиллерии, несмотря на заранее, еще до маневров, продуманные и рассчитанные маршруты ее движения. Она безнадежно отстала и в решающий момент просто отсутствовала на поле боя.

Маневры в Белоруссии в 1936 г. прошли без участия мехкорпуса, но даже опыта Киевских маневров оказалось достаточно для того, чтобы задуматься о совершенствовании техники и штатов созданных соединений. В одном из отчетов, написанных по итогам маневров, указывалось: «Лучше всех показал себя тягач Сомуа». На очередном заседании ГВС (Главного военного совета) рассматривался вопрос «О средствах тяги для мехкорпусов «стратегических танков».

Здесь самое время остановиться и дать очередной комментарий по написанному. Строительство Вооруженных сил — это долгий и сложный процесс, зачастую нужные и правильные решения не самозарождаются из ветоши, а

¹ Такой эпизод действительно имел место в ходе Киевских маневров. — *Прим. автора.*

являются результатом длительной и напряженной работы, проб и ошибок в течение долгого промежутка времени. Попытка СССР вскочить в 1940 г. на подножку уходящего поезда строительства самостоятельных механизированных соединений имела ограниченный успех именно вследствие отсутствия долгой подготовительной работы, которая могла бы стать опорой для принципиально новых формирований.

Имеющаяся на вооружении РККА в 1940 г. техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов (за отсутствием альтернатив), была создана, исходя из более простых задач. В первую очередь это касалось механики артиллерии. В СССР велась обширная работа по механизации артиллерии, но целевой группой были вовсе не мехкорпуса. Механическая тяга в артиллерии позволяла экономить штатную численность войск. Стрелковая дивизия с артиллерией на гужевой тяге насчитывала по штату военного времени около 17 тыс. человек. Введение механической тяги позволяло сократить эту величину примерно до 14 тыс. человек. Это позволяло экономить людские ресурсы как в мирное, так и в военное время.

Понятно, что скорость для массового тягача арtpолков стрелковых дивизий не была столь уж важна. Поэтому СТЗ-5(СТЗ-НАТИ), получивший в войсках прозвище «головастик», несмотря на целый ряд технических недостатков, в целом удовлетворял командование в качестве тягача артиллерийских полков стрелковых дивизий Красной армии. Он же применялся в некоторых арtpолках РГК и для буксировки зенитных орудий среднего калибра. В 1941 г. он был основным тягачом для 122-мм гаубиц М-30, 152-мм гаубиц М-10, 76-мм и 85-мм зенитных пушек.

Однако, когда «головастика» стали пропихивать в толь-ко что созданные подвижные соединения — мехкорпуса, он не вызвал бурного восторга. Еще до войны, на совещании руководящего состава РККА в декабре 1940 г., командир 6-го механизированного корпуса ЗапОВО Михаил

«Два мира, два детства»: на первомайском параде на Красной площади трактора СТЗ-5 тянут 76-мм пушки УСВ с передками

Георгиевич Хацкилевич говорил: «...мы имеем в артиллерии трактора СТЗ-5, которые задерживают движение. Наша артиллерия, вооруженная этими тракторами, имеет небольшую подвижность и отстает от колесных машин и от танковых соединений. (Из президиума: 30 км в час). М. Г. Хацкилевич: Теоретически это так, а практически он такой скорости не дает»¹. Транспортный трактор СТЗ-5 действительно был не лучшим образцом для подвижных соединений. Имея мощность двигателя всего 50 л.с., он существенно уступал полугусеничным тягачам немецких танковых дивизий, оснащенных двигателями в 100—140 л.с. В результате артиллерия мехкорпусов в ходе их маневрирования во время сражения постоянно отставала от танков.

Все это заставляет «отмотать» ситуацию назад, к началу 1930-х. Именно в это время складывался парк тягачей Красной армии. Какая машина могла стать перспектив-

¹ Русский Архив. Великая Отечественная. Том 1. М.: ТЕРРА, 1993. С. 276.

«Два мира, два детства»: На параде в День взятия Бастилии во Франции 75-мм пушки идут на буксире колесных тягачей «Лаффли» S15T (макс. скорость 51 км/ч)

ным тягачом для элитных соединений «стратегических танков»? Копирование немецких полугусеничных тягачей представляется задачей совершенно непосильной для советской промышленности 1930-х годов. Точнее будет даже сказать, что со стороны военных было настойчивое желание получить машину «по типу Краус-Маффей», но отечественный производитель оказался глух к просьбам, мольбам и требованиям людей с петлицами. При несомненных достоинствах немецкой машины она была чересчур сложной. Вообще, немецкие скоростные тягачи годились для производства исключительно в Германии и эксплуатации в германской армии. Одни игольчатые подшипники в траках гусениц (!!!) чего стоили.

Столь же нереальной задачей для любого советского завода был массовый выпуск полноприводных тяжелых грузовиков по типу хорошо известного «Студебекера» или GMC CUKW, а также колесных тягачей «Лаффли». Машины этого класса требовали массового производства ШРУС (шарниров равноугловой скорости) для передних мостов.

Тягач «Лафли» демонстрирует свои возможности по передвижению по пересеченной местности

Этот узел требовал высокой точности изготовления и был слишком сложен для освоения в отечественных реалиях, по крайней мере в 1930-е годы. Такие автомашины можно было только закупать за границей, и то только в том случае, если продадут.

Все вышесказанное заставляет обратить взоры к полугусеничным машинам с двигателем Кегресса, т.е. резинометаллической гусеницей. Собственно, полугусеничный ход системы Кегресса осваивался у нас в стране еще до революции. Можно даже сказать больше: французский подданный Адольф Кегресс жил и работал в России и был хорошо знаком с нашими реалиями. С 1908 г. Кегресс являлся начальником технической части всех гаражей царя Николая II, оставаясь при этом личным шофером последнего русского императора. Именно в этот статусе Кегресс экспериментировал с гусеничным ходом для автомобилей различных типов. В июле 1917 г. А. Кегресс покинул Россию, вернулся на родину и продолжил работу над своим двигателем на фирме «Ситроен». Именно здесь его нашли представители фирмы «Сомюа», которым было поручено

«Два мира, два детства»: Американское 155-мм орудие M1 на буксире 7,5-тонного грузовика Mack

вести программу перевода артиллерии на механическую тягу с гужевой.

В 1929 г. на фирме «Сомюа» началось изготовление среднего тягача MCG-4 для буксировки 9-тонного 155-мм орудия, установленного на низкой колесной тележке. Для буксировки орудий MCG-4 выпускался в варианте седельного тягача с 3-местной открытой кабиной с жесткой крышей. Этот образец показал скорость всего 18 км/ч. Однако на «Сомюа» продолжили работу над тягачом и вскоре добились ощутимого успеха. В ноябре 1934 г. начался выпуск модернизированного тягача MCG-4 с новой 5-ступенчатой коробкой передач и мотором, мощность которого возросла до 55 л.с. При массе 4,9 т он развивал скорость в 30 км/ч. Это уже был образец, вполне подходящий на роль скоростного тягача подвижных соединений.

В СССР с продукцией «Сомюа» познакомились быстро, практически сразу после ее появления на свет. Более того, некоторое количество полугусеничников «Сомюа» использовались в Красной армии. Вскоре последовали собственные разработки по мотивам «французской штуч-

ки». Еще в 1931 г. в НАТИ под руководством А. А. Липгарта разработали ЗИС-СОМУА (АМО-Сомуа) на шасси АМО-2 с использованием импортного движителя того самого SOMUA MCG-4. В 1934 г. был построен автомобиль ЯСП на базе грузового автомобиля Я-5, представлявший собой полугусеничный короткобазный тягач для буксировки орудий. За основу его движителя была принята конструкция движителя французского тягача «Сомюа» MCG-4. В качестве тягача ЯСП мог буксировать прицепы массой 5—7 т и на шоссе развивал скорость 30—34 км/ч. Оснащался ЯСП импортным двигателем «Геркулес» — это был, пожалуй, его главный недостаток.

Тем не менее определенные наработки на ниве скоростного тягача к 1935 г. в СССР уже имелись. 1935 г., напому, был своего рода Рубиконом в создании мехсоединений в СССР и Германии. Реальным препятствием на пути оснащения механизированных соединений Красной армии полугусеничными тягачами с движителем Кегресса было отсутствие стабильного интереса к этой проблеме со стороны командования танковых войск. Оснащение механизированных соединений артиллерией было достаточно условным (одна батарея на целый мехкорпус), о тяжелых орудиях речи практически не было. Поэтому отсутствовали стимулы для того, чтобы продираться по трудной дороге создания и производства хотя бы в ограниченных объемах собственного скоростного тягача. Подчеркну: «хотя бы в ограниченных объемах». Об оснащении всей Красной армии тягачами по типу ЯСП не могло быть и речи. Собственно, в Вермахте сложные и дорогие полугусеничные тягачи для гаубичной артиллерии и тяжелых пушек концентрировались в подвижных соединениях и артиллерийских частях РГК. Пехотные дивизии Вермахта обходились лошадьми (по 2 тыс. голов на артиллерийский полк). Такой же принцип можно было реализовать в Красной армии. Скоростные тягачи получает элита в лице «страте-

Немецкий полугусеничный тягач SdKfz.I 1 с 105-мм легкой полевой гаубицей 1eFH18 на буксире. Буква «К» означает «Клейст» — машина принадлежит к одной из частей 1-й танковой группы

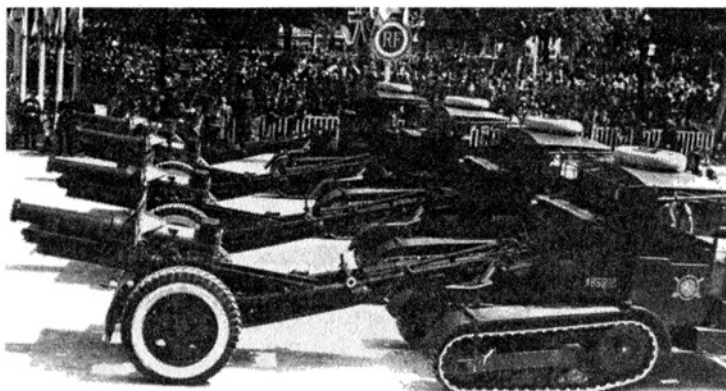
гических танков», а основная масса частей и соединений РККА пользуется «головастиками» СТЗ-5.

Скорее всего, механизированных корпусов «стратегических танков» первоначально будет сформировано столько же, сколько формировали в реальной Красной армии механизированных (танковых) корпусов, — четыре. Это были, напомним, 5, 7, 11 и 45-й механизированные корпуса. На язык просится сравнение мехкорпусов «стратегических танков» с танковыми армиями 1943—1945 гг., но эта аналогия не совсем точна. При наличии скоростных тягачей для артиллерии 122-мм и 152-мм калибров мехкорпуса «стратегических танков» будут сильнее советских танковых армий. Преимуществом танковых армий будет, пожалуй, армейское управление с соответствующими средствами связи.

Одним из наиболее сложных вопросов в данной альтернативе является рассмотрение ситуации 1940—1941 гг. Как известно, в реальности в это время проходила масштабная реорганизация танковых войск, в ходе которой мехкорпуса

1930-х годов были расформированы. Затем появились два поколения новых мехкорпусов, уже принципиальной новой организации, первое в 1940 г., второе — в 1941 г. В итоге к началу войны налицо было 29 механизированных корпусов. Представляется, что в альтернативном варианте, в случае начала формирования корпусов «стратегических танков» в 1935 г., подобных шараханий удастся избежать. Собственно, одной из главных причин отказа от механизированных корпусов, сформированных в 1930-е годы, была их «громоздкость». Выявилась эта «громоздкость», в частности, в ходе Польского похода в сентябре 1939 г. К «стратегическим танкам» такие претензии вряд ли будут выдвигаться. Поэтому наиболее вероятной последовательностью событий будет следующая. Во-первых, никакого расформирования мехкорпусов «стратегических танков». Те, что имелись к началу Второй мировой войны, сохранятся в неизменном виде. Во-вторых, следует ожидать, что в 1940 г. начнется формирование второй волны мехкорпусов «стратегических танков», с удвоением их общего количества. То есть если реальным летом 1940 г. началось формирование мехкорпусов новой организации фактически с нуля, то в альтернативе будет иметь место клонирование существующих соединений. В-третьих, резкие телодвижения с формированием дополнительно двух десятков новых мехкорпусов также сомнительны. Скорее всего, при наличии «обжитой» с 1935 г. организационной структуры мехкорпуса «стратегических танков» бригады непосредственной поддержки на танках Т-26 останутся нетронутыми. Максимум, чего можно ожидать, — запуска процесса формирования еще 5—7 мехкорпусов в 1941 г. Таким образом, их число возрастет примерно до полутора десятков.

Достаточно логичным и реалистичным представляется идея с формированием конно-механизированных групп из «стратегических танков» (мехкорпуса или даже двух мехкорпусов) и кавалерийских корпусов. Позволю себе предположить, что таковых будет сформировано по меньшей

Тягачи Somua MCG.4 на параде 14 июля 1939 г.
со 155-мм дивизионными гаубицами на буксире

мере три штуки. Назовем их 1-я КМГ, 2-я КМГ и 3-я КМГ соответственно. Формирование КМГ практически постоянного состава, кстати, имело место в СССР во второй половине войны. Например, в южном секторе советско-германского фронта действовала КМГ под командованием И. Плиева.

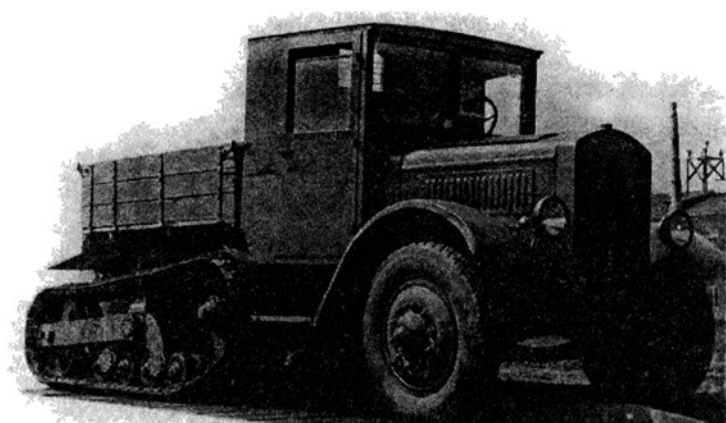
Еще одним принципиальным вопросом является подчиненность мехкорпусов «стратегических танков». Соединение класса «корпус» обычно подчиняют тому или иному армейскому управлению. В реальном 1941 г. мехкорпуса подчиняли общевойсковым армиям. Идея танковой армии для 1940—1941 гг. представляется несколько преждевременной. Проще всего с конно-механизированными группами, они с легким сердцем могут быть подчинены непосредственно командованию фронта. Столь же целесообразно подчинять штабу фронта и рядовые мехкорпуса «стратегических танков».

Подчинение «стратегических танков» непосредственно командованию фронта позволяет изолировать их от волея командующих армиями. Характерным примером

такого своеволия являются действия командующего 6-й армией Юго-Западного фронта генерала Музыченко, который в июне 1941 г. весьма вольно обходился с подчиненными ему 4-м и 8-м механизированными корпусами, в некоторых случаях даже прямо игнорируя указания из штаба фронта. Своя правда у И. Н. Музыченко, конечно же, была. Его стрелковые дивизии были растянуты по фронту, и удары немецких пехотных дивизий вызывали кризисы то там, то здесь, что в конечном итоге вынудило применять танки как «пожарную команду» для подпирания фронта обороны 6-й армии. Тем не менее эти метания не лучшим образом сказались на характере противодействия наступлению 1-й танковой группы на направлении главного удара группы армий «Юг».

Конечно, такое своеволие могло быть проявлено и со стороны командования фронта. Так, 4 июля 1941 г. по приказу начальника штаба Северо-Западного фронта из состава 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса был изъят мотострелковый полк с мотоциклетной ротой 5-го мотоциклетного полка. Он действовал отдельно от дивизии, что не лучшим образом сказалось на эффективности атак танков дивизии на немецкий плацдарм на р. Великой у города Остров. Тем не менее квалификация фронтового командования была в среднем выше и при постановке задач учитывались интересы фронта в целом. Так, подчиненным ему непосредственно 15-м мехкорпусом командование Юго-Западного фронта управляло с меньшими проблемами, чем 4-м и 8-м мехкорпусами через голову соответствующих командующих армиями. Подчинение фронту также означает повышенное внимание к использованию «стратегических танков» со стороны Верховного командования.

Побочным эффектом от подчинения «стратегических танков» фронту будет отнесение их места постоянной дислокации в глубину относительно мехкорпусов реального

Опытный армейский тягач ЯСП на базе грузовика Я-5 и ходовой части
Somua MCG.4. 1934 г. Он мог стать основным тягачом для элитных
механизированных соединений

Доставшиеся не той армии: тягачи Somua MCG.4 в качестве трофеев
французской кампании в Вермахте

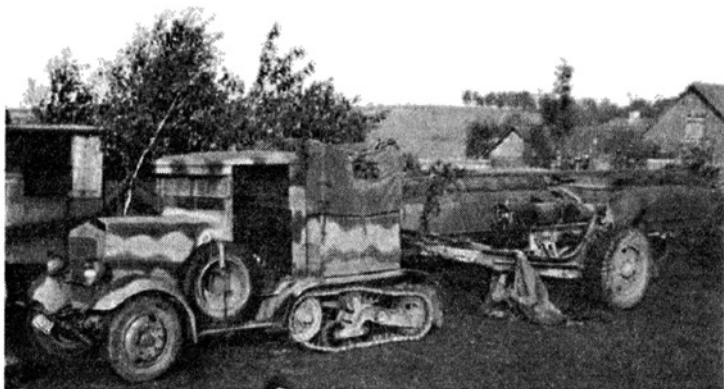
1941 г. Последние подчинялись армиям и поэтому были относительно близко к границе. Подчиненные фронту окажутся оттянуты несколько дальше на восток.

«Стратегические танки» в бою

К началу войны семь из восьми механизированных корпусов «стратегических танков» находились в местах постоянной дислокации в мирное время. Один мехкорпус находился в движении, он ехал в эшелонах из Забайкалья на Украину. Два мехкорпуса поделили между собой две столицы: один мехкорпус находился в Ленинградском округе, второй — в Московском. В трех приграничных (особых) округах было пять корпусов «стратегических танков». Один дислоцировался в Прибалтике, второй находился под Минском в Западном особом округе. Наконец, из оставшихся пяти три дислоцировались на Украине: два в районе Тернополя и Проскурова и один под Киевом.

Достигнутое немцами упреждение Красной армии в мобилизации и развертывании коснулось их точно так же, как и другие соединения Красной армии. Конечно, в сравнении со стрелковыми дивизиями мехкорпуса являлись соединениями с высокой степенью боевой готовности. Будучи подняты по тревоге утром 22 июня 1941 г., мехкорпуса выходили в назначенные им районы, отмобилизовывались и приводили себя в порядок, прячась в лесах от вражеской авиации.

Упреждение Красной армии в мобилизации и развертывании влияло прежде всего на соотношение сил. Оно было неблагоприятным как по стрелковым соединениям, так и по подвижным соединениям. Пяти советским механизированным корпусам «стратегических танков» формирования 1935—1940 гг. в западных округах германское командование могло противопоставить десять моторизованных корпусов (АК(мот.)). Это были XXXXI и LVI корпуса 4-й танковой группы, LVII и XXXIX корпуса 3-й танковой группы, XXIV, XXXXVI и XXXXVII корпуса 2-й танковой группы, III, XIV и XXXXVIII

Еще один полугусеничник-«кегресс» 1930-х годов: польский тягач С4Р. На снимке брошенная в сентябре 1939 г. машина с 120-мм орудием на буксире

корпуса 1-й танковой группы. Несколько улучшалось соотношение сил за счет большего числа соединений в советском механизированном корпусе «стратегических танков».

После смещения границы на запад в 1939—1940 гг. «стратегические танки» разворачивались в тылу особых (приграничных) округов. К июню 1941 г. 3-й мехкорпус дислоцировался в районе Даугавпилса (Двинска), 2-я КМГ (6-й мехкорпус и 6-й кавкорпус) — в районе Минска, 1-я КМГ (8-й мехкорпус и 5-й кавкорпус) — под Тарнополем, 4-й мехкорпус — под Проскуровым, 3-я КМГ (2-й мехкорпус и 2-й кавкорпус) — в Виннице. 5-й мехкорпус двигался по железной дороге из Забайкалья. 1-й и 7-й механизированные корпуса из Ленинградского и Московского военных округов находились слишком далеко от границы, чтобы принять участие в Приграничном сражении.

Вторжение 3-й и 4-й танковых групп в Прибалтику стало 3-м механизированный корпус «стратегических танков» в Даугавпилсе (Двинске). Уже в 9.35 утра 22 июня командующий Северо-Западным фронтом докладывал в

Москву: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друсkenики»¹. Прорыв механизированных соединений противника на стыке Прибалтийского и Западного особых округов (ставших Северо-Западным и Западным фронтами) представлял собой серьезную угрозу. Поэтому вечером 22 июня 3-й мехкорпус «стратегических танков» получил приказ на выдвижение из Даугавпилса на юг, в направлении на Каунас. На полпути советский мехкорпус лоб в лоб сталкивается с идущим тем же маршрутом LVI моторизованным корпусом 4-й танковой группы. Предупрежденные воздушной разведкой немцы переходят к обороне. Одновременно принимается решение о повороте во фланг советскому мехкорпусу XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. В районе Укмерге и Паневежиса разыгрывается крупное танковое сражение.

Многочисленная мотопехота и вовремя прибывшая артиллерия позволяют «стратегическим танкам» отражать удары противника и переходить в контратаки. В советском мехкорпусе примерно по полсотни новейших KV и T-34. Танки Pz.III из немецкой 1-й танковой дивизии с 50-мм пушками бьют по ним в упор подкалиберными снарядами, 37-мм пушки 38(t) и 35(t) оказываются совершенно бессильны против новых советских танков. В сражении активно используются зенитки. Два немецких моторизованных корпуса охватывают крупнейшее подвижное соединение Северо-Западного фронта с флангов. Под угрозой разгрома командир 3-го мехкорпуса «стратегических танков» принимает решение прорываться обратно в Даугавпилс. Тем временем под шумок танковых боев советская пехота 8-й армии отходит на север, на рубеж Западной Двины. Прорыв 3-го мехкорпуса из «котла» оказывается достаточно успешным, он сдерживает наступление LVI корпуса, отходит и занимает предмостную позицию у Даугавпилса. Ни о каком стремительном захвате переправ здесь не может быть и речи. Немецкий XXXXI мо-

¹ Реальное донесение Ф. И. Кузнецова маршалу С. К. Тимошенко.

Советский танк Т-28. Несмотря на архаичный внешний вид с двумя пулеметными башнями — один из наиболее совершенных советских танков

торизованный корпус пробивается к Западной Двине у Екабпилса. Мост оказывается взорван, но саперы наводят переправу через реку с помощью сборных металлических конструкций. Мосты строятся под энергичными ударами с воздуха. Получив донесения воздушной разведки о скоплении немецких танков у Екабпилса и Ливани, командование фронта решает нанести контрудар по немецким плацдармам. Сохранивший боеспособность 3-й мехкорпус «стратегических танков» выводится с плацдарма у Даугавпилса. Мосты в Даугавпилсе взлетают на воздух. Мехкорпус после короткого марша наносит контрудар по плацдармам у Ливани и Екабпилса. Решительное контрнаступление вынуждает переправившиеся через Западную Двину немецкие части перейти к обороне.

Тем временем еще один мехкорпус «стратегических танков» движется к фронту из Ленинградского военного округа. Одновременно на линию старой границы под Псковом и Островом в эшелонах прибывают стрелковые дивизии из Московского военного округа. Энергичное противодействие 3-го мехкорпуса «стратегических танков» немецкому наступле-

нию позволяет 41-му стрелковому корпусу почти без помех в полном составе занять позиции на старой границе в районе Пскова и Острова. 1-й мехкорпус «стратегических танков» становится подвижным резервом обороны на старой границе. Первая попытка 4-й танковой группы прорваться через позиции советских войск терпит неудачу. Оборона Северо-Западного фронта обретает устойчивость. Полноценный штурм линии обороны на «старой границе» начинается только с подходом пехотных дивизий.

Приграничное сражение и сражение на линии старой границы на Западном фронте разыгрываются куда более драматично. Здесь, в Белоруссии, на направлении главного удара немцев действуют сразу две танковые группы. Осознавая угрозу из полосы обороны соседа, Прибалтийского округа, командующий Западным фронтом отдал приказ 6-му мехкорпусу «стратегических танков» занять оборону на подступах к Минску с севера и северо-запада. С подходом 3-й танковой группы к Минскому УР последовал приказ на контрудар. Вырвавшийся вперед XXXIX моторизованный корпус группы Гота оказался атакован с востока. Прорыв через УР был приостановлен.

Однако вслед за этим местным успехом следуют две оглушительные новости. Сувалкинская группировка противника уверенно наступает на юг и юго-восток и прорывается в тыл 10-й армии в белостокском выступе. Одновременно с юга к Слониму и Зельве прорываются части 29-й моторизованной дивизии 2-й танковой группы. 10-я армия и часть сил 3-й армии оказываются в западне. Еще один ушат холодной воды на Павлова обрушивает известие о захваченной у немцев карте с обозначением положения 2-й танковой группы. Это означает смертельную угрозу для Минска со стороны шоссе Брест — Москва. Павлов спешно выводит из боя 6-й мехкорпус «стратегических танков» и бросает его в бой к юго-востоку от Минска. Поскольку Гудериан ориентирован в основном на прорыв на восток, к Березине и Днепру, а не на окружение, 6-му мехкорпусу удастся сковать боем XXXXVII

моторизованный корпус на подступах к Минску. В запланированном немцами «котле» под Новогрудком в течение нескольких дней зияет брешь между 2-й и 3-й танковыми группами. Сохранившие боеспособность части выходят из окружения и отходят по шоссе в сторону Борисова. Полноценный «котел» захлопывается только после падения Минска. Ведя арьергардные бои, 6-й мехкорпус отходил к Борисову.

К слову сказать, Д. Г. Павлов, скорее всего, не избежит ареста и суда даже при более благоприятном с точки зрения потерь развитии событий в Приграничном сражении. Ожидания советской стороны (пресловутый тезис о войне «малой кровью») были изначально завышенными, что привело бы к поискам мальчика для битья даже при окружении одной армии.

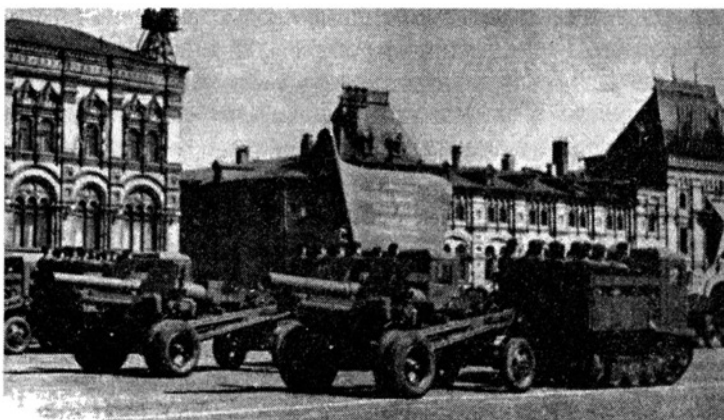
Танковое сражение за Берестечко

В штабе Юго-Западного фронта план использования «стратегических танков» созрел вечером первого дня войны. Разведка выявила две основные ударные группировки немецких танков. Одна наступала от Владимира-Волынского на Луцк и Ровно, вторая двигалась от Сокаля к Берестечко и далее на Дубно. Сразу же был предложен контрудар во фланг и тыл наступающей на Дубно немецкой группировки. Главной ударной силой контрудара должна была стать 1-я конно-механизированная группа (1-я КМГ) под командованием Д. И. Рябышева. Поздним вечером 22 июня она получила приказ на выдвижение из Тарнополя в район Бродов. Корпус из Проскурова также получил приказ на выдвижение в район к востоку от Львова.

Здесь следует отдавать себе отчет, что даже при наличии дееспособных крупных механизированных соединений речь не идет о том, чтобы выиграть Приграничное сраже-

ние. Соотношение одновременно вводимых в бой сил сторон, ввиду упреждения в мобилизации и развертывании, не давало шансов Красной армии на решительный успех. Остановить даже мехкорпусами «стратегических танков» (численностью по 40—45 тыс. человек) немецкую 6-ю армию Рейхенау (численностью в июне 1941 г. 378 919 человек) или 17-ю армию Штюльпнагеля (численностью 284 784 человека) силами одного-двух мехкорпусов (численностью 40—45 тыс. человек) попросту нереально. Можно было лишь уменьшить масштабы катастрофы. Однако вырвавшиеся вперед моторизованные корпуса немцев для полноценных механизированных соединений — противник вполне по зубам. В ходе наступлений летом 1941 г. моторизованные корпуса танковых групп и сами танковые группы оказывались оторваны на десятки километров от шагающей за ними пешком пехоты полевых армий. Энергичный контрудар по этим вырвавшимся вперед подвижным соединениям давал неплохие шансы на успех как в ближней, так и в дальней перспективе.

Характерным примером здесь являются действия немецких танковых соединений в августе 1943 г. под Богодуховым. Вырвавшиеся вперед, к железной дороге Полтава — Харьков, бригады из состава 1-й танковой армии Катукера подверглись контрударам переброшенных из Донбасса эсэсовских танко-гренадерских дивизий. В результате контрудара во фланг и тыл армии Катукера немцам удалось стабилизировать обстановку. Позднее такими же контрударами во фланг и тыл наступающих советских войск им удалось окружить 5-й гвардейский Сталинградский танковый корпус. Его бригады пробивались из окружения с боем. Хотя в итоге группе армий «Юг» все равно пришлось отступить к Днепру, контрудары под Богодуховым и Ахтыркой позволили отложить отход и сделать его более организованным. Также на темпах операций Воронежского и Степного фронтов сказались понесенные под Богодуховым и Ахтыркой потери в бронетехнике.

На параде на Красной площади тягачи СТЗ-5 с гаубицами М-10 на буксире. Обратите внимание на двухскатные колеса лафета. 152-мм гаубицы обр. 1938 г. были мощной артсистемой, которую можно было тянуть с большими скоростями, чем обеспечивал СТЗ-5

Марш 1-й КМГ к Бродам проходил практически без помех. Германская авиация была занята ударами по советским аэродромам и противодействия перемещениям советских войск в львовском выступе не оказывала. Многократно отработанный на учениях порядок следования колонн и налаженная служба регулирования позволили крупной массе людей и техники, более чем 50 тысячам человек и 800 танкам, выйти в назначенный район 23 июня. Здесь части 1-й КМГ рассредоточились в лесах и остаток дня приводили себя в порядок и вели разведку.

Задача 1-й КМГ была сформулирована в приказе штаба фронта, в котором предписывалось выйти «в район Войница, Милятын, Сокаль. Помимо разгрома главной (сокальской) группировки противника, этим маневром срывается угроза окружения противником главных сил нашей 5-й армии»¹.

Командование фронта настаивало на нанесении контрудара уже 23 июня, но в 18.00 этого дня стало окончатель-

¹ Фрагмент реального приказа №0015 штаба ЮЗФ.

но ясно, что готовности к переходу в наступление достичь не удалось. Одним из аргументов комфронта было то, что у границы в условиях полуокружения сражалась 124-я стрелковая дивизия. Ее положение было критическим: немцами были последовательно захвачены склады, с которых она снабжалась. 22 июня были потеряны Порицк и Тартакув, 23 июня — Спасув и Дружкополь. Истощение запасов боеприпасов и наметившееся окружение угрожали 124-й стрелковой дивизии разгромом в течение двух-трех суток. Одной из задач конно-механизированной группы стало восстановление связи с полуокруженной дивизией. Тем не менее командиру КМГ удалось отстоять свое решение об отмене вечерней атаки. Он настаивал на отсрочке с целью подготовки данных для артиллерии и продуманной подготовки позиций для нее. Конно-механизированная группа должна была перейти в наступление с рассветом следующего дня. Командиру 124-й стрелковой дивизии предписывалось подготовиться к прорыву навстречу наступающим танкам. Согласовывались сигналы опознания своих частей.

Перемещения крупных масс танков и автомашин не скрылись от немецкой воздушной разведки. Командование 1-й танковой группы ожидало контрудара, и для прикрытия фланга наступавшего от Берестечко на Дубно XXXXVIII корпуса вперед выдвигалась 57-я пехотная дивизия. 11-я танковая дивизия генерала Крювеля полностью втянулась на советскую территорию всеми своими тыловыми частями, растянувшимися почти на 60 км. За ними стояли в ожидании части 16-й танковой дивизии. Разумеется, об остановке наступления, ввиду фланговой угрозы, никто в немецких штабах даже не помышлял. Считалось, что 16-я танковая и 57-я пехотная дивизии в состоянии справиться с любым противником.

Тем временем в частях конно-механизированной группы завершалась подготовка к запланированному наступлению. Необходимость деблокирования 124-й стрелковой дивизии стала одним из главных лозунгов дневного боя. Политруки

повторяли слова Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай». Если общая обстановка была покрыта мраком для рядовых бойцов мехкорпуса и кавкорпуса, то необходимость выручить попавших в беду товарищей не вызвала сомнений.

На рассвете над изготовившимися к атаке частями мехкорпуса пролетели в строю «девятки» бомбардировщики СБ. Для них еще ночью были выложены полотнища с обозначением переднего края. Взаимодействие с бомбардировщиками ранее отрабатывалось на довоенных учениях КМГ, и, несмотря на дедовские методы целеуказания, оказалось бесполезно. СБ ушли за лес, и вскоре послышались отдаленные взрывы, над лесом поднялся черный дым. После короткого огневого налета артиллерии заревели сотни танковых двигателей. Наступление КМГ началось. Наступление велось вдоль дорог и в долинах речушек — местность в направлении предполагаемого контрудара изобиловала лесами, местами она была заболочена. Благодаря эффективной поддержке артиллерии танкам и мотострелкам удалось преодолеть опиравшуюся на естественные преграды немецкую оборону. Точнее ее будет все же назвать завесой, ввиду растянутости фланга XXXXVIII корпуса почти что на 80 км, построить сколь-нибудь прочный фланговый заслон не представлялось возможным. Фактически сама местность стала более серьезным препятствием, чем немецкие пушки и пулеметы. Немало танков застряло на заболоченных берегах речек Слоновка, Радоставка и Болдурка. У застрявших машин сразу же засуетились ремонтники. Танки вытаскивали из жижи мощными тракторами «Ворошиловец».

Неприятным сюрпризом для немецких танкистов и артиллеристов стали танки КВ и Т-34. Им удалось подбить несколько тяжелых и средних танков, но противотанковая оборона под атаками тяжелых танков оказалась расстроена, и пехота отступила. Местами это отступление напоминало бегство. Преодолев рубеж заболоченных речек, советские танки и мотопехота вышли на открытую местность под Берестечко. Прорыв к переправе у местечка Шуровище

привел к прерыванию основной линии снабжения 11-й танковой дивизии. Советское наступление было настолько внезапным, что выскочившие из леса «бэтешки» с ходу врезались в стоявшие на шоссе колонны немецких грузовиков. Колонна была заперта на шоссе авианалетом, и пробку из горящих грузовиков просто не успели разобрать. Многие грузовики в итоге оказались просто брошены. После короткого боя мост в Шуровицах немцы взорвали, отступив на западный берег реки Стырь. Однако эта мера предосторожности оказалась бесполезной. Вскоре засевшие в Шуровицах немцы слышали грохот двигателей танков Т-34 и БТ, приближающийся с запада, — еще одна советская танковая колонна подходила к ним по другому берегу реки. Смешавшимся частям 57-й пехотной и 11-й танковой дивизий пришлось отступить дальше на север, к Берестечко. Город был спешно превращен в крепость, оцетинившуюся зенитками. Его штурм последовал во второй половине дня 24 июня. Подтянув артиллерию и подавив ее огнем зенитки, части мехкорпуса проложили себе дорогу на улицы Берестечко. Уже в сумерках в город ворвались советские танки. Уличные бои при свете пожарниц шли до глубокой ночи. С захватом Берестечка обе дороги, по которым осуществлялось снабжение передовых частей XXXXVIII корпуса, оказались перехвачены. Ушедшая дальше на восток 11-я танковая дивизия оказалась изолирована. По радио ей был отдан приказ: подготовить «ежа» (позицию для круговой обороны) и ждать. Наступление на Дубно остановилось. Пехотинцы мотострелковых полков дивизии Крювеля молча копали окопы, прислушиваясь к грохоту боя далеко позади, в Шуровицах. Зарево пожарниц в тылу и рассказы выскочивших из пробки на шоссе водителей грузовиков о танковых атаках нагоняли еще больше уныния.

Несмотря на неожиданно сильный советский контрудар, командование 1-й танковой группы не впало в протрацию. Была немедленно вызвана авиация. Однако ее успехи, ввиду быстро меняющейся обстановки, остались ограниченными. Из-за опасения удара по своим бомбардировщики V авиакор-

пуса бомбили в основном советские тыловые колонны. Еще одним ответным ходом стало наступление 16-й танковой дивизии. Уже в середине дня она была брошена в атаку во фланг наступающим советским танкам. Боевая группа дивизии атаковала от Радзехова в направлении на Лешнев. Здесь разыгралось крупное танковое сражение. Его результаты были разочаровывающими. По его итогам немецкие танкисты докладывали: «Появились очень быстрые тяжелые вражеские танки с 7,62-см орудием, которые прекрасно стреляют с дальних дистанций. Наши танки им явно уступают»¹. Отбить узел дорог Лешнев контрударом 16-й танковой дивизии не удалось.

Однако нельзя сказать, что советское командование осталось полностью удовлетворено результатами первого дня наступления. Мощный контрудар во фланг со стороны Радзехова стал полной неожиданностью. Танковый бой под Лешневым стоил больших потерь. Командир КМГ генерал Рябышев сам лично ездил в Лешнев для оценки обстановки. Множество подбитых немецких танков не могло не радовать, но поле боя также оказалось заставлено подбитыми и сгоревшими танками БТ, Т-28 и Т-34. Некоторые из них еще горели. Кроме того, оказались расстреляны почти все 76-мм бронебойные снаряды для танков новых типов. При повторении танковых атак противника КВ и Т-34 оказались бы безоружными. Всю ночь Лешнев лихорадочно укреплялся. Для обороны Лешнева и подступов к нему пришлось выделить танковую дивизию. Для прикрытия левого фланга конно-механизированной группы пришлось задействовать весь 5-й кавалерийский корпус. В руках генерала Рябышева оставалось все меньше войск, которые можно было бы бросить в наступление, дальше к северу от Берестечка. Он с нетерпением ждал подхода 4-го мехкорпуса, который также планировалось задействовать в контрударе.

¹ Реальная фраза из ЖБД XXXXVIII моторизованного корпуса немцев.

Еще одним неприятным сюрпризом стали непрекращающиеся удары с воздуха. Командующий КМГ раздраженно докладывал в штаб фронта: «Вражеские бомбардировщики действуют совершенно безнаказанно, ходят по головам. Прошу прикрыть истребителями»¹. Для установления связи со 124-й стрелковой дивизией был отправлен отряд из броневигов и роты танков. Он вернулся уже ночью с делегатом из окруженной дивизии. План дальнейших действий не вызывал сомнений — пехотинцев нужно выводить из «мешка». Было решено, что утром следующего дня КМГ наносит удар на Горохов, одновременно в направлении на Горохов прорываются части 124-й дивизии. Для координации совместных действий вместе с броневидами в расположение окруженной дивизии доставили радиостанцию.

Тем временем командование 1-й танковой группы приняло трудное, но казавшееся в тот момент единственно возможным решение — развернуть против прорвавшихся в Берестечко советских танков III моторизованный корпус. Его наступление приостанавливалось, занятые позиции временно сдавались пехоте, а 13-я и 14-я танковые дивизии разворачивались на юг.

Четвертый день войны, 25 июня, стал поворотным пунктом в Приграничном сражении на Украине. Ранним утром танки КМГ атаковали в направлении Горохова. Им пришлось преодолевать усиленную зенитками оборону 75-й пехотной дивизии. Снова началась дуэль артиллерии КМГ и немецких гаубиц и зениток. Однако одновременно в атаку перешли потрепанные части 124-й стрелковой дивизии. Собравшись в кулак и расстреляв последние боеприпасы в 10-минутном огневом налете, они ударили в тыл немецкой пехоте. Их поддерживали рота танков и несколько броневигов, просочившихся к ним ночью. Немецкая оборона под Гороховом рассыпалась,

¹ Донесение примерно такого содержания командир 8-го мехкорпуса Д. И. Рябышев действительно отправлял в штаб фронта в реальном июне 1941 г.

и вскоре в городе состоялась встреча законченных боями пехотинцев и танкистов. Сохранившиеся подразделения 124-й стрелковой дивизии стали через Горохов отходить в тыл, за боевые порядки мехкорпуса. Из окружения удалось даже вывести часть корпусного арtpолка.

Обстановка резко изменилась около полудня. За налетом «Хейнкелей» и «Юнкерсов» последовала атака немецких танков. С севера подошла 13-я танковая дивизия, практически не участвовавшая в боях и понесшая минимальные потери. Вклинившийся во фланг 1-й танковой группы до Горохова мехкорпус растянул свои фланги, и немецкое контрнаступление заставило командира КМГ отдать приказ на отход. Горохов был оставлен, и новая линия обороны была организована на подступах к Берестечко. Также в полдень вновь последовала атака на Лешнев с запада 16-й танковой дивизии.

Еще одним неприятным сюрпризом для командования Юго-Западного фронта стал развал фронта 6-й армии Музыченко на львовском направлении. Еще 22 июня между смежными флангами 41-й и 97-й стрелковых дивизий образовался примерно 15-км разрыв. Это привело к образованию так называемого «любачувского коридора». В него вошли две пехотные дивизии IV армейского корпуса 17-й армии. К вечеру 23 июня ширина «коридора» составляла уже около 24 км. Попытки сдержать наступление немецкой пехоты локальными контратаками приданных 6-й армии танковых бригад непосредственной поддержки на танках Т-26 успеха не имели. Результативность этих изолированных контратак легких танков оказалась достаточно низкой. Все это потребовало от командования фронта резко изменить планы использования 4-го мехкорпуса «стратегических танков»¹. Он был задействован для контрударов по наступающим на Львов пехотным дивизиям.

¹ В реальном 1941 г. наступление 17-й армии сдерживали контратаки 4-го мехкорпуса А. А. Власова, подчиненного 6-й армии.

Брошенная на дороге летом 1941 г. гаубица М-10. Впереди виден разграбленный оккупантами тягач орудия — СТЗ-5

Исключение из боев в районе Берестечко 8-го мехкорпуса существенно изменило соотношение сил сторон. С немецкой стороны против 1-й КМГ были задействованы части сразу двух корпусов 1-й танковой группы — III и XXXXVIII моторизованных корпусов. Также в сражение втягивались пехотные дивизии 6-й армии. Против советских мехчастей была задействована авиация. Один из очевидцев событий вспоминал: «Метрах в пятнадцати догорал перевернутый остов радиомашин. Горел и лес. По бронзовой коре сосен бежало пламя. Вверх, вниз, по веткам на соседние стволы. Горящие деревья падали, поджигали грузовики, палатки, мотоциклы»¹.

Все это вынудило Рябышева отдать приказ на отход от Берестечка на юг. Окружение вырвавшейся вперед 11-й танковой дивизии продолжалось около двух суток. Однако советский контрудар привел к существенному изменению обстановки. На фронт от Луцка до Дубно вышли «глубинные»

¹ Реальная цитата из воспоминаний Н. К. Попеля. Эпизод относится к дубненским боям.

Реалии лета 1941 г. Опрокинувшийся в кювет СУ-152
с гаубицей 152-мм на буксире

соединения — дивизии 31-го стрелкового корпуса. Заболоченные берега реки Иквы стали надежным рубежом обороны. Поворот на юг танковых дивизий III моторизованного корпуса также привел к ослаблению кольца окружения 87-й стрелковой дивизии под Владимиром-Волынским. Это позволило остаткам дивизии полковника Бланка вырваться из «котла» на север и соединиться с главными силами 5-й армии.

Приграничное сражение на Украине, хотя и не стало триумфом Красной армии, тем не менее стало разочарованием для группы армий «Юг». Стремительного прорыва на восток не состоялось. Юго-Западный фронт сохранил относительно устойчивые позиции. В связи с резким осложнением обстановки на Западном направлении Ставкой было решено изымать резервы с Украины. Помимо так и не вступивших в соприкосновение с противником 19-й и 16-й армий (вместе с 5-м механизированным корпусом) это относилось к одному из соединений «стратегических танков». 3-я КМГ была погружена в эшелоны и отправилась на Западный фронт.

Контрудар в центре

Прибытие на смоленское направление, в район Орши, 7-го и 5-го мехкорпусов «стратегических танков» позволило командованию Западного фронта спланировать контрудар по прорвавшемуся в направлении Витебска и Орши противнику.

В условиях рухнувшего фронта сильный контрудар является одной из действенных мер противодействия наступлению противника. В интервью Константину Симонову в 1965 г. Г. К. Жуков высказался о действиях германского командования в Белоруссии в 1944 г. следующим образом: «Оказавшись в тяжелейшем положении, когда им [немцам. — А.И.] нечем было заткнуть прорыв в 400 километров, надо отдать им должное, они нашли смелый и верный выход из положения. Вместо того чтобы пытаться, растянувшись цепочкой, заткнуть всю эту огромную брешь, они начали с того, что сосредоточили ударную группировку и нанесли нам встречный удар в центре этого пустого пространства. Они приковали нас, заставили ввязаться в бои и приостановили таким образом наше наступление. А тем временем в тылу стали создавать новую линию обороны, и благодаря этому неожиданному для нас и смелому удару в значительной мере успели это сделать. Принятое ими после разгрома в Белорусском «котле» решение следует признать смелым и умным».

Собственно, решение С. К. Тимошенко на контрудар под Лепелем реальным летом 1941 г. по сути своей было вариацией той же идеи — «сосредоточить ударную группировку и нанести встречный удар». Не следует думать, что советские командующие были радикально глупее немецких. Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко 2 июля 1941 г. был назначен командующим Западным фронтом. Вступив в должность, он с ходу взял быка за рога и радикально сменил стратегию действий вверенных ему войск. Ранее основной идеей ко-

Завязшие при попытке переправы через реку тягачи СТЗ-5 с 122-мм гаубицами обр. 1910/30 гг.

мандования фронта (сменившего арестованного Д. Г. Павлова А. И. Еременко) было удержание линии обороны пехотой с контрударами мехкорпусами из глубины. Тимошенко решил использовать мехкорпуса для разгрома подвижных соединений немцев перед строящейся на рубеже Днестра и Западной Двины линией обороны армий внутренних округов. Иными словами, новое командование Западного фронта решило нанести контрудар по подходящему с запада противнику. Цели и задачи войск фронта были обозначены в Директиве №16, появившейся на свет поздним вечером 4 июля. Ее основную идею можно определить как стратегию «щита и меча». «Щитом» в этой паре должна была стать оборона по реке Западная Двина и рубежу Бешенковичи, Сенно, Орша, Жлобин. «Мечом» становились 5-й и 7-й механизированные корпуса, нацеливавшиеся на лепельскую группировку противника.

Собственно, причина неудачи двух советских мехкорпусов под Лепелем во многом связана с несовершенством их организационной структуры. Так, наступление 13-й танковой дивизии 5-го мехкорпуса на Лепель началось в

12.00 8 июля 1941 г. вообще без артподготовки. Соответственно, ни о каком подавлении артиллерийским ударом противотанковой обороны противника не было и речи. Первый дивизион арtpолка 13-й дивизии занял позиции только в 14.00, второй — в 17.00 и в бою фактически не участвовал. Излишне говорить, что арtpолк соединения передвигался на пресловутых «головастиках» СТЗ-5. Результат наступления был предсказуемым: и атака мотострелков, и атака танков были остановлены огнем перешедших к обороне частей немецкой 17-й танковой дивизии. С 16.00 до 20.00 13-я танковая дивизия предприняла еще пять атак, но они лишь привели к большим потерям от огня противотанковой артиллерии немцев и успеха не принесли. Напротив, грамотно организованное наступление соседней 17-й танковой дивизии того же 5-го мехкорпуса увенчалось успехом. Группа, собранная командиром соединения И. П. Корчагиным из 33-го танкового полка, мотострелкового полка и арtpолка дивизии, успешно атаковала в направлении Лепеля. Немецкая оборона дрогнула, начался беспорядочный отход. То есть разреженные фланговые заслоны немцев были вполне «по зубам» для правильно организованного наступления.

После завершения боев под Минском следующей линией обороны советских войск должен был стать рубеж Западной Двины и Днепра. На этот рубеж, а также в «смоленские ворота» между Оршей и Витебском прибывали в железнодорожных эшелонах войска из внутренних округов — 20, 21 и 22-я армии. Эти армии обычно называли Вторым стратегическим эшелоном.

Нельзя также не отметить, что у немцев был в руках инструмент влияния на сосредоточение советских войск. Люфтваффе активно работали по коммуникациям. В одном из донесений указывалось, что «по мнению командования 2-го воздушного флота обстановка на фронте за прошедшие дни требовала немедленного и непосредственного воздейст-

вия авиации для прекращения ж.д. перевозок противника»¹. Эти налеты приводили если не к катастрофическим, то к весьма заметным задержкам в сосредоточении Второго стратегического эшелона на Западном направлении. Начальник оперативного отдела 13-й армии С. П. Иванов впоследствии вспоминал: «Вражеская авиация непрерывно бомбила эшелоны в пути и на пунктах разгрузки. Графики движения нарушались, нередко приходилось выгружать войска еще до прибытия на станцию назначения и вести их далее походным порядком»².

Подбитый летом 1941 г. немецкий танк 38(t). Даже осколочные снаряды приводили к растрескиванию тонкой брони этого легкого танка

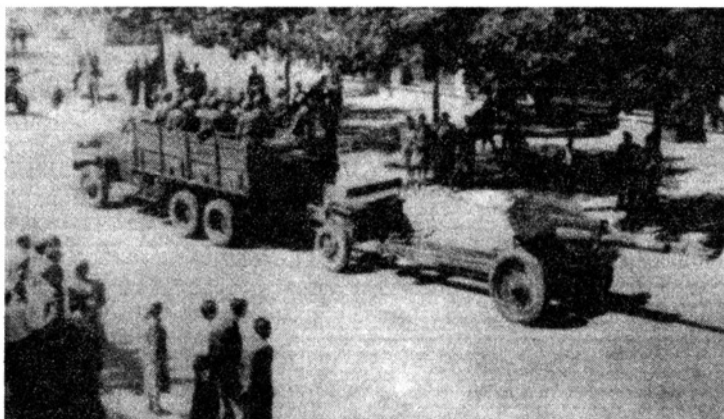
В это время 5-й и 7-й мехкорпуса «стратегических танков» уже выдвинулись в пространство между строящейся линией обороны армий Второго стратегического эшелона и передовыми частями немецких танковых групп на подступах к Березине. Механизированная дивизия из состава 7-го мехкорпуса была выдвинута на плацдарм под Борисовом. Задержка Гудериана под Минском позволила образовать плацдарм на западном берегу Березины и удерживать его и бетонный мост на шоссе Минск — Москва в качестве «островка спасения» для прорывающихся на восток остатков Западного фронта³.

¹ Реальное донесение от 12 июля, см.: ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д.131, л.246.

² Реальные воспоминания, см.: *Иванов С. П.* Указ. соч. С. 113.

³ В реальном июле 1941 г. 1-я мсд Борисов не удержала, и с плацдарма у этого города началось наступление XXXXVII танкового корпуса немцев, приведшее к срыву контрудара под Лепелем.

Тем временем к линии обороны армий Второго стратегического эшелона подходили с запада немецкие моторизованные корпуса. Первым к Западной Двине в районе Улмы и Бешенковичей подошел XXXIX моторизованный корпус 3-й танковой группы. Мосты через реку были взорваны. Оборонявшие рубеж Западной Двины на этом направлении дивизии 22-й армии были растянуты по фронту и сдерживать танковый удар немцев могли ограниченное время. Линия обороны была настолько тонкой, что свой участок на берегу реки получило даже Лепельское училище. Угроза прорыва через Двину на Витебск заставила советское командование поторопиться с контрударом. Дивизии 5-го и 7-го мехкорпусов «стратегических танков» перешли в наступление во фланг и тыл 3-й танковой группы. Мощный удар со стороны «смоленских ворот» заставил Гота отказаться от продолжения борьбы за переправы на Западной Двине и выставить заслон против советского наступления. Однако нельзя сказать, что советское наступление развивалось без помех. Оба советских мехкорпуса до войны формировались во внутренних округах и поэтому не получили новых танков КВ и Т-34. Некоторое количество машин новых типов поступило в них буквально за несколько дней до начала боев. Основную массу техники 5-го и 7-го мехкорпусов «стратегических танков» составляли танки БТ разных типов. Несмотря на поддержку гаубичной артиллерии, осыпавшей позиции вражеских противотанковых пушек снарядами, потери «бэтэшек» были велики. Немногочисленные КВ и Т-34 несли потери от огня зениток. Поэтому добиться окружения германских танковых соединений не удалось. Тем не менее планы форсирования Западной Двины оказались сорваны. Попытки прорыва немцев через Полоцкий укрепрайон также потерпели неудачу. Одновременно сохранение за собой поля боя позволило ремонтным службам мехкорпусов своевременно эвакуировать подбитые и застрявшие танки. Исключение составили только КВ-1 и КВ-2 — для их эвакуации в мехкорпусах не было штатных «ворошиловцев».

Скоростные колесные тягачи появились в Красной армии только с поступлением полноприводных грузовиков по ленд-лизу. На снимке: «Студебекер» с 122-мм гаубицей М-30 на буксире на улицах Люблина. Лето 1944 г.

Общему успеху контрудара по вырвавшимся вперед корпусам Гота способствовало удержание рубежа Березины под Борисовом. Однако длительное удержание тет-де-пона на Березине не состоялось. Форсировавший Березину у Бобруйска XXIV моторизованный корпус 2-й танковой группы развил наступление по восточному берегу реки во фланг и тыл частям 7-го мехкорпуса под Борисовом. Через Березину переправились главные силы 2-й танковой группы, и советские мехкорпуса «стратегических танков» стали отходить от рубежа к рубежу на линию обороны армий Второго стратегического эшелона.

Сдерживающие действия 5-го и 7-го механизированных корпусов «стратегических танков» привели к упрочнению фронта обороны на Днепре, в «смоленских воротах» и на подступах к Витебску. Во-первых, на Днепр отошли сохранившие боеспособность остатки прежнего состава Западного фронта. Во-вторых, несмотря на немецкие бомбардировки, 20, 21 и 22-я армии в полном составе заняли оборону на смоленском направлении. Наконец, в-третьих, было вы-

играно время на перевозку под Смоленск 16-й и 19-й армий с Украины. Ввод в линию обороны Западного фронта стрелковых корпусов двух свежих армий существенно увеличил плотность обороны важнейших направлений. Теперь вместо растянутых по фронту стрелковых частей и лепельских курсантов на рубеже Западной Двины в районе Уллы и Бешенковичей была организована сравнительно прочная оборона.

Напряженное танковое сражение в пространстве между Березиной и Днепром заставило немецкое командование отказаться от продолжения наступления только силами моторизованных корпусов. Было решено ожидать подхода главных сил пехоты армейских корпусов. Советский Западный фронт, хотя и получил относительно стабильную линию обороны, тем не менее не обладал достаточными силами для контрнаступления. Это обрекало его на пассивность. С подходом пехотных корпусов полевых армий немецкое наступление возобновилось. Советской разведке не удалось вскрыть направления главных ударов противника, они последовали там, где их меньше всего ждали. Фронт был прорван совместным ударом танков и пехоты, немецкие танковые дивизии устремились к Смоленску.

Эффективные контрудары дееспособных подвижных соединений позволяли выигрывать драгоценное время, которого остро не хватало в 1941 г. В реальном 1941 г., не задерживаясь под Минском, Гудериан вышел к Борисову и получил переправу через Березину. С нее впоследствии развернулось наступление, заставившее свернуть контрудар реальных 5-го и 7-го механизированных корпусов. Сам контрудар под Лепелем потерпел неудачу, превратившись в избиение «бэтэшек», немецкие танки форсировали Западную Двину у Уллы и Бешенковичей, прорвали оборону вытянутых в «нитку» частей 22-й армии. Далее последовал удар на Витебск и общий обвал обороны армий Второго стратегического эшелона под Смоленском. В итоге 16-я

и 19-я армии вступали в бой с «колес», по мере прибытия эшелонов. Надежды на стабильный фронт рухнули.

Вообще, в июле 1941 г. ситуация с самостоятельными подвижными соединениями в Красной армии неуклонно ухудшалась. Постепенное исключение корпусного звена и передача танковых соединений в ведение общевойсковым командирам в июле 1941 г., разумеется, не привели к повышению эффективности применения танков. Например, 50-я танковая дивизия, изъятая из 25-го механизированного корпуса С. М. Кривошеина, на 8.00 16 июля насчитывала 57 танков Т-34 и 50 танков Т-26, мотострелковый полк, зенитный дивизион (12 орудий) и гаубичный полк (18 орудий). Однако по «доброй» традиции мотострелковый и артиллерийский полки были у нее изъяты и переданы 219-й моторизованной дивизии.

Вместо использования в качестве полноценного подвижного соединения дивизия была растащена на небольшие группы танков, которые использовались для... разведки.

Так, 16 и 17 июля была отправлена группа из трех Т-34 на Пропойск, был потерян один танк.

18 июля была отправлена разведгруппа в составе 11 танков Т-34 на Бовки, не вернулось 4 танка (из них три застряли в болоте). В тот же день еще 6 танков Т-34 отправились в разведку в район Машевская Слобода. Три танка подорвались на минах.

19 июля для уничтожения противника в районе Смолица и разведки на Быхов была выслана танковая группа в составе сразу 20 танков Т-34 под командованием командира 50-й танковой дивизии. Из состава этой группы не вернулось 9 танков.

В итоге нескольких подобного рода вылазок было потеряно безвозвратно 14 Т-34 и 18 Т-26 с крайне сомнительными результатами.

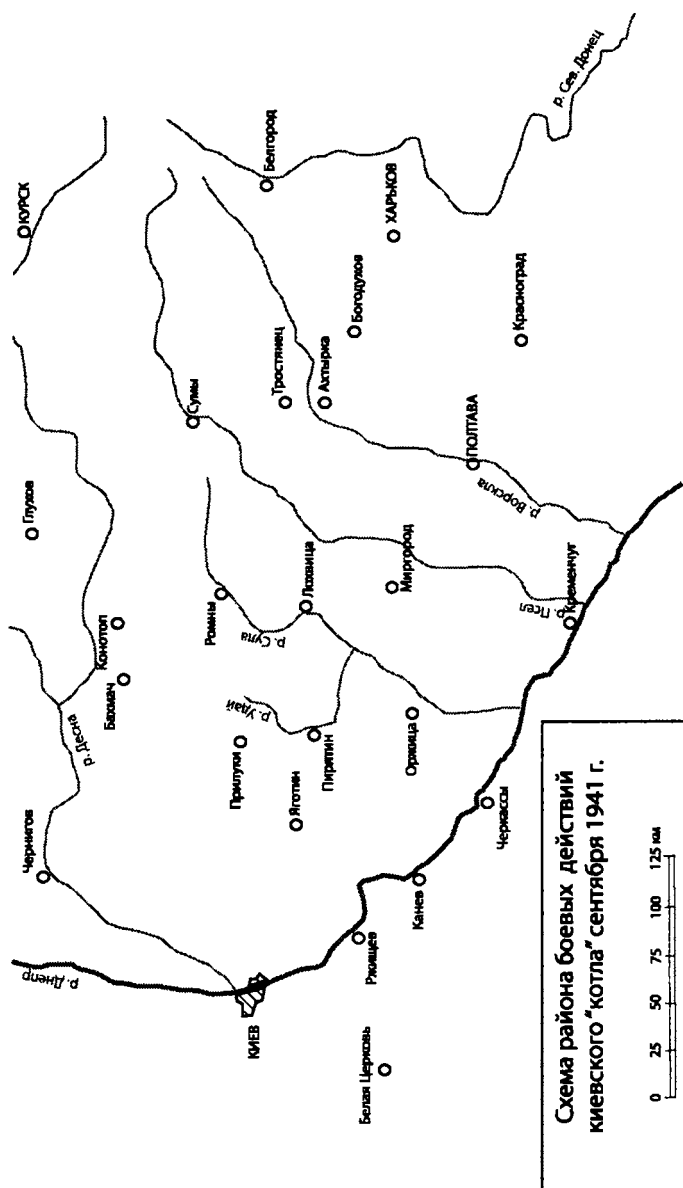
Танки показывали высокие результаты лишь при массированном применении. Собственно, странно было бы

ожидать от массы пехотных командиров глубоких познаний в тактике танковых войск. Обучить множество командиров стрелковых полков и дивизий тактическим приемам в области применения танков практически нереально. Напомню, что в армии 1940-х годов 90% соединений были пехотными и только 10% — танковыми. поголовная «танковая грамотность» — это из серии пожеланий «мышки, станьте ежиками». Проще обучить 10% командиров и именно им доверять танки. Комбат-танкист перед лицом командира стрелковой дивизии практически бесправен, его танки запросто могут быть отправлены «в разведку». Напротив, танковый командир (из вышеупомянутых 10%) вряд ли будет так чужд.

Сражение за Киев

Осень реального 1941 г. стала для СССР страшным периодом войны. За сентябрь и октябрь 1941 г., по немецким донесениям, в плен попало 2 026 981 солдат и командиров Красной армии, в то время как с 22 июня по 31 августа было взято в плен 1 512 410 человек¹. Донесения дают нам завышенные цифры, но в относительном исчислении видно, что за два осенних месяца было взято в плен в 1,34 раза больше человек, чем за лето. В немалой степени этому способствовали проблемы в строительстве самостоятельных механизированных соединений. Основной формой использования танков стала непосредственная поддержка пехоты. Тем самым танки отдавались на откуп общевойсковым командирам, что не всегда приводило к правильному использованию боевых машин. Достаточно яркую картину использования танков в этот период рисует отчет о действиях 142-го танкового полка в начале сентября 1941 г.:

¹ Михалев С.Н., Шабаетов А. А. Трагедия противостояния. М.: Ветеран Москвы, 2002. С. 224.

«По прибытии указанных 18 танков — 5 КВ и 13 Т-34 командир 34 кавдивизии полковник Гречко, ведя бой в р-не Лошкани — Александровка, приказал пустить танки в бой. Командный состав и водители местности и системы обороны не знали. На рекогносцировку времени не было дано. Несмотря на требования командования бригады танки не применять, а дать возможность провести рекогносцировку местности, системы обороны противника, уяснить задачу и связаться с находящимися в бою частями, это сделано не было. Решение было принято на «ура», необдуманно. Результат получился плохой. Части дивизии успеха не имели, т.к. 5 штук КВ, не дойдя до поля боя, засели на заболоченном ручье, были взяты пр-ком под обстрел, и их пришлось эвакуировать ночью¹. 2 Т-34, только вступив в бой, загорелись от термитных снарядов пр-ка. Остальные 11 Т-34 были выведены из боя вследствие нецелесообразности их участия в бою на этом участке местности».

При этом А. А. Гречко — далеко не худший представитель советской военной элиты. Когда танки объединены в крупное соединение, то решает, как и где их использовать, командир соединения, а не общевойсковой командир.

В конце сентября — начале октября 1941 г. началось наступление 2-й армии и 2-й танковой группы на юг в тыл оборонявшего Киев Юго-Западного фронта. Предпринятые контрудары Брянского фронта А. И. Еременко решительного результата не дали. 29 сентября 3-я танковая дивизия прорвалась на юг и на следующий день захватила Ромны. 4-я танковая дивизия и 10-я моторизованная дивизия того же моторизованного корпуса были остановлены контратаками советских войск на фронте Бахмач, Конопот.

¹ Хронология событий в альтернативе сдвинута на 20 дней относительно реальных. В реальности Ромны были заняты 10 сентября 1941 г.

На следующий день после захвата немцами Ромн состоялись переговоры между Генеральным штабом и командованием Юго-Западного фронта. Начальник Генштаба Шапошников сразу перешел к делу:

«Вашу телеграмму о занятии противником Ромны, и поэтому о необходимости скорейшего отхода, Ставка Главного командования получила».

Однако предложенный план отхода Шапошников отклонил. Он вежливо, но не терпящим возражения тоном ответил на запрос следующее: «Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта, так как это предусмотрено нашими уставами»¹.

В ту же ночь содержание переговоров стало известно главному Юго-Западного направления. Утром маршал Буденный сделал следующее представление в Ставку ВГК:

«Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

Военный Совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж...»

Ставка считала необходимым удержание рубежа Днепра, а командование Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления настаивало на отходе. В итоге от должности главного Юго-Западного направления был отстранен маршал С. М. Буденный, а вместо него был назначен маршал С. К. Тимошенко. Новый командующий прибыл не с пустыми руками. У него был и план, и средства для его реализации. В этот момент на переформировании в тылу находились два механизированных корпуса «стратегических танков», выведенные с фронта после Приграничного сражения и июльских боев. Это были 6-й и 8-й механизированные корпуса. Они получили пополнение людьми и техникой и к началу октября практически полностью восстановились. Ставка переда-

¹ Реальный текст переговоров Шапошникова с командованием ЮЗФ.

вала корпуса в распоряжение командования Юго-Западного направления. С помощью этих двух мехкорпусов Тимошенко рассчитывал повторить контрудар под Сенно и Лепелем и нанести поражение моторизованному корпусу Гудериана, прорвавшемуся к Ромнам. Помимо подвижных соединений в распоряжение Тимошенко поступало несколько стрелковых дивизий и кавалерийский корпус.

Однако перевозка эшелонов с частями 6-го и 8-го мехкорпусов запоздала. На Кременчугский плацдарм переправилась 1-я танковая группа Э. фон Клейста и сразу же начала наступление навстречу Гудериану. Через два дня передовые части двух танковых групп соединились в районе Лохвицы, замкнув кольцо окружения в тылу Юго-Западного фронта.

Внезапный ввод в бой противником танковой группы с Кременчугского плацдарма застал советское командование врасплох. Прежние задачи для выгружавшихся в районе Ахтырки механизированных корпусов «стратегических танков» потеряли свою актуальность. Теперь они должны были пробивать «коридор» к окруженным армиям. Корпуса изготовились к переходу в наступление, не ожидая прибывающих тылов и одной из дивизий.

Немецкая воздушная разведка обнаружила выгрузку механизированных частей под Ахтыркой, но ее масштабы оказались сильно недооценены. Поэтому когда 6-й и 8-й механизированные корпуса перешли в наступление, их удар оказался неожиданным и сокрушительным. У двух танковых групп просто не хватало сил для отнесения дальше на восток внешнего фронта окружения. «Крышка» образовавшегося «котла» была сравнительно тонкой. Меньше чем за двое суток два мехкорпуса прошли путь до Лохвицы. Здесь главные силы мехкорпусов заняли оборону фронтом на север и на юг, а две танковые дивизии нанесли удар в направлении Пирятина. Здесь, на рубеже реки Удай, они восстановили связь с остатками 5-й и 21-й армий. Здесь же находился штаб Юго-Западного фронта. Броневики полка охраны штаба ЮЗФ стали первыми, кто вышел навстречу танкистам мехкорпу-

сов. С собой танкисты привели большую колонну грузовиков с горючим и боеприпасами. Это позволило реанимировать скопившиеся в Пирятине автомашины и организовать вывоз раненых из «котла». Горючее для тракторов вновь вернуло подвижность артиллерии. Основная масса деблокированных армий двинулась на восток пешим маршем, прикрываясь усиленными артиллерией арьергардами. Радость от неожиданной пришедшей помощи удваивала силы окруженцев. Им предстояло пройти пешком более 100 километров. Сюда же, к реке Удай, пробивались остатки 26-й армии. За ними по пятам двигалась с кременчугского плацдарма немецкая пехота 17-й армии. Ранее занимавший громадное пространство от Киева до Черкасс фронт стремительно схлопывался к переправам через Удай. Переправы бомбила немецкая авиация, но ее активность была уже заметно ниже, чем летом.

Однако вырваться из окружения удалось далеко не всем. Смертельную опасность для советских войск под Киевом представляли не только танковые группы, но и полевые армии немцев. Отступившие из Киевского укрепрайона советские войска оказались со всех сторон окружены пехотными дивизиями немцев. Наступление 6-й армии группы армий «Юг» и 2-й армии группы армий «Центр» в тыл 37-й армии привело к тому, что советские войска оказались отрезаны от спасительного «коридора», пробитого мехкорпусами. Отчаянные попытки прорыва на восток были лишь частично успешными.

Опомнившись от шока внезапного наступления советских мехкорпусов, обе танковые группы начали яростные атаки на пробитый «коридор», стремясь вновь захлопнуть кольцо окружения. Развернулись ожесточенные танковые бои. Потрепанные в предыдущих боях немецкие танковые дивизии успеха не имели. Точку в немецких попытках вновь восстановить «котел» поставил контрудар последней прибывшей по железной дороге советской танковой дивизии. Она прорвалась почти до Ромн, угрожая прорывом в тыл XXIV танковому корпусу. Гудериан позднее писал в мемуарах: «Свежие силы

«Генерал Грязь»: немецкие солдаты вытаскивают завязший грузовик «Опель Блиц», осень 1941 г.

противника наступали с востока на Ромны тремя колоннами, подойдя к городу на расстояние 800 м. С высокой башни тюрьмы, расположенной на окраине города, я имел возможность хорошо наблюдать, как противник наступал...»¹. После вывода окруженцев из «котла» мехкорпуса отошли на восток.

Последние сражения на Юго-Западном фронте проходили уже под проливными дождями. За счет прибывших из резерва и выведенных из окружения войск восстанавливался фронт на белгородском и харьковском направлениях. Дополнительно цементировали оборону локальными контрударами «стратегические танки». Дороги раскисли, и ожесточенные бои стали постепенно затихать. Несмотря на громкие заявки о числе пленных, ожидавшийся триумф под Киевом оказался смазанным из-за мощного деблокирующего удара советских «стратегических танков». Надвигалась зима, и запланированное наступление на Москву было отменено. Завязший в грязи фронт от Финского залива до Черного моря замер.

¹ Реальная фраза из мемуаров Гудериана, посвященная боям под Ромнами с группой Белова в сентябре 1941 г.

Некоторые выводы

Если несколько упростить ситуацию, то в данном разделе предпринята попытка ответа на вопрос: «Как развивались бы события в случае наличия в Красной армии в 1941 г. полноценных механизированных соединений?» Итоговый результат розыгрыша событий с вводом мехкорпусов «стратегических танков» никак нельзя назвать плохим. Масштабы неудач Приграничного сражения уменьшились, за счет выживания части войск фронт стал в целом устойчивее. Киевский «котел» деблокирован, Вязьма и Брянск не состоялись ввиду растягивания сроков выхода германских войск на дальние подступы к Москве.

Возможно, кто-то ожидал большего, но здесь надо быть реалистами. Полноценные механизированные соединения — это мощное и эффективное средство борьбы, но творить чудеса с его помощью все же проблематично. Упреждение в развертывании и неблагоприятное общее соотношение сил так или иначе будут делать свое дело. Впрочем, то же самое мы можем увидеть, если обратимся к истории реальных операций немецких танковых войск 1943—1945 гг. Несмотря на достаточно высокий уровень организации танковых войск (немцы, безусловно, занимали лидирующие позиции в этой сфере), им удавалось лишь несколько уменьшать масштабы катастроф. Полевые армии все равно отступали, попадали в окружения, хотя иногда их деблокировали. Танковые дивизии лишь оттягивали разгром Третьего рейха.

В реальном 1941 г. Красная армия не смогла противопоставить вторжению немецких танковых групп собственных достаточно эффективных механизированных соединений. Они были несбалансированными по соотношению числа батальонов танков и мотопехоты, от танков постоянно отставала артиллерия. Атаки же «голыми танками» без подавления противотанковой обороны артиллерией приносили ограниченные результаты и приводили к

большим потерям бронетехники. Сдержать на продолжительный период наступление противника не удавалось, и оставленные на дорогах и в СПАМах¹ вышедшие из строя танки становились трофеями противника.

На всякий случай замечу, что определенные проблемы с подвижными соединениями преследовали Красную армию до самого конца войны. Танковые армии, разумеется, представляли куда более совершенный инструмент борьбы, нежели мехкорпуса 1941 г., но безусловным образом для подражания их назвать нельзя. Отставание в оснащении танковых и механизированных корпусов артиллерией преодолеть в полной мере не удалось ни к 1943 г., ни даже к 1945 г. В отчете 1-й танковой армии по итогам боев августа 1943 г. отмечалось: «Наши войска, будучи в 5—6 км от жел. дороги Харьков — Полтава, из-за отсутствия полевой артиллерии не могли воспрепятствовать продвижению эшелонов врага на этой магистрали». По итогам Берлинской операции командующие танковыми армиями просили 152-мм артиллерию в состав своих объединений. То есть даже по состоянию на май 1945 г. организационная структура советских танковых и механизированных корпусов оставляла желать лучшего в сравнении с «одноклассниками». Причина этого была вкратце обрисована выше: для того чтобы построить полноценное механизированное соединение, следовало либо начинать строительство в начале 1930-х, либо располагать значительными мобилизуемыми ресурсами в гражданском секторе экономики (США).

Неудачный опыт СССР в деле использования скороспелых мехкорпусов привел к разброду и шатанию в формировании и использовании подвижных соединений в первый год войны. Растаскивание немногих оставшихся в строю и поступавших небольшими партиями от промышленности танков Красной армии по частям и соединениям

¹ Сборных пунктах аварийных машин. — *Прим. автора.*

непосредственной поддержки пехоты привело к их неоптимальному использованию. Общевоинские командиры тактического звена обладали в 1941 г. довольно туманными представлениями о роли и месте танков. Поэтому они, недолго думая, отправляли одиночные танки «в разведку». Этим страдали даже достаточно грамотные командиры, такие, как выпускник Академии им. М. В. Фрунзе А. А. Гречко, будущий Министр обороны СССР. В итоге драгоценные боевые машины терялись иной раз, как говорится, не за понюшку табаку. Наличие крупных самостоятельных механизированных соединений, изначально учившихся применять танки, позволяет избежать такого нерационального использования бронетехники.

Подводя итоги нашего мысленного эксперимента и возвращаясь к реальной истории, можно сказать следующее. Отсутствие полноценных механизированных соединений, несомненно, играло крайне негативную роль в общем ходе боевых действий в первые месяцы войны. При наличии сбалансированных мехкорпусов масштабы катастрофы лета и осени 1941 г. удалось бы значительно уменьшить.

Машина времени для отправки воспетого писателя-ми-фантастами «попаданца» у нас отсутствует. Помимо удовлетворения праздного любопытства, просчитывание альтернативных сценариев развития событий позволило нам чуть дальше, чем обычно, заглянуть за кулисы драмы реального 1941 г.

Первое, что бросается в глаза при изучении альтернативных сценариев, — это колоссальная роль такого фактора, как упреждение Красной армии в мобилизации и развертывании. Соотношение сил сторон в приграничных областях, возникающее вследствие этого упреждения, поглощает многие позитивные решения, принимаемые после 22 июня 1941 г. либо незадолго до этой роковой даты. В сущности, все принимаемые меры лишь несколько уменьшают масштабы катастрофы и глубину отхода Красной армии. О том, чтобы удержать приобретенные в 1939—1941 гг. территории в случае упреждения, в развертывании не может быть и речи. Разгром армий прикрытия становится практически неизбежным, и его последствия приходится расхлебывать в течение многих последующих недель. Только в случае завершения развертывания для собственного наступления даже в случае его неудачи обстановку на фронте для Красной армии можно назвать удовлетворительной.

Перед лицом упреждения в развертывании даже полноценные механизированные соединения приходится

растрачивать на подпирание фронта растянутых по фронту стрелковых дивизий армий прикрытия. Если же его не подпирать, то он разваливается. Вытаскивая «голову» и сосредотачивая усилия лучших мехкорпусов особых округов на противодействии танковым группам, мы неизбежно топим «хвост» и подвергаем угрозе развала фронт обороны общевойсковых армий. Если не подпирать фронт 6-й армии в львовском выступе, он неизбежно рассыплется. Если не наносить контрудар под Гродно, пехота армейского корпуса генерала Маттерн выйдет с севера на коммуникации 10-й армии. Распыление мехкорпусов между двумя задачами — подпирание фронта пехоты и противодействие танковым группам — становится неизбежным злом. Соответственно, изменяется классификация таких действий советского командования. Это уже не заведомая ошибка командиров и командующих, вызванная их некомпетентностью, злым умыслом и т. д., а вынужденное решение, диктовавшееся сложившейся обстановкой. Отказ от него приведет к заведомо негативным последствиям.

Изучение сценариев альтернативного развития событий неизбежно приводит к выводу о наличии целого ряда глобальных и действовавших в течение длительного времени факторов, определявших как победы, так и поражения. Собственно, с их влиянием на реальные события мы сталкиваемся в тот момент, когда выбираем точку, с которой начинается ветвление и уход, собственно, в альтернативный сценарий.

Эти факторы определяли своего рода «точки невозврата» (Point of no return). Это авиационный термин, обозначающий момент взлета, когда пилоты самолета должны сделать выбор — взлетать им или прекращать разбег по взлетной полосе. По прохождении этой точки самолет набирает скорость, которая уже не позволит нормально затормозить при имеющейся длине взлетной

полосы. Соответственно, для нас это исторический момент, когда определенные решения становятся необратимыми.

Первой и наиболее значимой точкой невозврата является позднейший возможный момент для нажатия «красной кнопки» и запуска процесса мобилизации и развертывания. Рассчитать этот момент несложно — достаточно вычесть из реальной даты нападения, т.е. 22 июня 1941 г., время, потребное на мобилизацию армий внутренних округов и «глубинных» соединений особых округов. Понятно, что это время может варьироваться в зависимости от выбора варианта развертывания. На Западное направление, в Белоруссию, выдвигать войска проще ввиду более развитой железнодорожной сети на этом направлении. Развертывание на Юго-Западном направлении придает Красной армии асимметричное относительно ударных группировок построение, что позволяет с большим потенциальным успехом вести собственное наступление. Так или иначе, за три-четыре недели до 22 июня 1941 г. советское руководство должно было принять решение о нажатии «красной кнопки». Сдвигать ее на более ранний период, в май 1941 г., например, разумеется, возможно. Напротив, если эта точка невозврата проходит, то в любом случае РККА оказывается упрежденной в мобилизации и развертывании. То есть само по себе сражение на равных из рассмотрения следует исключить. По крайней мере, в первый день войны у противника будет простое численное превосходство над соединениями приграничных армий.

Еще одной «точкой невозврата» являются организационные мероприятия весны 1941 г. Как все уже догадались, речь идет о формировании механизированных корпусов и строительстве бетонных взлетных полос на аэродромах в приграничных округах. В апреле началось формирование мехкорпусов, т.е. к маю старая система танковых бригад

была уже окончательно развалена. В мае были перекопаны аэродромы, в том числе в приграничных округах, что делало разгром советской авиации на аэродромах в первые дни войны почти неизбежным.

Более близкой к началу войны «точкой невозврата» является момент отправки в войска приказа на приведение в боевую готовность армий прикрытия. Для этого требовалось по крайней мере девять часов. Соответственно, Директива №1 или ее аналог должны быть расшифрованы и отправлены в соединения армий прикрытия не позднее 19.00 21 июня. Это дает нам «точку невозврата» с отправкой приказа из Москвы — около 18.00 21 июня. То есть в альтернативном сценарии должны произойти события, обеспечивающие принятие решения написания директивы и ее отправку до этой «точки невозврата». Проскакивание 18.00 21 июня в любом случае приводит к негативным последствиям ввиду гарантированной незавершенности мероприятий по выводу войск в приграничные укрепления. Впрочем, некоторые негативные последствия поздней отправки Директивы №1 все же могут быть сглажены. Например, вывести части двух стрелковых дивизий из Брестской крепости без занятия ими обороны на границе возможно осуществить меньше чем за 9 часов.

Любое самое разумное решение, предложенное на период после прохождения этих «точек невозврата» (всех вместе или одной-двух на выбор), в любом случае столкнется с необходимостью отыгрывать возникающие негативные последствия. Есть также «точки невозврата», отнесенные в предвоенный период. Это замысел и реализация строительства танковых войск, организация производства бронебойных боеприпасов и др. Быстро исправить ситуацию по этим направлениям затруднительно, даже при отнесении точки ветвления на месяц, два и даже полгода от 22 июня 1941 г.

Вместе с тем следует признать, что именно эти долгосрочные проекты оказывают значительное влияние на развитие событий в 1941 г. Сбалансированные мехкорпуса, строящиеся с середины 1930-х годов, дают наибольший положительный эффект с точки зрения искусства не быть Варроном, даже в наихудших условиях, при старте альтернативы 22 июня 1941 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Для понимания позиции автора по событиям 1941 г. предлагаю ознакомиться с одной из статей, написанных несколько лет назад.

«Все просрали!» — так часто в сердцах определяют события лета 1941 г. Иногда даже приписывают эту фразу самому Сталину. Якобы вождь посетовал об утрате таким незатейливым способом страны, оставленной Ильичом. Впрочем, от версии про Сталина, жалеющего о потере наследия обитателя Мавзолея, чересчур отчетливо несет кукурузными початками, чтобы воспринимать ее всерьез. Речь скорее идет о материализации общественных настроений через легенды о крылатых фразах руководителя страны. Однако эмоции и крепкие словечки к делу не подошьешь. Если формализовать тезис, скрывающийся в хлесткой идиоме, то его можно сформулировать следующим образом: «Имеющиеся материальные и людские ресурсы были использованы с недопустимо низкой результативностью».

Общественный интерес к событиям 1941 г. с этой точки зрения носит отнюдь не праздный характер. Государство (читай — общество) затратило значительные средства на строительство Вооруженных сил, но с трудом построенная армия была разгромлена. Соответственно, люди искали причины катастрофы, чтобы избежать повторения в будущем.

Большая стратегия

Для понимания причин катастрофического развития ситуации имеет смысл рассмотреть штатный сценарий. Под штатным сценарием подразумевается развитие событий в той последовательности, которая в наилучшей степени устраивала Красную армию в плане достижения наивысшей готовности к войне.

Разработчиком документов советского военного планирования являлся начальник Генерального штаба Красной Армии. Соответственно, руководителями оперативных разработок были последовательно Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (до августа 1940 г.), затем — генерал армии К. А. Мерецков (до февраля 1941 г.), а в последующем — генерал армии Г. К. Жуков. Непосредственными исполнителями были генерал-майор А. М. Василевский (северное, северо-западное и западное направления), генерал-майор А. Ф. Анисов (юго-западное и южное направления), а также генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Документы такой важности и секретности в СССР писались от руки на бланках «Народный комиссар обороны СССР».

Заголовок у советских военных планов 1940 года был «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза». Результат размышления Б. М. Шапошникова над новым профилем границы был отражен в документе, датированном 19 августа 1940 г. По мнению Бориса Михайловича, следовало построить планирование вокруг следующих тезисов: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге — активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомога-

ным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашев»¹. Фактически основной идеей плана является воспроизведение действий русской армии 1914 г., штурм цитадели Восточной Пруссии ударами с северо-запада и в обход Мазурских озер.

Однако руководство Генерального штаба меняется, и соответствующие изменения претерпевают советские военные планы. К. А. Мерецков к тому моменту уже имел печальный опыт штурма линии Маннергейма зимой 1939/40 г., и перспектива взламывать куда более совершенные укрепления немцев в Восточной Пруссии его явно не прельщала. Ось советского военного планирования стала смещаться на юг. Следующий вариант плана появляется 18 сентября 1940 г. Основные задачи войск обрисованы в нем следующими словами: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней. Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны, в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта»². Всего в составе Юго-Западного фронта по «южному» варианту развертывания предполагалось иметь «70 стрел[ковых] дивизий; 9 танковых дивизий; 4 мото-

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 185.

² Там же. С. 241.

стрел[ковых] дивизии; 7 кавалерийских дивизий; 5 танковых бригад; 81 полк авиации»¹. В составе Западного и Северо-Западного, соответственно, «55 стрел[ковых] дивизий; 7 танковых дивизий; 3 мотострел[ковые] дивизии; 3 кавалерийских дивизии; 6 танковых бригад; 1 авиадесантная бригада; 59 полков авиации»². В сентябре 1940 г. еще наблюдается дуализм, попытка составить два плана. Один вариант должен был развить идеи Б. М. Шапошникова, второй же придавал первой операции советских войск принципиально иную форму, смещая центр сосредоточения на территорию Украины.

Зацикливание на 1941 г. приводит к тому, что люди иной раз не желают видеть событий и документов ни до, ни после 1941 г. Ритуальные пляски вокруг неподписанных «Соображений...» от 15 мая 1941 г. во многом бессмысленны. Документ от 15 мая 1941 г. действительно не подписан, но он лишь является версией «Соображений...» 1940 г. Поэтому об общих тенденциях в советском военном планировании можно говорить вполне уверенно. Советские планы первой операции носили наступательный характер и предусматривали разгром угрожающего СССР противника собственным наступлением.

5 октября 1940 г. у И. В. Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, В. М. Молотов и К. А. Мерецков. Темой совещания был доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940—1941 гг.». В ходе обсуждения Генеральному штабу в лице К. А. Мерецкова было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. 14 октября 1940 г. доработанный «южный» вариант плана был утвержден

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 244.

² Там же. С. 243.

в качестве основного. Одновременно было решено продолжить работу и над «северным» вариантом. Но интерес к мучительному «прогрызанию» укреплений в Восточной Пруссии явно пошел на убыль. Сроком готовности обоих планов было назначено 1 мая 1941 г.

Детализирует план, разработанный А. М. Василевским под руководством К. А. Мерецкова, разработка М. А. Пуркаева, датируемая декабрем 1940 года. Этот документ известен как «Записка начальника штаба КОВО по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год». Записка Пуркаева интересна тем, что это один из немногих опубликованных источников, дающий информацию о задачах отдельных армий. Общая задача Юго-Западного фронта выглядит так: «Ближайшая стратегическая задача — разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлениях: на Кельце, Петроков и на Краков»¹. Задачу предполагалось решить силами семи армий. Группировка, сосредотачиваемая против Южной Польши, должна была нанести удары в форме, сходной с излюбленными немцами «каннами», наступление флангов по сходящимся направлениям с обороняющимся центром.

Однако выполнение плана первой операции не могло начаться в произвольный момент. То есть Сталин не мог в

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 492.

один прекрасный день встать не с той ноги, поднять трубку и позвонить начальнику Генерального штаба Красной армии: «Я решил поверить Рамзаю, давайте зададим немцам жару». От момента принятия политического решения до начала выполнения плана первой операции требовался подготовительный период продолжительностью несколько недель. Согласно записке М. А. Пуркаева, первые дни войны должны были выглядеть так:

«1-й этап — оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы. Задача — не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления.

[...]

Главные силы армии **сосредотачиваются до 27 дня мобилизации** за линией Ковель, Луцк, р. Стырь, Броды, Львов, Грудск Ягельонский, Самбор, Дрогобыч, Стрый, Станислав и далее по р. Днестр»¹.

Сколько-нибудь активные задачи на этом этапе получала только авиация: «Воздушные силы ЮЗФ решают следующие основные задачи:

1. В тесном взаимодействии с наземными войсками уничтожают живую силу наступающего пр[отивни]ка, массируя удары на главных направлениях.

2. Последовательными ударами по установленным базам и аэродромам, а также боевыми действиями в воздухе уничтожают авиацию противника.

3. Истребительной авиацией прикрывают сосредоточение, развертывание и действия армий фронта.

[...]

6. Мощными ударами по железнодорожным узлам: Краков, Кельце, Калиш, Крейцбург, Ченстохов, Бреслау,

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 493, выделено автором.

Ратибор, Брно, Оппелън нарушить и задержать сосредоточение немецких войск»¹.

Как прямым текстом указывается в записке, сосредоточение основных сил может быть произведено к 27-му дню мобилизации. Условно это можно назвать «нажатием красной кнопки». То есть после нажатия «красной кнопки» в Москве начинается процесс, который займет почти месяц, и лишь после этого будет собран плановый наряд сил. Только после этого можно было приступить к выполнению следующего пункта записки Пуркаева: «2-й этап операции — наступление. Задача — ближайшая задача фронта. Глубина — 120—130 км. Начало наступления с утра 30-го дня мобилизации. Средний темп продвижения — 12—13 км».

Интересен в описании второго этапа в записке Пуркаева наряд сил и их распределение по армиям. Вот как должна была выглядеть группировка войск Юго-Западного фронта перед началом первой операции (дается в сокращенном составе, без арtpолков, УРов и авиации, перечисление с севера на юг):

«5 армия. Состав: четыре управления ск; двенадцать стр[елковых] дивизий; одно управление мк; две танковых дивизии; одна мотострелковая дивизия; одна моторизованная бригада; три отдельных танковых бригады;

19 армия. Состав: два управления стр[елковых] корпусов; семь стрелковых дивизий; две моторизованных бригады; одна отдельн[ая] танковая бригада;

6 армия. Состав: пять управлений стр[елковых] корпусов, пятнадцать стр[елковых] дивизий, три танковые бригады, одна моторизованная бригада;

26 армия. Состав: пять управлений стр[елковых] корпусов; одно управление мех[анизированного] корпуса; пятнадцать стрелковых дивизий; две танковые дивизии; одна мотострелк[овая] дивизия; три танковых бригады;

¹ Там же.

12 армия. Состав: упр[авлений] стр[елковых] корпусов — четыре; стрелковых дивизий — одиннадцать; танковых дивизий — одна; управлений кав[алерийских] корпусов — одно; кавал[ерийских дивизий] — две;

18 армия. Состав: два управления стр[елковых] корпусов; шесть стрелковых дивизий; одна танковая бригада; одна моторизованная бригада;

9 армия в составе: два управления стрелк[овых] корпусов; восемь стрелковых дивизий; три кавалерийских дивизии; две танковые бригады; одна моторизованная бригада».

Поскольку записка писалась в декабре 1940 г., до формирования 30 механизированных корпусов, в ней присутствуют танковые и моторизованные бригады. Понятно, что в период от декабря до июня 1941 г. планы менялись, перераспределялись роли между армиями. Последний плановый наряд сил по предвоенным планам дает нам записка Ватутина от 13 июня:

«III. Распределение сил по армиям на Западном и Юго-Западном фронтах

Западный фронт:

3А — 8 дивизий, из них: сд — 5, тд — 2, мд — 1;

10А — сд — 5;

13А — 11 дивизий, из них: сд — 6, тд — 2, мд — 1, кд — 2;

4А — 12 дивизий, из них: сд — 6, тд — 4, мд — 2;

резерв фронта — 8 дивизий, из них: сд — 2, тд — 4, мд — 2.

Юго-Западный фронт:

5А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

20А — сд — 7;

6А — 16 дивизий, из них: сд — 10, тд — 4, мд — 2;

26А — 15 дивизий, из них: сд — 9, тд — 4, мд — 2;

21А — 13 дивизий, из них: сд — 8, тд — 2, сд — 1, кд — 2;

12А — сд — 4;

18А — 8 дивизий, из них: сд — 5, тд — 2, мд — 1;

9А — 12 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1;

резерв фронта — 7 дивизий, из них: сд — 4, тд — 2, мд — 1»¹.

Если мы посмотрим на группировку советских войск Юго-Западного фронта на 22 июня 1941 г., то увидим в ней мало общего с нарядом сил на первую операцию по запискам Пуркаева и Ватутина. Во-первых, в построении войск фронта вообще отсутствуют и 19-я армия (записка Пуркаева), и 20-я, и 21-я армии (записка Ватутина). 19, 20 и 21-я армии находились на 22 июня довольно далеко (более 300 км) от границы. Количество войск в подчинении имеющихся армейских управлений на 22 июня 1941 г. также существенно отличается от планового. В подчинении штаба 5-й армии было пять стрелковых дивизий (45, 62, 87, 124 и 135-я), в подчинении 6-й армии — три стрелковые дивизии (41, 97 и 159-я), в подчинении 26-й армии — три стрелковые дивизии (72, 99 и 173-я), в подчинении 12-й армии — шесть стрелковых дивизий (вскоре часть из них будет передана 18-й армии). Разница, прямо скажем, в разы относительно планового наряда сил на первую операцию.

Немецкие войска, напротив, были плотно построены вдоль советской границы. Поэтому их удары были для растянутых в нитку советских дивизий просто сокрушительными. Фронт неудержимо покатился на восток. Причем кризисная обстановка сложилась не только на направлениях ударов немецких танковых групп, но и на направлениях наступления полевых армий немцев. Наступление пехотных соединений 17-й армии на Львов заставило командование 6-й армии подпирать фронт своих стрелковых

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 361.

соединений дивизиями 4-го механизированного корпуса. Поэтому сильнейший механизированный корпус Юго-Западного фронта фактически не принимал участия в танковом сражении в районе Дубно.

Что же произошло? Была слишком поздно нажата «красная кнопка», запускавшая процесс сбора сил для первой операции. Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

1) армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы;

2) стрелковые корпуса, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа;

3) армии внутренних округов.

Немцев фактически встретила завеса из пункта 1). Пункты 2) и 3) требовали от нескольких дней до нескольких недель на доставку из глубины округа или же из внутреннего военного округа. Выдвижение было начато только в середине июня 1941 г., когда данные о готовящемся германском нападении стали почти бесспорными. Только 13 июня 1941 г. руководство Киевского особого военного округа получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба Красной Армии на выдвижение «глубинных» стрелковых корпусов ближе к границе. Началось выдвижение «глубинных» соединений округа 17—18 июня. Сроки выдвижения и пункты назначения корпусов были определены следующим образом: «31-й стрелковый корпус из района Коростеня к утру 28 июня должен был подойти к границе вблизи Ковеля. Штабу корпуса до 22 июня надлежало оставаться на месте; 36-й стрелковый корпус должен был занять приграничный район Дубно, Козин, Кременец к утру 27 июня; 37-му стрелковому корпусу уже к утру 25 июня нужно было сосредоточиться в районе Перемышляны, Брезжаны, Дунаюв; 55-му стрелковому корпусу (без одной дивизии, остававшейся на мес-

те) предписывалось выйти к границе 26 июня, 49-му — к 30 июня»¹.

Точно так же лишь в июне было начато выдвижение войск внутренних округов ближе к границе. Занять положение по предвоенным планам (в частности, записке Ватутина) они уже не успевали, и де-факто армии были перенацелены на Западное направление. Все говорит о том, что советское высшее военное руководство осознало в последний момент нереализуемость предвоенных планов. Ни о каком ударе с целью разгрома противника у советских границ уже не могло быть и речи. Поэтому предвоенное построение с акцентом на Юго-Западное направление переиграли в накачку войсками Западного направления. Было очевидно, что именно здесь противник нанесет свой главный удар, и, если случится что-то страшное, лучше иметь побольше войск под рукой для латания дыр во фронте. Так оно и произошло: Западный фронт рухнул после окружения его главных сил к западу от Минска. Образовавшаяся дыра была прикрыта армиями внутренних округов, предназначенными первоначально для формирования ударной группировки в львовском выступе.

Сценарий развития событий в условиях, когда «глубинные» стрелковые корпуса и армии внутренних округов не заняли назначенные им места, был предсказуемо катастрофическим. К сожалению, в советской историографии некоторые моменты не разъяснялись и не детализировались. Например, в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1981 г. были даны сведения о соотношении сил приграничных округов и противостоявших им немецких групп армий. В частности, в группе армий «Юг» (6, 11 и 17-я немецкие армии, 1-я танковая группа, 4-я румынская армия) были учтены 26 пехотных дивизий, 4 легкопехотных дивизии, 2 горно-егерские дивизии, 3 охранные дивизии, 5 танковых дивизий и 4 моторизованные дивизии,

¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 77—78.

13 румынских пехотных дивизий, 2 пехотные, 3 горно-стрелковые, 3 кавалерийские, 1 механизированная румынские бригады, 1 пехотная, 1 кавалерийская и 3 механизированные венгерские бригады. В составе войск КОВО и ОдВО авторами статьи в ВИЖ учитывались 45 стрелковых дивизий, 5 кавалерийских дивизий, 20 танковых и 10 моторизованных дивизий. Итоговое соотношение сил на Юго-Западном направлении получается 0,8 к 1,0 в пользу советских войск. Естественно, это соотношение сил порождает спекуляции на тему позорного проигрыша Приграничного сражения Юго-Западным фронтом и последующего отступления к старой границе, а затем и к Днепру.

Соотношение 0,8 к 1,0 не учитывает пространственного фактора и практического значения с точки зрения рассмотрения не имеет, может использоваться только как абстрактная справочная величина. В непосредственное соприкосновение с противником в первый день войны могли вступить только 16 стрелковых дивизий КОВО. Это были как раз те самые приграничные дивизии, которые обсуждаются в нашей лемме. Над ними у войск 6-й, 17-й армий и 1-й танковой группы имелось двойное общее превосходство, доведенное на направлении главного удара под соотношения 3,6:1 в пользу немцев. Второй эшелон армий прикрытия границы составляли одна стрелковая дивизия (135-я), одна кавалерийская дивизия (3-я) и четыре механизированных корпуса (8 танковых и 4 моторизованных дивизии), которые находились в 50—100 км от границы. При разгромном соотношении сил приграничных дивизий и перешедшего в наступление противника эти соединения вынуждены были расходовать на подпирание фронта и частично на контрудары. Еще 15 стрелковых дивизий (с севера на юг: 193, 195, 200, 140, 146, 228, 80, 139, 141, 130, 169, 189, 190, 198 и 109-я стрелковые дивизии), одна кавалерийская дивизия (5-я) и 4 механизированных корпуса (8 танковых и 4 моторизованных дивизии) находи-

лись в 100—400 км от границы. Эти номера дивизий выше уже встречались — речь идет о «глубинных» соединениях КОВО, содержащихся в сокращенных штатах мирного времени и несколько накачаных резервистами. Эти дивизии в первые несколько дней войны чисто технически не могли принять участие в отражении удара противника. Соответственно, их войска группы армий «Юг» могли начать поедать, уже почти расправившись с приграничными соединениями, как это и произошло в реальности.

То же самое, только в куда худшем даже с точки зрения брутто-численности войск, наблюдалось в Западном особом военном округе. В «Военно-историческом журнале» № 6 за 1981 г. насчитали соотношение сил 1,7:1 между группой армий «Центр» и войсками ЗапОВО. Понятно, что с учетом пространственного расположения войск (2, 47 и 21-й стрелковые корпуса в глубине, вне оперативной связи с приграничными армиями) неизбежно наступал коллапс возглавлявшихся Д. Г. Павловым армий Западного фронта.

Немцы обладали одной толстой, плотной линией войск против трех тонких советских, разделенных сотней и более километров. Поэтому они сначала (обладая численным превосходством в штуках дивизий) разгромили приграничные соединения. Затем они вышли на рубежи, занимаемые «глубинными» соединениями округов (обладая все тем же численным превосходством). Следующими были уже армии внутренних округов (на Западном направлении). Поскольку над очередным эшелонем советских войск немцы также обладали численным превосходством, итог борьбы был опять же предсказуемым.

Для того чтобы нажать «красную кнопку» вовремя, требовались достаточно весомые основания. Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. создавало угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована (допустим, скрытым порядком), а противник не нападает.

Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что противник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границы с развернутой и мобилизованной армией.

Хороший пример действий по сценарию с ранним нажатием «красной кнопки» дает нам арабо-израильская война 1967 г. Перестрелки на границе между Израилем и Сирией все больше грозили перерасти в войну. Количественное и качественное превосходство израильской армии над сирийской было таково, что любой удар Израиля по Сирии неизбежно приводил к коллапсу последней. Египет не мог позволить безнаказанно разгромить своего союзника. Поэтому президент Египта Г.-А.Насер предпринял ряд шагов, призванных удержать Израиль от удара по Сирии. 16 мая египтяне потребовали вывода войск ООН с Синайского полуострова. Одновременно на Синай вводились египетские войска. К 22 мая там была собрана 100-тысячная группировка, удвоившая постоянно дислоцировавшийся на полуострове контингент. После ввода войск Насер объявил о блокаде Тиранского пролива, лишавшей Израиль возможности использовать Эйлатский порт. Это был серьезный удар по экономике Израиля.

Однако президент Насер даже представить себе не мог, какую бурную реакцию вызовут его демарши. Израиль, с его призывной армией, опиравшейся на призыв резервистов, был очень чувствителен к возможному внезапному нападению. Уже 17 мая в Израиле была объявлена мобилизация резервистов. Последней каплей стала блокада Тиранского пролива. Премьер-министр Израиля Эшкол назвал ее в Кнессете 23 мая «актом агрессии против Израиля». Блокада и усиление египетских войск на Синае расценивались израильской разведкой как подготовка к атаке на Израиль. Однако нельзя не признать, что эти

предположения были ошибкой. Время для «окончательного решения» израильской проблемы было более чем неподходящее. С 1962 г. Египет втянулся в гражданскую войну в Йемене и задействовал там значительные силы своей армии. Планом действий египетских войск на Синае был чисто оборонительный план «Кахир», предусматривающий занятие нескольких ключевых точек в глубине полуострова. Предполагалось пропустить израильские танковые клинья в глубь полуострова и дать бой на этих выгодных по условиям местности позициях. Перспектива поддерживать Сирию активными действиями привела к разброду и шатанию военного планирования. Характерная деталь: одна из бригад египетской армии наездила по пустыне еще до войны 1200 км — командование никак не могло решить, где ей находиться в новых условиях. Более того, блокада Тиранского пролива была лишь продекларирована, но не осуществлялась физически.

В итоге израильская армия была мобилизована, а арабы все не нападали. Как мы знаем сейчас, нападать-то они вообще не собирались. Все ограничивалось риторикой в прессе. Между тем мобилизация резервистов давила на экономику Израиля, а разведка убеждала в неизбежности египетского удара. Что было делать в такой ситуации? Распускать резервистов по домам и оказаться перед лицом возможного нападения арабских стран с малочисленной армией военного времени? Судьбоносное заседание кабинета министров Израиля началось в воскресенье 4 июня в 8:15 утра. Руководитель военной разведки А. Ярив сообщил, что, по его данным, египетская армия переходит от оборонительной группировки к наступающей с явным намерением занять Эйлат. В действительности египетские войска выдвигались ближе к границе в готовности вступить в войну только в случае израильского нападения на Сирию. Однако однозначной интерпретации действий египтян у израильской разведки не было. После семичасо-

вого обсуждения израильским кабинетом министров было принято решение бить первыми. В 7:00 утра израильского времени (8.00 египетского) 5 июня около 40 «Миражей» и «Мистэров» поднялись в воздух и понеслись в сторону моря. Несколько минут спустя за ними взлетели еще 40 машин, а потом еще 40. Вскоре в воздухе уже были две сотни самолетов. Что было дальше — общеизвестно: разгром авиации Египта на аэродромах, оккупация Синай, Западного берега реки Иордан, Голанских высот и международная изоляция. Франция, ранее исправно поставлявшая Израилю военную технику (основу ВВС Израиля в 1967 г. составляли французские самолеты), отказалась делать это в дальнейшем. Ответом на вопрос «почему погибли 800 солдат и офицеров Израиля в июне 1967 г.?» будет «потому что у руководства страны не выдержали нервы».

В итоге в 1973 г. Израиль оказался в сложном положении. На этот раз арабы действительно готовили атаку на Израиль, но делали это без лишней помпы. Мобилизацию армии, ложившуюся тяжким грузом на экономику, проводить на каждый чих соседей было невозможно. Шанс на «превентивный удар» был использован в 1967 г. Атака соседей второй раз уже не лезла ни в какие ворота. Поэтому, когда нападение все же состоялось, армия Израиля встретила его неотмобилизованной. Мобилизация проходила уже под грохот пушек на границе.

Советское руководство в 1941 г. находилось в куда более сложных условиях, чем руководство Израиля в 1967 г. Если израильская армия чувствовала по крайней мере качественное превосходство над соседями, то РККА не испытывала такого же чувства превосходства над Вермахтом. Напротив, это Вермахт имел за плечами опыт двух успешных кампаний. РККА же имела опыт, выявивший массу недостатков в подготовке войск Финской войны. Кидаться на сильного противника, не имея для этого оснований, кроме расплывчатых данных разведки, было почти безу-

нием. Помимо этого, свой отпечаток на оценку ситуации накладывала специфика СССР с его большими расстояниями от мест постоянной дислокации армий внутренних округов до границы. Это в маленьком Израиле можно поднять резервистов и за день, максимум два растолкать их по нужным участкам границы. В СССР требовалось везти резервистов по железной дороге одну-две недели. То есть мобилизация даже без ее объявления могла быть вскрыта противником и привести к сползанию к войне. Замечу также, что руководству Израйля в 1967 г. было морально намного легче: в средствах массовой информации арабских стран не было недостатка в громких заявлениях о скором разгроме еврейского государства. Напротив, немцы весной 1941 г. не спешили обличать «жидобольшевиков» в прессе и на радио.

Сталин в 1941 г. находился между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобилизации и масштабных мероприятий по созданию на Западе группировки сил для первой операции могло привести к вступлению в войну без весомых на то оснований. Понятно, что фактор возможности так называемого «внезапного нападения» учитывался. Никто не ждал, что будут заранее присылать бумагу с классическим «иду на вы», т.е. официальным объявлением войны. Однако очевидное забвение формальностей не отменяло стандартного набора событий перед началом военных действий. Но этого стандартного набора не было. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территории. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Что бы ни говорили, но нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в исто-

рии войн. Немецким руководством было заранее принято решение на безусловное силовое решение проблемы. Поэтому никаких демаршей, которые могли бы дать основания для нажатия на «красную кнопку» и запуска процесса сбора войск у границы, попросту не было. Напротив, на дипломатическом уровне немцы просто молчали как рыбы. Информацию, которая могла служить достаточным основанием для «красной кнопки», могла дать разведка. Но до самого последнего момента, когда нажатие «красной кнопки» могло дать положительный результат, разведка весомых доказательств не представляла. 31 мая 1941 г. начальник Разведывательного управления Генерального штаба Ф. И. Голиков докладывал:

«Общее распределение Вооруженных сил Германии состоит в следующем:

- против Англии (на всех фронтах) 122—126 дивизий;
- против СССР — 120—122 дивизии;
- резервов — 44—48 дивизий»¹.

При этом разведка не отмечала заметного акцента в группировке немецких войск. Голиков докладывал, что:

«Распределение по направлениям немецких сил против СССР следующее:

а) в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии, в том числе 18—19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кав. полков;

б) на варшавском направлении против ЗапОВО — 30 дивизий, в том числе 24 пехотных, 4 танковых, одна моторизованная, одна кавалерийская и 8 кав. полков;

в) в Люблинско-Краковском районе против КОВО — 35—36 дивизий, в том числе 24—25 пехотных, 6 танковых, 5 моторизованных и 5 кав. полков;

г) в Словакии (район Зборов, Пренов, Вранов) — 5 горных дивизий;

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 290.

д) в Прикарпатской Украине — 4 дивизии;

е) в Молдавии и Северной Добрудже — 17 дивизий, в том числе 10 пехотных, 4 моторизованных, одна горная и две танковых дивизии;

ж) в районе Данциг, Познань, Торн — 6 пехотных дивизий и один кав. полк»¹.

Последней строкой доклада Голикова была: «В заключение можно отметить, что перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены». Глядя на эту картину распределения сил, мы не видим ярко выраженных ударных группировок. Количество подвижных соединений немцев в Румынии примерно равно их числу на Западном направлении против Западного особого военного округа.

Советское руководство можно понять: запускать процесс накопления войск у границы, усугубленный тайной мобилизацией, было просто опасно. Для его запуска нужна была прочная опора. Либо политические демарши противника, либо не допускающие двоякого толкования данные разведки. Ни того ни другого у высшего руководства СССР в период, когда нажатие «красной кнопки» еще могло дать положительный результат, попросту не было.

Техника

Одна из проблем дискуссии вокруг 1941 г. — в том, что многие ее участники заикливаются на специфике первого года войны, не желая оглянуться вокруг. Дело даже не в смаковании документов критического характера по 1941 г. Люди не очень себе представляют проблемы отступающей армии. Многие естественные спутники общего неуспеха воспринимаются как причины самого поражения.

¹ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 290.

Быстрое «стачивание» механизированных корпусов представляется уникальным явлением, явившимся причиной якобы неравноценного размена массы советских танков на горстку немецких.

В первую очередь мне хотелось бы дистанцироваться от тех, кто пытается натягивать резинку на глобус в подсчетах категорий танков. Их усилия направлены на то, чтобы подогнать число «реально боеспособных» советских танков поближе к численности танкового парка Вермахта. Как изучение документов, публиковавшихся в соответствующих сборниках, так и личное знакомство с первичными документами в ЦАМО показывают, что большая часть боевых машин мехкорпусов благополучно вышла по тревоге 22 июня. Доля танков и бронемашин, брошенных вследствие неисправностей в местах постоянной дислокации, невелика. Во всяком случае, она не дает ни малейших шансов арифметическими экзерсисами согнать цифру общей численности танкового парка мехкорпусов приграничных округов до численности танковых дивизий сил вторжения. Проблемы начались уже после того, как танки ушли из военных городков в пекло маршей и сражений.

Попробуем заглянуть в 1943 г., когда линия фронта двигалась на запад. Обвал в конце августа 1943 г. фронта 6-й армии в Донбассе вынудил немецкое командование спешно бросать в бой перевооруженные на новую технику части. Одной из «подпорок» 6-й армии должен был стать II батальон 23-го танкового полка, вооруженный 96 «Пантерами». Новейшие по тому времени танки должны были остановить продвижение вперед советских танковых войск. К моменту прибытия на фронт в первых числах сентября 1943 г. батальон был укомплектован по штату и насчитывал 96 «Пантер». Почти сотня «Пантер» была серьезным аргументом. Однако они были быстро растащены по пехотным подразделениям и фактически стали маленькими «пожарными командами». К 20 сентября 1943 г. из 96 новеньких

«Пантер» осталось только 11 боеготовых танков. 28 «Пантер» были взорваны, так как не могли быть отбуксированы при приближении советских войск. Еще 11 «Пантер» были в краткосрочном ремонте и должны были быть восстановлены к 23 сентября, 13 были на ремонтной базе батальона в Запорожье, 24 — на сборном пункте к востоку от Днестра, 4 — на полковой ремонтной базе, 4 погружены на ж.-д. платформы и один танк охранял дамбу у Запорожья. Буквально за две недели от сотни «Пантер» остался всего десяток боеготовых машин. При этом обстоятельства потери некоторых «Пантер» вполне могут соперничать с утратой КВ и Т-34 в 1941 г. Так, 14 поврежденных «Пантер» находились в готовности к погрузке на станции Сталино-Западная. Однако перед лицом наступающих советских войск на станции была взорвана система водоснабжения паровозов — это было первое, что взрывали. Из-за этого ни один паровоз на Сталино-Западная не мог двинуться с места. В итоге несколько танков пришлось взорвать. Эвакуация «Пантер» также затруднялась тем, что вместо требуемых батальоном 18 тяжелых тягачей было выделено только четыре. В итоге боевые повреждения составляли едва ли 10% от общего числа потерянных танков. К концу месяца в батальоне остались буквально единицы боеготовых «Пантер». Один из немногих батальонов новейших танков на Восточном фронте потерял боеспособность, не оказав заметного воздействия на ход событий.

Примерно то же самое происходило на южном фасе Курской дуги после завершения немецкого наступления. К 20 июля 1943 г. из 200 отправленных на фронт для участия в операции «Цитадель» «Пантер» 39-го танкового полка боеготовым остался только 41 танк. Судьба остальных машин распределилась следующим образом. 82 танка были в ремонте в полковых ремонтно-восстановительных подразделениях, 16 танков были подготовлены для отправки на ремонт в Германию и 58 «Пантер» числились в без-

возвратных потерях. Из числа последних 2 танка сгорели от пожара двигателя еще до начала боев. Названная цифра танков в ремонте на самом деле лукавая. Правильнее их назвать «потенциально восстанавливаемые». К тому моменту 55 «Пантер» и 3 «Бергепантер» все еще не были эвакуированы. Поэтому, прежде чем приступить к ремонту, их еще необходимо было отбуксировать к Борисовке, где были развернуты ремонтные мастерские 39-го танкового полка. При этом для эвакуации немцами были сосредоточены крупные силы: четырнадцать 18-тонных полугусеничных тягачей из 3-й ремонтно-эвакуационной роты и девятнадцать 18-тонных полугусеничных тягачей из ремонтных подразделений 39-го танкового полка. Однако в конце июля немцы были выдавлены на исходные позиции, которые они занимали до 4 июля. В августе началось советское наступление — операция «Румянцев». В итоге, несмотря на получение 12 «Пантер» с завода, боеготовыми было всего 9 машин, 47 в ремонте, а число безвозвратных потерь подскочило до 156 танков. В донесении 4-й танковой армии Гудериану от 11 августа уточнялось, что 35 «Пантер» были взорваны немцами в Борисовке, т.е. в том районе, где располагались ремонтные мастерские 39-го танкового полка. Звучит парадоксально, но если бы «Румянцев» начался двумя неделями позже, немцы бы его встретили большим числом боеготовых танков.

Продвижение советских войск вперед вызывало быстрый «падеж» немецких танков. В августе 1943 г. в группу армий «Юг» прибыл из Германии перевооружившийся на «Пантеры» II батальон танкового полка дивизии СС «Дас Райх» — 71 танк. Через десять дней боев боеготовой осталась только 21 «Пантера». «Детские болезни» танков «Пантера» только усугубляли общую ситуацию. Точно так же поломки новых КВ и Т-34 приводили к быстрому снижению числа боеготовых машин в механизированных корпусах.

Может быть, проблема в 1943 г. касалась только новых танков, какими были еще относительно сырые «Пантеры»? В качестве еще одного примера можно привести данные по боевой деятельности одного из участника дубненских боев июня 1941 г., немецкой 14-й танковой дивизии, двумя с половиной годами спустя, осенью 1943 г. 14-я дивизия прибыла в октябре 1943 г. на Восточный фронт из Франции, где проходила пополнение и переформирование. Соединение действовало в схожих с мехкорпусами 1941 г. условиях, вело маневренные оборонительные бои севернее Кривого Рога. Дивизия вступила в бой 28 октября в составе 49 танков Pz.IV, 44 САУ StuG.III, 7 огнеметных (Flamm) танков, 9 командирских машин. Как мы видим, никаких сырых «Пантер» в соединении не было. 14-я танковая дивизия в тот период вела боевые действия в составе 1-й танковой армии. Потери танкового парка дивизии за 16 дней боев отражены в таблице.

Таблица

**Структура потерь 14-й танковой дивизии
осенью 1943 г.**

Классификация потерь	Pz.IV	САУ StuG.III	Flamm	Командир- ские
Боевые потери (сгоревшие и т. п.)	9		0	0
Танки, требующие заводского ремонта вследствие боевых повреждений	6		0	0
Танки, оставленные на территории противника вследствие боевых повреждений	5	6	2	0
Танки, оставленные поврежденными на территории противника вследствие поломок	6	4	0	0

Классификация потерь	Pz.IV	CAV StuG.III	Flamm	Командир- ские
Танки, вышедшие из строя вследствие длительных маршей и брошенные из-за отсутствия возможностей отбуксировать их в тыл	7	2	1	0
Всего	33	25	3	0
Состояние танкового парка дивизии на 7 декабря 1943 г.				
Боеготовые	8*	6	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью до 14 дней	8	8	2	4
Танки, требующие полевого ремонта длительностью более 14 дней	4	5	0	1

* Включая 4 новых танка Pz.IV, полученных с завода в ходе боев

Все эти частные примеры являются отражением общей тенденции воздействия быстрого смещения линии фронта на состояние танковых войск. Прекрасной иллюстрацией этого явления может служить статистика по немецким танкам на Восточном фронте с середины 1942 г. до весны 1943 г. Когда немцы наступали на юге и сохраняли относительно стабильный фронт в центре, в безвозвратные потери списывалось не так много танков. В июле 1942 г. было списано 198 машин, в августе — 232, в сентябре — 298 машин. Замечу: это потери в период наступления на Кавказ и Сталинград и тяжелых позиционных боев под Ржевом. Но линия фронта смещалась преимущественно вперед (на частный успех Западного фронта под Погорелым Городищем можно внимания не обращать). А вот когда линия фронта покатила назад, в безвозвратные потери было списано 456 машин в январе 1943 г. и 1105 машин в феврале. Судя по всему, в последнюю цифру входят танки, потерянные с капитуляцией армии Паулюса. Формально

небоееспособные танки 6-й армии могли числиться в ремонте и автоматически перешли в статус безвозвратных потерь с ликвидацией «котла». То же самое происходило с танками, числившимися в ремонте в группах армий «А» и «Б» (позднее «Юг»). Смещение линии фронта поглощало машины, находившиеся в тыловых районах этих групп армий. Потеря ремонтного фонда, в свою очередь, вызывала снижение числа боеготовых танков на фронте. Если в декабре 1942 г. их было у немцев на всем Восточном фронте 1723, то в феврале 1943 г. число боеготовых танков упало до 981 единицы. Для этого периода показательна судьба 6-й танковой дивизии, прибывшей на Восточный фронт, переформированной с запада и участвовавшей в попытке деблокировать армию Паулюса. 7 декабря 1942 г. соединение прибывает на фронт с 143 боеготовыми танками. Уже к 20 декабря число боеготовых машин падает до 62 единиц, а к 8 января — до 32 единиц. Причем 8 января 1943 г. в безвозвратные потери списываются сразу 59 танков. Именно в этот период советские войска перешли в наступление на сталинградском направлении и захватили находившиеся в ремонте танки дивизии в районе станции Котельниково.

Как мы видим, движение линии фронта назад, общий отход вызывают поистине катастрофические изменения в балансе боеготовых, находящихся в ремонте и безвозвратно потерянных танков. Когда есть понимание общих тенденций, данные по потерям советских механизированных корпусов уже не вызывают сильных эмоций. Перед нами встает вполне обычная «история болезни». Характерную картину дает отчет командира 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, участвовавшей в дубненских боях с момента их завязки в первые дни войны до самого финала (см. таблицу). Потери приведены по данным на 1 августа, но подавляющее большинство их приходится на период дубненских боев.

Таблица

Распределение потерь танков 10-й танковой дивизии

№	Характер потерь	Число потерь по маркам машин						Итого
		КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Бронемашины	
1	Разбито и сгорело на поле боя	11	20	4	53	7	13	108
2	Вышло из строя при выполнении боевой задачи и осталось на территории, занятой противником	—	1	4	2	2	4	13
3	Не вернулось с экипажами с поля боя после атаки	11	3	—	3	3	7	27
4	Сгорело в результате бомбардировок	—	—	—	1	—	4	5
5	Осталось с экипажами в окружении противника из-за технической неисправности или отсутствия горюче-смазочных материалов	2	—	6	1	—	—	9
6	Осталось из-за отсутствия горюче-смазочных материалов и невозможности его подать, так как район расположения машин захвачен противником	—	—	4	2	—	—	6
7	Пропало без вести с экипажами	—	—	3	—	—	—	3

№	Характер потерь	Число потерь по маркам машин						Итого
		КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Бронемшины	
8	Уничтожено на сборных пунктах аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при отходе	7	1	6	—	—	6	20
9	Оставлено при отходе части по техническим неисправностям и невозможности восстановить и эвакуировать	22	6	15	28	10	14	95
10	Застыло на препятствиях с невозможностью извлечь и эвакуировать	3	1	2	10	2	3	21
	Всего	56	32	44	100	24	51	307

Как мы видим, из 307 боевых машин на поле боя дивизией потеряно 153 танка и бронемшины, что составляет 50%. Еще 20 машин было уничтожено на сборных пунктах аварийных машин, где собирались поврежденные огнем противника танки. Это прибавляет еще 7% к списку потерь в результате непосредственного воздействия противника. 21 машина застыла в болотах и речках, что составляет 7% от общего числа потерь. Наконец, наиболее обидный пункт — это 95 машин, потерянных из-за невозможности восстановить и эвакуировать их. Это почти треть общего числа потерь, 31%. Советская 10-я танковая дивизия летом 1941 г. во многом воспроизводит судьбу полка «Пантер» летом 1943 г., о котором я писал выше, в несколько ускоренном темпе.

Не следует думать, что немецкие танки в 1941 г. были неуязвимыми. Возьмем в качестве примера 13-ю танковую дивизию. В июне 1941 г. она пробивалась в составе III моторизованного корпуса к Луцку от Владимира-Волынского. В I батальоне 4-го танкового полка дивизии на утро 24 июня 1941 г. имелось боеготовыми 19 Pz.II, 34 Pz.III, 10 Pz.IV и 2 командирских танка. Наступая вдоль Киевского шоссе, немецкая дивизия сражалась с 19-й танковой дивизией советского 22-го мехкорпуса под Войницей, 1-й противотанковой артиллерийской бригадой. К вечеру 28 июня в батальоне осталось боеготовыми 15 Pz.II, 10 Pz.III, 4 Pz.IV и 2 командирских танка. Нетрудно догадаться, что в случае потери ремфонда 13-я танковая дивизия довольно быстро осталась бы вообще без танков. Однако смещение фронта на восток позволило поддерживать боеспособность соединения на приемлемом уровне. В некоторых случаях это позволяло длительное время держаться без пополнения. 10-я танковая дивизия 2-й танковой группы Гудериана вступила в войну с СССР с 176 танками. К 21 июля 1941 г. число боеготовых танков упало более чем вдвое — до 81 машины. Однако усилиями ремонтников к 11 сентября 1941 г. число боеготовых танков в дивизии поднялось до 150 машин. А первое пополнение прибыло только 18 сентября — всего 3 (три!) танка Pz.IV. При этом темпы ремонта были умеренными: к 1 августа в 10-й танковой дивизии было 88 боеготовых танков. Такие скачки численности можно видеть во многих соединениях Панцерваффе летом 1941 г. Наступавшая на Ленинград 1-я танковая дивизия начинает кампанию со 145 боеготовыми танками, к 22 июля их остается 79. К 3 августа ремонтники подтягивают численность боеготовых танков до 109 машин, а к 23 августа она падает до 72 машин. Все это не помешало дивизии выставить к началу наступления на Москву 111 танков, получив в качестве пополнения всего 5 Pz.III и 4 Pz.IV.

Брошенные в Борисовке неисправные «Пантеры». Август 1943 г.

Когда Красная армия наступала в 1944—1945 гг., противники поменялись ролями. Теперь ремонтные средства корпусов и танковых армий получили возможность восстанавливать застрявшие и подбитые машины. При этом даже безвозвратно потерянные танки (т.е. не подлежащие восстановлению силами ремонтных служб), оставшиеся на контролируемой советскими войсками территории, становились источником запасных частей. В 4-й танковой армии зимой 1944/45 г. почти 50% запасных частей было получено путем «каннибализации» разбитых и сгоревших танков. По некоторым позициям (например, траки, пальцы гусениц и орудия) изъятые с безвозвратно потерянных машин части и агрегаты превосходили поступление аналогичных запчастей с заводов промышленности. Поэтому 4-я танковая армия могла «держаться на плаву» без масштабного вливания пополнений. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта отмечается: «Армия в целом за период боев почти 1,5 раза пополнялась за счет танков, вышедших из ремонта, что давало возможность поддерживать на протяжении всей операции боевую спо-

способность частей и соединений армии»¹. Аналогичная картина наблюдалась во 2-й гв. танковой армии. В зимних боях 1945 г. один танк проживал три «жизни». В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта указывалось: «Сопоставляя количество отремонтированных танков и СУ за время операции с количеством танков и СУ, имевшихся в армии к началу операции, получается, что каждый танк 3 раза восстанавливался и возвращался в строй»².

Это типичная ситуация, когда танки многократно восстанавливаются после выхода из строя на поле боя. Нужно вообще раз и навсегда забыть киношный образ поражения танка из фильмов Озерова: красивый взрыв углеводородов на моторном отсеке после попадания в лобовую проекцию машины. Эффектные взрывы сопровождали поражение танка периода Второй мировой войны далеко не всегда. Чаще это происходило при попадании снарядов калибром 88-мм и выше. Выгорание танков также было не самым частым явлением. Например, в ходе зимних операций 1945 г. управлением бронетанкового снабжения и ремонта 2-й гвардейской танковой армии было осмотрено 160 попаданий на 50 танках безвозвратных потерь и 40 танках капитального ремонта. По итогам анализа статистики повреждений был сделан вывод: «...на танках и самоходных установках, безвозвратно потерянных в боях, обнаружены в большинстве случаев пробойны болванками 88-мм и более 100-мм. В результате этих попаданий танки сгорали. В то же время при осмотре танков и СУ капитального ремонта установлено, что машины в большинстве случаев имеют пробойны болванками 75-мм. Попадания болванок 75-мм лишь в отдельных случаях приводили к взрыву 10—12 гильз снарядов боеукладки»³. Если в 1945 г. попа-

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 35.

² ЦАМО РФ, ф. 2 гв. ТА, оп. 4163, д. 83, л. 43.

³ ЦАМО РФ, ф. 2 гв. ТА, оп. 4163, д. 83, л. 48.

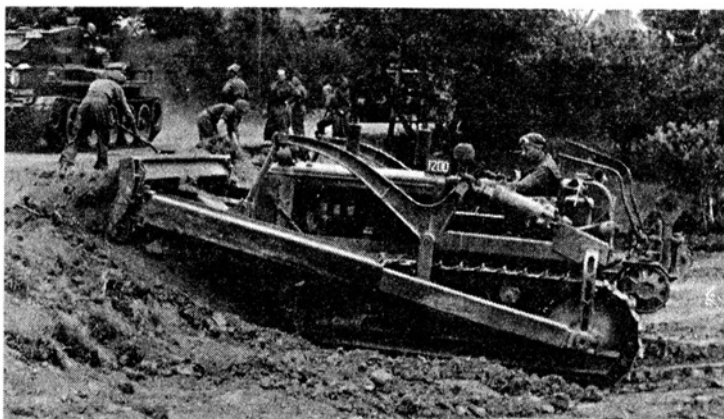
Брошенный на улице украинского городка трактор «Ворошиловец» с танком KB-1 на буксире. Летом 1941 г. Красная армия обладала уникальными возможностями эвакуации техники, но против нее работали глобальные стратегические факторы

дания из орудий калибра 88-мм и выше составляли около 40% общего числа попаданий, то до лета 1942 г. 50% потерь советских танков приходилось на 50-мм ПАК-38. Разрушительные возможности 50-мм снарядов были еще ниже, чем у 75-мм. Чаше машина получала одно или несколько результативных попаданий без видимого эффекта, останавливалась и далее уже покидала поле боя не своим ходом. Поэтому работа танковых войск во многом опиралась на восстановление подбитой или вышедшей из строя вследствие поломок техники.

Здесь позволю себе сделать небольшое лирическое отступление. Мемуары Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», при всех их очевидных недостатках, на самом деле очень глубокая и серьезная книга. Некоторые моменты и высказывания кажутся странными без накопления определенного объема знаний о предмете. Георгий Константинович был человеком информированным и иногда указывал на некоторые подводные течения в войне. Есть его широко известное высказывание про «огнеопасность»

советских танков. Однако БТ действительно имели легкопоражаемые баки по бортам боевого отделения и часто вспыхивали от попаданий снарядов. Выгорание танков мешало их восстановлению и тем самым нарушало систему работы танковых войск. По итогам боев на Халхин-Голе отмечалось: «От попадания противотанковых снарядов почти все танки и броневики тоже горят и восстановлению не подлежат. Машины приходят в полную негодность, пожар вспыхивает за 15—30 с. Экипаж всегда выскакивает с горящей одеждой. Пожар дает сильное пламя и черный дым (горит, как деревянный домик), наблюдаемый с дистанции 5—6 км. Через 15 минут начинают взрываться боеприпасы, после взрыва которых танк может быть использован только как металлолом». Как мне думается, своим высказыванием Жуков как раз намекает на трудности с «оборачиванием» битых «бэтэшек». Это, кстати, видно в таблице потерь 10-й танковой дивизии, приведенной выше. Танки БТ лидируют в графе «Разбито и сгорело на поле боя». В боях на Халхин-Голе с 3 июля по 5 августа 1939 г. в 11-й танковой бригаде 68 БТ числились сгоревшими, а 61 — подбитыми. То есть более 50% машин шло в безвозвратные потери. Танки новых типов были намного устойчивее, за что и были любимы экипажами.

Когда армия отступает, цепочка «подбили, эвакуировали, восстановили, снова в бой» нарушается. Эвакуация поврежденных танков в условиях откатывающегося назад фронта быстро перегружает ремонтные подразделения танковых соединений практически любой армии. РККА образца 1941 г. здесь не исключение. Ремчасти рассчитываются на сравнительно ровное течение событий и лучше всего себя показывают в наступлении. Успешно наступающее или даже увязшее в позиционных боях танковое соединение имеет возможность вытаскивать подбитые танки и восстанавливать их по нескольку раз. Если же приходится отступать, то ситуация быстро ухудшается: подбитые танки приходится бросать, количество боегото-

Трактор TD-18 International Harvester в варианте бульдозера на Западном фронте. Такие тракторы поставлялись в СССР по программе ленд-лиза и использовались в качестве эвакуационных средств. По скорости они недалеко ушли от «сталинцев».

вых машин в соединении неуклонно падает, и такое соединение все меньше способно эффективно сдерживать проти зника. Линия фронта катится назад все быстрее, и даже легко поврежденные боевые машины взрывают или просто бросают.

Может быть, эвакуационных средств в 1941 г. было просто недостаточно? Вследствие разгильдяйства, слабости или же «преступлений режима» — кому что больше нравится. Мы настолько заиклены на событиях 1941 г., что эти данные даже не нужно искать, они публиковались в печатном виде. В отчете командира 10-й танковой дивизии указывается: «К моменту выхода дивизии 22.6.41 г. дивизия располагала 29 тракторами «Ворошиловец». В условиях наступательных действий дивизии этого количества для эвакуации тяжелых и средних боевых машин было бы достаточно, а при сложившейся обстановке, особенно в условиях общего отхода, такое количество тракторов оказалось недостаточным». Ему вторит командир 32-й танковой дивизии Ефим Пушкин: «Наличие тракторов

«Ворошиловец» не обеспечило эвакуацию, тракторы для буксировки «КВ» выходили из строя от перегрузки». В дивизии Пушкина было больше 30 «ворошиловцев». Три десятка тракторов на дивизию — это много или мало? Давайте посмотрим на 4-ю танковую армию Д. Д. Лелюшенко в победном 1945 г. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта армии за март 1945 г. читаем: «Эвакуационные средства армии составляют две эвакороты №1 и №154, имеющие в своем составе 24 трактора ТД-18. Но ввиду того, что имеющие[ся] трактора работают уже с Орловской операции без единого среднего ремонта, отработали по 1400—1500 м[ото]/ч[асов], ходовая часть сильно износилась, к дальнейшей эксплуатации большинство из них были непригодные и требовали капитального ремонта на заводах промышленности. К началу операции имелось только 12 тракторов с ограниченным запасом хода. Части и соединения эвакосредств не имели»¹. ТД-18 — это получаемые по ленд-лизу трактора фирмы «Интернешнл». По своим характеристикам они недалеко ушли от отечественных экс-сельскохозяйственных «сталинцев» (они же ЧТЗ-65, они же С-65). Достоинством ТД-18 по сравнению со «сталинцами» была штатная лебедка. Но никакого сравнения с мощными «ворошиловцами» ни «сталинцы», ни ТД-18 не выдерживали. ЧТЗ-65 («сталинцы») двигались со скоростью пешехода, их максимальная скорость была всего 7 км/ч. «Ворошиловцы» могли развивать скорость до 36 км/ч. Усилие на крюке у «ворошиловца» было 10 тонн, а у «сталинца» — 4,6 тонны. У «ворошиловца» была грузовая платформа под груз до 2 тонн (которой не было ни у ЧТЗ-65, ни у ТД-18) и лебедка усилием до 10 тонн.

Корпуса (эквивалентные танковым дивизиям 1941 г.) 4-й танковой армии получали из двух армейских эвакорот по 3—4 трактора, обходились ими или танками. Развитие ситуации было предсказуемым. Трактора-долгожители в

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, лл. 56—57.

армии Д. Д. Лелюшенко до Берлина не дотянули: «К концу Оппельнской операции все трактора вышли из строя и армия осталась без эвакуосредств. Чтобы пополнить убыль, были предприняты меры по восстановлению из танков безвозвратных потерь тягачей, которые по своему техническому состоянию не могли быть восстановлены, как боевые машины. Эвакуация в это время производилась 3 тягачами 5 гвардейской МК. К концу Ратиборской операции было введено в строй 6 тягачей из танков Т-34»¹. Несколько лучше дела обстояли во 2-й гвардейской танковой армии. Перед началом Висло-Одерской операции в 1-м механизированном корпусе армии С. И. Богданова было пять тягачей на шасси Т-34 (так называемые Т-34Т), в 9-м гвардейском танковом корпусе — 5 тягачей Т-34Т, в 12-м гв. танковом корпусе — 6 Т-34Т. Две армейские эвакуороты 2-й гвардейской танковой армии могли похвастаться 15 ЧТЗ-65, 6 ТД-18 и 6 трофейными тягачами «Фамо» (18-тонными).

Поэтому несколько десятков «ворошиловцев» в танковой дивизии июня 1941 г. — это очень много. Подавляющее большинство танковых и механизированных корпусов Красной армии 1945 г. такой толпой тягачей похвастаться не могли. Потрепанные Т-34 из капитального ремонта без башни в качестве основного корпусного средства эвакуации — это «чистенько, но бедненько». Это, заметим, отнюдь не частности, а общая тенденция. Вот что сказано о состоянии эвакуосредств танковых армий 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов перед Висло-Одерской операцией в послевоенном академическом труде: «К началу операции танковые армии двух фронтов имели 152 трактора и тягача, или около 70% штата. Из этого количества более 50% были Т-34Т»². Полторы сотни тягачей на четыре

¹ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 58.

² Сыроятов В. А. Танкотехническое обеспечение бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Академия бронетанковых войск им. Р. Я. Малиновского, 1981. С. 142.

полностью укомплектованные танковые армии! В Киевском особом военном округе перед войной было 313 «ворошиловцев» (в том числе 15 в ремонте), из которых в подчинении танковых войск было 230 тракторов. Как ни крути, в июне 1941 г. в бой вступила армия, оснащавшаяся по высоким стандартам мирного времени. Если оснастить скоростными тягачами артиллерию в СССР перед войной не смогли, то «ворошиловец» в качестве эвакуатора заслуживает самой высокой оценки. Однако он конкурировал по двигателю с Т-34 и КВ, был достаточно дорогим, и поэтому производство «ворошиловцев» было довольно быстро свернуто. В 1945 г. на советские танковые войска работала обстановка, фронт двигался практически только вперед. Поэтому можно было временно бросать застрявшие и поврежденные машины и вытаскивать их по мере сил имеющимися хилыми эвакуационными средствами.

Таким образом, есть еще один ответ на вопрос о размене 20 тысяч советских танков на 3,5 тысячи немецких. Советские танковые войска в условиях быстрого смещения линии фронта на восток не могли опираться на ремонтный фонд танковых частей и соединений. Это заставляло вновь и вновь бросать в бой новые танковые подразделения вместо восстановления уже существующих. Механизированные корпуса Юго-Западного фронта в ходе танкового сражения в районе Дубно сумели на какое-то время задержать противника. Но вследствие потери ремонтного фонда «второго дыхания» у них уже не было. Второй раунд (Бердичев) отыгрывал новый 16-й мехкорпус. Позднее смыкание окружения вокруг 6-й и 12-й армий задержал на неделю 2-й механизированный корпус Южного фронта. Если вводная задачи «срыв плана «Барбаросса» предусматривает аннигиляцию ремфонда, то для ее решения нужно гораздо больше 3,5 тысяч танков.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Случайности и закономерности	9
Искусство не быть Варроном	55
Искусство не быть Варроном II. Предельный вариант	96
В поисках утраченного «шверпункта»	143
«Пожарные команды» обороны	185
Заключение	244
Приложение	249

Научно-популярное издание

ВОЙНА И МЫ

Исаев Алексей Валерьевич

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА 1941 в сослагательном наклонении

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 28.09.2011.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4102557

Отпечатано с готовых файлов заказчика в филиале
«НИЖПОЛИГРАФ» ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г.Нижний Новгород, ГПС -123, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-52235-4

9 785699 522354 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

«История не знает сослагательного наклонения» – настоящие военные профессионалы никогда не согласятся с этой «мудростью» и не отдадут исторические альтернативы на откуп писателям-фантастам: ведь **игра в «если»** сродни штабным играм. Так, еще в 1977 году Советская Армия провела грандиозные штабные учения, в ходе которых на новом военно-техническом уровне был разыгран сценарий начала Великой Отечественной войны, – Генштаб искал альтернативные варианты обороны, чтобы не повторять былых ошибок и больше не допустить врага до Москвы и Ленинграда.

Развивая эту традицию, **НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка поднимает изучение исторических альтернатив на подлинно НАУЧНЫЙ уровень и моделирует различные варианты 1941 года:** Что, если бы Гитлеру не удалось застать Сталина врасплох, будь Красная Армия своевременно приведена в полную боевую готовность, – имелись ли у нас шансы выиграть Приграничное сражение и избежать катастрофы? Что, если бы Советский Союз нанес удар первым – могли ли наши войска в считанные недели разгромить Вермахт, как утверждает скандально известный Виктор Суворов, или потерпели бы еще более страшное поражение, чем в текущей реальности? Что, если бы в СССР удалось создать собственный вариант «блицкрига», доведя до ума теорию «стратегических танков» и превратив монструозные, почти неуправляемые мехкорпуса 1941 года в хорошо сбалансированные, мобильные и эффективные элитные соединения, способные изменить ход войны и всю историю XX века?

ISBN 978-5-699-52235-4

9 785699 522354 >